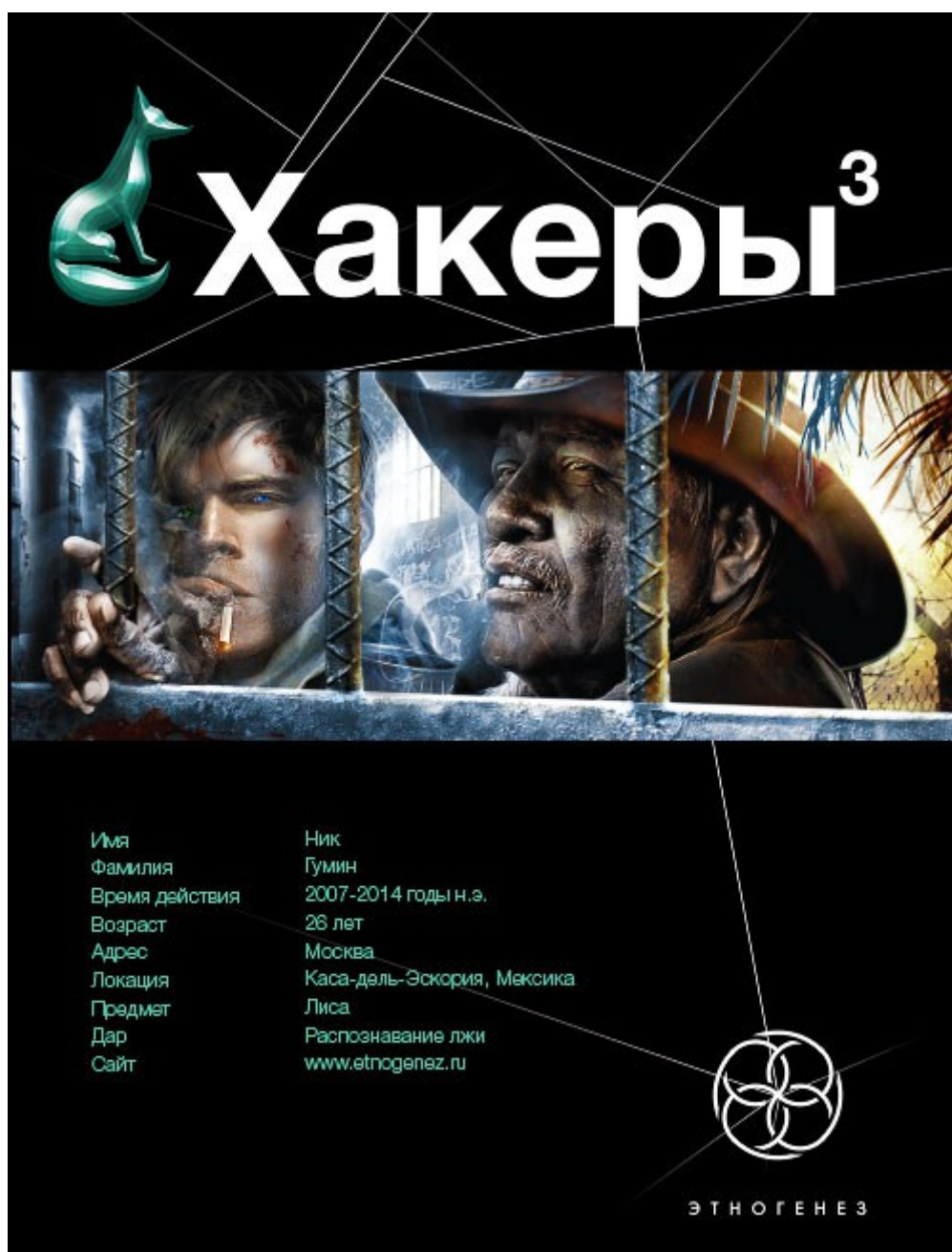

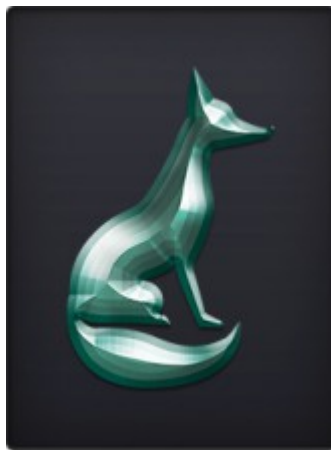
Юрий Бурносов
Хакеры. Книга 3. Эндшпиль

Хакеры – 3

Аннотация

Ник и Лекс — друзья детства и заклятые враги одновременно. Дороги молодых людей надолго расходятся, но оба осознают, что их судьбы крепко связаны. Чтобы понять, кто они такие и каково их предназначение в этом мире, одному приходится пройти через страшную тюрьму в мексиканской глубинке, а другому — сквозь ледяной ад полярных канадских островов, притом что за обоими охотятся боевики Четвертого Рейха. Их встреча непременно состоится, вот только будет ли она радостной? Особенно если в этот момент над миром нависнет очередная угроза...

Юрий Бурносков Хакеры. Книга 3. Эндшпиль

О Лис, будь ввергнут в злое пламя!
Как много раз душил ты нас,
Подстерегал, калечил, тряс,
И в клочья наши рвал наряды,
И гнал до самой до ограды!

«Роман о Лисе»

Они ловки, жирны и грязны,
И все плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Зинаида Гиппиус. «Пауки»

ПРОЛОГ

Сингапур, 8 августа 2008 года

С колеса обозрения «Сингапур Флаер» видно много интересного. К примеру, индонезийские острова Батам и Бинтан, а также малайский султанат Джохор, не говоря уж о проливе. Но я смотрю только на человека, который сидит напротив.

— Ты ведь пришел сюда, чтобы начать войну? — говорю я. — Ты...

— Нет, — перебивает он меня, — я пришел, чтобы понять, ты управляешь Фрамом или Фрам — тобой.

Я снова испытываю приступ необъяснимой паники, и даже чертова лиса, висящая у меня на шее, не может помочь установить причину этого. Мне приходится крепиться изо всех сил. Молчу, он ждет ответа, а я с высоты сорока двух этажей каким-то чудесным образом слышу, как где-то внизу, в кафе, играет музыка. Я даже ее узнаю — это «Rehab» Эми Уайнхаус. Странная девушка. Такие долго не живут — ну, или наоборот, всех переживают.

— Я не слышу ответа на поставленный мною вопрос, — как-то равнодушно говорит он.

— А ты ничего и не спрашивал. Ты сказал, зачем сюда пришел. Чтобы понять, я управляю Фрамом или Фрам — мной.

— И?

— Да ничего, — я посмотрел на пролив, забитый судами, среди которых выделялась огромная ярко-красная туша танкера. — С тем же успехом я мог бы спросить об этом у тебя.

— Ты прекрасно знаешь мой ответ.

— Что ж, ты тоже прекрасно знаешь мой ответ.

Мои сербы и его дашнаки, кажется, полностью поглощены созерцанием окрестностей. Они даже друг на друга не смотрят, как было вначале. Один из дашнаков вообще насвистывает, что удивительно. Причем насвистывает мотив вслед за Эми. Другой легонько толкает его в бок локтем.

Идиллия, что еще сказать. Если бы не он.

Я открываю рот, но он меня опережает:

— Ну «нэт так нэт», как в том старом анекдоте про Гиви и коньяк. Это, кстати, лишь подтверждает мои подозрения...

— Да плевать мне на твои подозрения! — говорю я. — Мы оба знаем, для чего ты здесь. Ты знал, что увидишь здесь меня. И ты пришел не договариваться, как хотят того твои друзья, а наоборот, сделать все для того, чтобы мы не договорились.

Ты все еще хочешь отомстить мне, хотя я давно тебя простил за твои гнусные дела. Тебе нужна война.

Он смотрит на меня с неприятной улыбкой, как на редкую гадину, которая заползла в дом, но, прежде чем ее раздавить и выбросить, желательно рассмотреть повнимательнее, она же редкая...

— Да нет, я не собирался с тобой договариваться, Ник. Зачем? Мы готовы к войне, так почему бы, в самом деле, и не повоевать? В истории человечества есть масса примеров, когда именно война спасала экономики государств. Так что, как говорили Труляля и Траляля: «Вздует друг дружку»?!

Сволочь такая, он улыбался. Автоматически ухмыльнулся и один из дашнаков, тот, что насвистывал «Rehab». Второй снова толкнул его локтем. Гарант, по-прежнему сидевший в наушниках, покосился на них и еле слышно кашлянул. То ли негодовал таким образом, то ли просто в горле запершило. Интересно, можно ли перекупить гаранта?

Чтобы он вытащил сейчас пистолет и всадил по пуле в голову мне и моим сербам из Армады, тем самым завершив переговоры. Наверное, да. Купить можно всех, вопрос только в цене.

Однако ничего не произошло.

Кабинка приближалась к земле.

— Let it rock, — говорю я как можно безразличнее. — Война так война, браза.

Судя по тому, как он дернулся, я попал в точку.

— Не зови меня так.

Он не говорит, он шипит.

— Прости, — мне надо произнести все беззаботно. — Прости, забылся. Ну, раз мы решили все наши дела, может, пойдём и выпьем по молочному коктейлю? Я буду клубничный, а ты?

На сей раз гарант укоризненно косится уже на меня.

Земля все ближе, скоро выходить, потому что второй круг (в буквальном и переносном смысле) наших переговоров никакого смысла не имеет.

— Таракан может прожить без головы трое суток, — говорит Лекс, глядя мне в глаза.

— Знаменитый Безголовый Цыпленок Майк из Колорадо прожил полтора года; правда, у него оставалась часть ствола головного мозга. Но ты всем им дашь фору. Ты живешь без башни уже много, много лет, Ник. Но боюсь, все идет к закономерному финалу.

А что, может, он и прав, старина кровник. Но мне нужно сделать последний ход, ведь, как говорил Мюллер в незабвенных «Семнадцати мгновениях», лучше всего запоминается последняя фраза.

Поэтому, когда мы уже покидаем кабинку, я задерживаюсь у выхода и бросаю:

— Привет от Фрама!

ГЛАВА 1

ЗАЛЕЧЬ НА ДНО В КВИНСЕ

Квинс, Нью-Йорк, 27 декабря 2007 года

Америка — на редкость скучная страна.

Лекс знал это и раньше, но понял окончательно, лишь когда наступил День благодарения и стартовали рождественские распродажи. Человеческое стадо сладострастно скупало все, что попадалось под руку. Американцы ничем не отличались от соотечественников Лекса, ожесточенно штурмуя супермаркеты и мегамоллы...

Апофеоз американской скуки наступил к Рождеству. В зубах и ушах навязли звон колокольчиков, бесконечные сладко-приторные песенки, безвкусные ленточки и елочки, шарики и фонарики, вездесущие Санты в красных костюмах... Вот и сейчас один бородач маячил на Рузвельт-авеню, закинув за плечо мешок и поглядывая по сторонам. Когда Лекс подошел к Санте, тот дружелюбно сказал:

— Хо-хо-хо!

— И тебе того же, — буркнул Лекс и собирался уже проскочить мимо, когда Санта неожиданно придержал его за плечо.

— Нужно поговорить, — сказал он по-русски с непонятным акцентом.

Лекс стряхнул руку и двинулся дальше, но Санта не отставал.

— Тебе привет от Мусорщика.

— Я не знаю никаких мусорщиков, — сказал Лекс, прикидывая, что делать дальше. — Вы что-то напутали, любезный. У меня нет знакомых в санитарном управлении Нью-Йорка.

— Напрасно упрямисься, друг.

Санта обогнал его и встал, загораживая дорогу. Он был выше и крупнее Лекса, в руках — мешок, а в мешке — все, что угодно. Прохожие равнодушно обтекали образовавшийся затор из двух человек.

Лекс проклял себя за то, что не взял такси и решил прогуляться до Джексон-Хайтс пешком. Здоровый образ жизни, блин... Хотя если Санта поймал его прямо на улице, то, скорее всего, он знает, где живет Лекс... Или не знает? Стоп, а к чему вообще все эти игры? Мусорщик, так или иначе, связан с Армадой, даже если ее российским отделением уже и не руководит (что, кстати, еще под вопросом). Мусорщик не может быть не в курсе происходящего, тогда для чего конспирация?

Лекс прекрасно помнил слова тогда еще безымянного серба-наемника, сказанные после того, как тот дотла сжег базу в Гренландии: «Армада не может официально прикрывать вас. Поэтому все сделки будут проходить через меня. Я для тебя Армада».

И вот теперь появляется человек якобы от Мусорщика.

Подстава?

Засада?

— Если у вас возникнут сомнения, мне велено показать вам это, — продолжал тем временем Санта, перейдя «на вы», и запустил руку в свой мешок.

Все.

Сейчас.

Санта вытащил из мешка пластиковый пакетик. Простой, с застежкой, в каких частенько хранят травку. Но сейчас внутри пакетика лежало уже почерневшее надкусанное яблоко. И к логотипу Apple покойный фрукт явно никакого отношения не имел.

— Раз такое дело, идемте вон в то кафе, — устало произнес Лекс. — Не стоять же тут на улице. Тем более снег пошел.

— Я буду через десять минут, — сказал Санта, быстро взглянув на дешевенький «таймекс». — Закажите мне что-нибудь попить, согреться.

Кафе оказалось итальянским. Лекс сел за свободный столик у окна и заказал себе

бутылку пива, а Санте — кофе и граппу. Черт его знает, что Санта имел в виду под «попить, согреться». Зима все-таки, декабрь на дворе.

Посетителей было мало, в основном молодежь, с завидным аппетитом поглощавшая пиццу и пасту. По телевизору шли новости. Цена февральского фьючерсного контракта на нефть марки WTI в электронной системе Нью-Йоркской товарной биржи в понедельник поднялась на 0,82 доллара относительно уровня закрытия торгов 21 декабря и составила 94,13 доллара за баррель. Котировки превышают прошлогодний уровень на 51 процент.

«Мне бы ваши проблемы», — кисло подумал Лекс и сделал глоток пива.

За стеклом сыпался мелкий снег, сияли неоновые украшения. Толстый негр в ярко-оранжевом пуховике и вязаной шапочке с помпоном остановился прямо возле окна, жуя буррито. Он дружелюбно подмигнул Лексу, Лекс кивнул в ответ. Негр засунул в рот остатки лепешки, облизал с пальцев соус и пошел дальше.

Санта опаздывал. Прошло пятнадцать минут, двадцать... Лекс решительно допил пиво, покосился на остывший кофе и стаканчик с граппой, положил рядом деньги и вышел.

Санту он увидел сразу. Впрочем, тот ли это Санта, Лекс вначале не понял — белобородые старики в красном кишели повсюду в рождественском городе, словно осы вокруг банки варенья. И лишь когда Санта подошел совсем близко, пошатываясь и спотыкаясь, словно пьяный, Лекс понял, что это он.

— Я... — начал было Лекс свою гневную отповедь, но Санта остановился в нескольких шагах и медленно опустился на колени. Только сейчас Лекс заметил, что руки тот прижимает к животу.

— Беги... — пробормотал Санта и протянул к Лексу ладонь. В мигающих огнях она становилась то черной, то глянцеви́то-красной. Через мгновение Лекс сообразил, что это кровь.

Он не стал следовать совету Санты. На бегущего человека всегда обращается повышенное внимание. Даже здесь, в Нью-Йорке. Его фиксируют десятки камер, его замечает полицейский патруль, его может попытаться остановить какой-нибудь добрый самаритянин. Поэтому Лекс поспешно сделал несколько шагов в сторону и смешался с толпой, которая обходила странного Санту, решившего помолиться прямо посередине тротуара.

То, как Санта мягко повалился набок, и как вскрикнула маленькая китайка, пробегавшая мимо лужи крови, Лекс уже не видел и не слышал. Быстро пройдя чуть дальше по Рузвельт-авеню, он свернул в проулок, вышел на параллельную улицу и остановил такси, хотя до Джексон-Хайтс было совсем недалеко. Впрочем, водитель, уса́тый и носатый араб, не протестовал. Довез до места и даже пожелал счастливого Рождества. Нахватался...

Апартаменты были еще довоенными, реликтом одного из первых американских примеров воплощения концепции города-сада. Пройдя мимо дремлющего консьержа Рикки, Лекс вошел в лифт. Рассказывать о случившемся остальным он не собирался — прежде всего потому, что и сам не понял, что же, собственно, случилось. И вряд ли кому-то было дело до его сомнительного приключения.

С тех пор как под опекой серба Данко они прибыли в Квинс, компания успела друг другу изрядно надоесть. Жили они рядом, но по двое — Андерс с Жаном, Индевя́ть — со Словеном, а Лекс... Лекс жил с Лиской. А ведь зарекался когда-то не путать личное с работой... Никакого отношения к любви, по крайней мере со стороны Лекса, это не имело. Просто так было спокойнее и легче. Что будет дальше — он старался не думать, как не думал, к примеру, о Нике.

Вообще не думал.

Данко они со времени прибытия больше не видели, и все сношения с внешним миром в первое время осуществлялись через Драгана. Это был тот самый черноволосый цыганистый тип, что сказал Лексу в Гренландии: «Если спросишь, как меня зовут, или что-нибудь в этом духе, я выбью тебе прикладом пару зубов».

Разумеется, Лекс спросил. Уже здесь, в Квинсе.

Зубы остались целы, а Драган оказался в целом неплохим человеком — если слово «неплохой» вообще подходит к наемникам.

Весь октябрь они вообще не выходили из здания. Драган или другой серб, одноглазый и вечно небритый Желько, приносили продукты, выпивку, расходные материалы типа туалетной бумаги, зубной пасты и тому подобного. С ними были и другие, но разговаривали с Лексом и компанией только Драган и Желько. Причем одноглазый — неохотно, лишь в пределах необходимых вопросов и ответов, а вот Драган любил поболтать и даже несколько раз заходил просто так, безо всякой нужды, не забыв прихватить пару бутылок виски или несколько упаковок баночного канадского пива.

Лиски дома не было. Лекс разделся, бросив куртку на диван, прошел на небольшую кухню и жадно выпил стакан холодной воды прямо из-под крана. Край стакана несколько раз стукнулся о зубы, и Лекс понял, что у него дрожат руки.

Он вернулся в комнату и сел на диван. Взял со столика свежий выпуск журнала Time. С обложки на Лекса и прочих читателей снисходительно смотрел Владимир Путин.

Над портретом было написано: «Человек года», а рядом мелким шрифтом упоминались те, кого обошел российский президент: Эл Гор, Ху Цзиньтао и Джоан Роулинг. «Обладая неустанным упорством, четким видением курса развития России и ощущением того, что он воплощает дух России, Путин вернул свою страну на карту мира», — писалось в начале соответствующей статьи.

Плюнуть на все и вернуться домой, подумал Лекс. Кто бы ни был Санта, имеет он отношение к Мусорщику и Армаде, или же не имеет, — здесь находиться бессмысленно.

Рано или поздно все равно произойдет утечка информации, после чего их накроют.

Неважно кто — боевики Четвертого Рейха или, скажем, Агентство национальной безопасности США. И кончится это плохо.

Для Санты уже плохо кончилось. А значит, кто-то шел за ним по следу. Конечно, есть вероятность, что смерть Санты никак с Лексом не связана — мало ли какие поручения он мог выполнять в Нью-Йорке параллельно, мало ли кому перешел дорогу... Но когда рядом появляется труп, осторожность в любом случае следует утратить.

Лекс прекрасно знал, что сделает Армада с его антивирусом к «Стаксу». Однако пока все было тихо — в Интернете не всплывали новости о сделках с компаниями, производящими антивирусы, коих расплодилось великое множество, начиная с того же «Касперского» или «Авиры». Армада, не афишируя, собиралась получать доллар с каждого проданного обновления — как гарант сделки икрытие.

Лекс подозревал, что, когда процесс пойдет, он быстро станет долларовым миллионером, даже мультимиллионером. Но при этом он все еще продолжал сидеть в этих чертовых апартаментах Джексон-Хайтс и выбираться на прогулку раз в пару дней.

Это невероятно раздражало, и сегодняшнее происшествие поставило точку.

Смысла здесь прятаться больше не было. И если он легализуется — разумеется, в разумных пределах, — то Армада будет по-прежнему оберегать и Лекса, и его команду. А если он вдруг по каким-то причинам не нужен Армаде, тогда...

— Тогда и посмотрим, — сказал Лекс, аккуратно положил журнал с Путиным обратно на столик и пошел взглянуть, кто из «друзей и соратников» есть на месте.

На месте были все, кроме, как уже говорилось, Лиски.

Сидели у Жана с Андерсом. В динамиках стереосистемы грохотал Linkin Park, на полу валялись открытые плоские коробки с растерзанными пиццами, тут же — пустые банки от пива и прохладительных напитков, смятые салфетки, пластиковые стаканчики.

— Свиарник устроили, — проворчал Лекс, перешагивая через удобно разлегшегося среди мусора Жана.

— Так праздники же, — вяло отозвался Индевять, наряжавший пластиковую елку.

Она стояла в углу — неестественно пушистая и немного кривобокая. В качестве елочных игрушек использовались куски печатных плат, конденсаторы и прочая мишура, которую Словен извлекал из недр раскуроченного ноутбука Toshiba Satellite.

— Пиво будешь? — поинтересовался Андерс.
— Нет. Я хотел поговорить.
— Одно другому не мешает, — Андерс тут же швырнул Лексу банку «молсона», которую тот поймал и поставил на полку, сказав:
— Пора отсюда валить.

I bleed it out, digging deeper just to throw it away
I bleed it out, digging deeper just to throw it away
I bleed it out, digging deeper just to throw it away
Just to throw it away, just to throw it away, —

пели Linkin Park.

Жан ткнул пальцем в сенсорную кнопку, песня вырубилась на полуслове.

— Что-то случилось? — уточнил он. — Что-то, о чем мы не знаем?

— Да.

* * *

Историю о загадочном появлении и не менее загадочной гибели Санта Клауса четверка выслушала в задумчивом молчании. Когда Лекс закончил, за окном прогудели две сирены, полицейская и «скорой помощи». Они давно научились их различать. Видимо, это был своего рода намек, потому что Индевать тут же сказал:

— А что, пора валить. Лекс прав. Ловить здесь нечего, и потом, я очень не люблю, когда меня используют втемную.

— Три месяца тут сидим, — поддержал Жан. — Какая разница, ну, сидели бы точно так же у Эйзентрегера.

— Ты, помнится, очень мечтал посетить Нью-Йорк, — поддел его Индевать.

— Да фигня, — отмахнулся Жан. — Я же говорю: три месяца здесь, и что я видел? Я хочу ночные клубы, девок, а не эту чертову деревню, где кругом бродят латиносы.

— Это все хорошо и правильно, — сказал Андерс, — но как мы свалим? Соберем вещички и удерем? Куда? У нас даже документов нет.

— Я же говорил, у меня есть связи, — напомнил Индевать. — Знакомые федералы.

— Твои знакомые федералы могут тут же слить нас Армаде, — покачал головой Жан.

— А то и кому похуже. Хотя, если мы удерем от Армады, нам будет без разницы. Она умеет наказывать... — сказал Лекс. — Поэтому я хочу поговорить с Данко и расставить все точки над «ё». А там уже посмотрим, что он скажет. Вы готовы меня, так сказать, делегировать?

Хакеры переглянулись.

— Вперед, — подняв большой палец, воскликнул Словен.

Чтобы обо всём забыть, чтобы обо всём забыть.

ГЛАВА 2 ВЕЛИКИЙ ОБЛОМ

Квинс, Нью-Йорк, 28 декабря 2007 года

С Данко удалось встретиться только на следующий день.

Лексу пришлось долго объясняться по телефону с Драганом, изворачиваясь так и этак, пока он не плюнул и не выложил черноволосому сербу все прямым текстом.

Драган долго молчал, сопя в трубку.

— Хорошо, — сказал он, — я доложу. Но такие вопросы решает не Данко. Вернее, не один Данко.

— Значит, пусть он переговорит с теми, кто решает. А еще лучше — отвезите меня к ним, и я сам обо всем договорюсь.

И вот около девяти утра Драган прибыл в сопровождении двух незнакомых Лексу типов и одноглазого Желько.

— Собирайся, поехали, — мрачно сказал серб.

Лекс шустро оделся. Крепко спавшая Лиска, которая, оказывается, вчера со скуки была в кино и смотрела «Чужие против Хищника. Реквием», даже не проснулась. Может, и к лучшему — ей-то он ничего пока не объяснил насчет своих планов...

Внизу стоял бежевый фургон «шевроле» без окон. За руль сел Драган, а Лекс, Желько и один из незнакомцев забрались в грузовое отделение. Оно было отделено от водительской кабины черной непрозрачной перегородкой, тускло светили потолочные плафоны. Стало быть, дорогу Лекс видеть не должен. С одной стороны, пугает, с другой — напротив, ведь если от тебя что-то скрывают, значит, есть шанс остаться в живых. От покойника скрывать нечего.

Ехали они долго, но Лекс прекрасно представлял такие штуки: можно наматывать круги вокруг одного квартала, а потом остановиться в трехстах метрах от точки старта.

Если хотят играть в свои игры — на здоровье, пусть играют. Лекс даже готов подыгрывать.

Незнакомый тип ковырялся зубочисткой в пасти и молчал. Желько вообще задремал, прикрыв свой единственный глаз. Лекс поудобнее устроился на жестком сиденье и вспомнил, что не успел отлить с утра, потому что Драган слишком уж поторапливал. Это плохо, на серьезных переговорах ничего не должно отвлекать...

По прикидкам Лекса, прошло минут сорок, а то и час. Наконец фургон, прошуршав покрышками по гравию, переехал какую-то невысокую преграду и скрипнул тормозами. Лекс ожидал, что ему наденут на глаза повязку — если уж и дальше играть в конспирологию, — но ничего такого делать не стали.

Выбравшись наружу, Лекс увидел, что «шевроле» находится в большом гараже с высоким потолком. Тут же стояло еще несколько машин — «юкон» со снятым передним колесом, старый «бронко» с ужасающих размеров дорожным просветом и еще несколько неопознанных, накрытых брезентовыми чехлами. Драган показал на металлическую дверь:

— Туда.

— Мне нужно в туалет, — виновато произнес Лекс.

— Так сильно? — сощурился Драган.

— Не то слово.

Серб улыбнулся.

— По пути зайдем.

Сделав свои дела в довольно помпезном сортире, Лекс вымыл руки, побрызгал водой в лицо и выглянул в небольшое оконце. Был виден забор, а за ним — вершины хвойных деревьев. Значит, они за городом. Какой-то особнячок, что, собственно, и следовало ожидать. Лишь бы не Мотель Бейтса, — Лекс улыбнулся и подмигнул своему отражению в огромном зеркале.

Драган терпеливо ждал снаружи, остальные куда-то делись.

— Идем, — кивнул Лекс.

Они миновали пару коридоров, поднялись по лестнице с резными перилами и оказались в большой комнате, посередине которой стоял накрытый стол. Окна были завешены портьерами, но комната ярко освещалась старинными люстрами. В огромном камине уютно горел огонь. На стенах — картины, может быть, даже какие-нибудь подлинники, но разглядывать их было некогда, потому что человек, сидевший за столом, сказал по-английски:

— Добро пожаловать, мистер...

— Лекс, — не совсем учтиво перебил Лекс. — Пусть будет мистер Лекс.

— Да ради бога. Садитесь, я думаю, вы еще не завтракали...

Лекс сел, потом оглянулся и обнаружил, что Драган уже ретировался. Зато вошел Данко, не слишком дружелюбно покосился на Лекса и устроился по левую руку от того, кто, видимо, был здесь хозяином.

* * *

Этого человека Лекс никогда раньше не видел. Мужчина лет пятидесяти, волосы слишком черные для натуральных — наверное, подкрашивает, чтобы скрыть седину.

Небольшие аккуратные усики а-ля Кларк Гейбл — старомодно, но интригующе. Такое должно нравиться дамам. На пальце — массивный перстень со сложным вензелем; студенческое сообщество? Какая-нибудь Альфа-Гамма-Дельта, в Штатах это любят...

— Берите ветчину, отличная пармская ветчина, — радушно предложил «Кларк Гейбл». — Что будете пить? Кофе, чай или, может быть, что покрепче? Насколько я знаю, в России не считается дурным тоном пить в столь раннее время.

— Не везде, — покачал головой Лекс. — Спасибо, я предпочту чай. Если можно, обычный черный.

«Кларк Гейбл» щелкнул пальцами кому-то невидимому, кто, скорее всего, слышал слова Лекса.

— Данко передал мне вашу просьбу.

— Предложение, — уточнил Лекс.

— Что?! — поднял брови «Кларк Гейбл».

— Это была не просьба, а предложение. Видите ли, мистер...

— Пусть будет мистер Уайт.

— Видите ли, мистер Уайт, мне надоела эта жизнь подпольщика. Я прекрасно понимаю, что все мои разработки приносят вам немалые доходы. Я хочу работать и дальше, но, увы, не имею ни возможности, ни, что еще главное, желания заниматься этим, сидя в унылой комнатке в Квинсе. К тому же вчера со мной случилось нечто странное...

— Вы про Санта Клауса? — с улыбкой осведомился мистер Уайт, изящно держа кофейную чашечку.

Лекс подождал, пока негр в белоснежном костюме нальет ему чаю, и сказал:

— Да, мне следовало догадаться, что вы за мной присматриваете. Так что, Санту прикончили ваши люди?

Данко нахмурился.

— Ни в коем случае, — заверил мистер Уайт. — Мне самому интересно, кто прислал этого человека. К сожалению, мы ненадолго его потеряли, а когда нашли, было уже слишком поздно для бесед... Что он вам сказал?

— Разве на мне нет ваших жучков?

— Нет.

— Допустим.

Лекс побарабанил пальцами по столу и сделал глоток прекрасного чая.

Сказать?

Или не говорить?

Да и черт с ним, решил он. В худшем случае он сольет Мусорщика — это если допустить, что Санта действительно пришел от Мусорщика. Откушенное загнившее яблоко ни о чем не говорило, о привычке Мусорщика знали многие. Поэтому Лекс пересказал практически дословно весь свой недолгий диалог с покойным Сантой.

В ходе рассказа он внимательно следил за реакцией мистера Уайта, но тот вел себя совершенно спокойно. Выслушав Лекса, мистер Уайт бесстрастным тоном резюмировал:

— Вот как. Что ж, любопытно. Но вернемся к предмету нашей встречи. Вы хотите свободы, охраны, работы и прочих благ для вас лично, вашей девушки и ваших товарищей по несчастью.

— Как-то так.

— Что ж, мы согласны. Хотя вы должны понимать, что это лишние хлопоты для нас...

А ведь их и без того достаточно. История в Гренландии доставила массу проблем, главная из которых — конфронтация с Эйзентрегером. Разумеется, официально гренландский инцидент считается недоразумением, по действующей до сих пор версии группа наемников просто вышла из-под контроля, будучи вами перекупленной. Но люди из Рейха прекрасно понимают, как все обстояло на самом деле. Доказательств у них нет, предъявить нечего, мы по-прежнему близко сотрудничаем по целому ряду проектов, но... — мистер Уайт сделал небольшую паузу. — Но мы потеряли одного из наших резидентов в Юго-Восточной Азии. Весьма важного и нужного человека. Его взяла сингапурская служба безопасности, хотя мы догадываемся, что за всем этим стоит Эйзентрегер.

— Но вы тем не менее согласны, — напомнил Лекс, жуя ветчину. Он, в самом деле изрядно проголодался.

— Но мы тем не менее согласны. Однако не надейтесь, что Армада сделает для вас все возможное. Полноте, — улыбнулся мистер Уайт, — вы даже не уверены, представляю ли я Армаду. Или представляю, но руководство Армады ничего не знает о том, что я веду с вами переговоры. Для Рейха вы по-прежнему вне закона, и Армада по-прежнему вас ищет, дабы выполнить свои обязательства перед Эйзентрегером.

— И при малейшем движении с моей стороны вы именно это и сделаете.

— Вполне вероятно. А может, и не сделаем. Все будет зависеть от вас и от ситуации. Но держать вас и дальше взаперти, в самом деле, непродуктивно и глупо. Более того, мы не только даем вам свободу, мы даем поддержку. Люди Данко, — мистер Уайт довольно небрежно кивнул в сторону серба, — после гренландского инцидента находятся в том же положении, что и вы. Потому мы готовы отдать их в ваше распоряжение как боевую единицу.

Данко еле слышно хмыкнул.

— В полное распоряжение? — уточнил Лекс.

— Ну конечно же нет. Мы будем по-прежнему все контролировать, но, так сказать, с общих позиций. О финансах и прочем обеспечении не беспокойтесь, это наша забота. Не правда ли, так удобнее?

Лекс продолжал жевать ветчину. Отказываться не было смысла, все складывалось даже лучше, чем он мог надеяться. Слишком, слишком хорошо все складывалось...

Поэтому Лекс ничуть не удивился, когда за спиной послышались торопливые шаги, и растрепанный парень со сбившимся на сторону галстуком положил перед мистером Уайтом распечатку. Мистер Уайт медленно прочел ее, вздохнул и сказал:

— Похоже, господь отвернулся от вас.

— Что случилось?! — Лекс положил вилку. Тяжелое серебро глухо стукнуло о столешницу.

— Ваш антивирус сегодня утром стал секретом Полишинеля. Один русский, Гумилев, заключил сделку с рядом ведущих производителей антивирусов. Шах и мат.

Если бы кто-то после этих слов выстрелил Лексу в затылок, он бы не удивился.

Но ничего не случилось. Мистер Уайт аккуратно сложил листок вчетверо и бросил в мраморную пепельницу. Поджигать почему-то не стал. Данко сидел, сложив руки на груди, и смотрел в потолок. Потрескивали дрова в камине...

— Я не понимаю, как... как это могло произойти, — с трудом выдавил из себя Лекс. Его замутило, съеденная ветчина горьким комком поднялась из желудка к горлу. — Вы же не думаете, что я...

— Нет-нет, — сказал мистер Уайт. — Я не думаю, что это дело ваших рук. Иначе, зачем бы вы пришли ко мне с вашей просьбой... простите, предложением... в такой неподходящий момент. Дело в другом: наверное, вы были не единственным хранителем тайны. Разумеется, наши сотрудники в ближайшее время узнают, что случилось. А пока возвращайтесь домой, а мы решим, как поступить дальше.

Лекс поднялся, стараясь сохранять остатки достоинства.

— И еще одно, — остановил его мистер Уайт. — Пока ни слова вашим друзьям о том, что вы только что узнали.

ГЛАВА 3 У АРГОНАВТОВ

Кассиопи, остров Корфу, Греция, 4 июня 2008 года

Небольшой прогулочный катер покачивался на волнах Ионического моря.

Лекс сидел на корме, свесив ноги, и смотрел в сине-зеленую воду, на зыбкие тени Медуз у поверхности. Рядом расположился хозяин катера по имени Теофанис, мускулистый и загорелый парень лет двадцати, с большой разноцветной татуировкой в виде эмблемы футбольного клуба «Керкира» на спине.

На Корфу Лекс, Лиска и Жан болтались уже второй месяц. Хотя после кошмарной новости, которая застала Лекса в гостях у мистера Уайта в самый неподходящий момент, никто не мог о таком и подумать. Вернувшись домой (точнее, будучи привезен все в том же закрытом фургоне «шевроле»), Лекс нарушил данную установку и выложил все.

Провал потряс хакеров, но не уничтожил. К тому же на следующий день к ним прибыл Драган и привез того самого растрепанного парня в галстук набок. Парня звали Боб, он работал кем-то вроде консультанта и поведал, что удалось раскопать утечку.

Утечки, строго говоря, никакой и не было.

Тот самый «русский Гумилев» каким-то образом получил выход на систему спутников. Кто был в этом виноват, выяснить пока не удалось, но подозрения с Лекса и его компании были сняты однозначно. Проще было поверить в происки Алины, но, как туманно сообщил Боб, «этим сейчас занимаются люди куда серьезнее нас».

Услышанное всех слегка успокоило, но оставалось неясным главное — что теперь будет с ними? Лекс часто просыпался ночами и слышал, как Лиска плачет в ванной. Он даже не шел ее утешать, потому что не знал, как это сделать...

Выходить им, естественно, запретили. Драган и Желько, как в первые дни «лежания на дне», привозили еду и прочие необходимые вещи, вспомнили даже про чисто русский праздник Старый Новый год, но все ходили, словно в воду опущенные.

Все чаще стали ссориться между собой. То Словен обвинял Индевята в его «дурацкой идее обратиться к Армаде за содействием». То оба набрасывались на Андерса, который первым предложил кинуть Эйзентрегера. Лекса, слава богу, не трогали.

Пока.

А потом состоялось эпохальное событие — Лекса снова забрал бежевый фургон «шевроле» и снова отвез к мистеру Уайту. Который довольно торжественно заявил, что все предыдущие достигнутые соглашения остаются в силе, то есть «группа Лекса» отправляется в автономное плавание под негласной эгидой лично мистера Уайта и то ли стоящей, то ли не стоящей за ним Армады — в последнем Лекс так и не разобрался.

В течение нескольких дней им доставили новые документы на новые имена.

Насчет наемников предупредили, что они появятся позже в случае необходимости, а пока велели отдохнуть и развеяться. Этот приказ выглядел несколько странно, но после слякотного Нью-Йорка Лекс плюнул и с радостью улетел в Грецию. С ним отправились Лиска, Андерс и новоявленный мистер Смит. Жан и Словен отправились по своим делам, клятвенно пообещав быть на связи и не высовываться.

— Хотя Эйзентрегеру сейчас не до вас, — любезно поведал Уайт Лексу при их самой последней встрече, уже практически перед вылетом. — Наш общий знакомый занят проблемами совершенно иного уровня, и ваши поиски, насколько мне известно, свернуты.

Кем был мистер Уайт в армадовской иерархии, Лекс так и не узнал, а спрашивать поостерегся. Отдых так отдых, подумал он.

И вот теперь уже который месяц ловил саргоса и синагриду, болтая ногами в теплой

соленой воде. Той же самой, по которой плыл к берегу «Арго» Ясона, чтобы аргонавты могли укрыться среди приветливых скал острова Корфу. Древние герои и боги когда-то шныряли тут, словно панки по Арбату, ссорились, дрались, мирились и пировали за здорово живешь... и, такое впечатление, с тех благословенных времен тут почти ничего не изменилось. Камни, скалы, деревья, солнце, песок и, как хранитель всего этого, величественная гора Пантрократор.

Словно нигде не существовало Эйзентрегера, Гумилева, Мусорщика, Армады, Синдиката, Рейха, вирусов, антивирусов, спутников...

И Ника.

— ...И тут да Силва пробил выше ворот, представляешь?!

Лекс только сейчас сообразил, что молодой грек давно и увлеченно рассказывает ему о сражениях своего любимого футбольного клуба, полных драматизма — в прошлом сезоне он вылетел в низший дивизион.

— Но ничего, — с уверенностью продолжал грек, — наш президент Калояннис снова вытащит «Керкиру» из этого болота, второго дивизиона! А ты за кого болеешь, друг?!

Теофанис всех мужчин называл «друг», невзирая на возраст, социальное положение и их мнение об этом. К женщинам он обращался «леди», что очень нравилось Лиске. То, как она поглядывала порой на красивого загорелого атлета, даже настораживало Лекса, но потом он махнул рукой. Они ведь не муж и жена, в конце концов. Да и на Корфу долго не задержатся, потому не стоит забивать голову.

— Я вообще футбол не очень, — словно извиняясь, сказал Лекс. — Пойду возьму попить.

Лиска лежала на носу катера, расстелив полотенце и подставляя спину ласковому средиземноморскому солнцу. Ее не слишком увлекала ловля саргоса и синагриды, которые будут зажарены на гриле. Причем зажарены завтра — Теофанис уверял, что морскую рыбу можно жарить только так, выдержав сутки, иначе она получится «резиновой». Впрочем, после унылой нью-йоркской кухни вся компания и «резиновую» рыбу употребляла с завидным аппетитом.

— Поймали что-нибудь? — лениво спросила она, когда Лекс принялся рыться в переносном холодильнике, выискивая недиетическую колу.

— Крокодил не ловится, не растет кокос, — пробормотал тот.

— И фиг с ним. Купим у рыбаков. Или давай сходим сегодня в ресторанчик, тот, который на горе! Андерс с Ином постоянно по кабакам, а мы все дома сидим...

— Во-первых, Алексей и Крис, — поправил Лиску Лекс, откупорив банку и облившись брызнувшей ледяной колодой. — Привыкай к их новым именам. Во-вторых, тебе в Москве кабаки не надоели? Они же везде одинаковые. Хотя этот твой ресторанчик хороший, тихий... Давай сходим, там сувлаки классные.

— И мусака... Только вино у них в основном поганое. Словно сосновую ветку погрыз... — Лиска перевернулась на спину так, что растянутый верх купальника едва не свалился. Лекс машинально поправил его и так же машинально оглянулся через плечо — не смотрит ли Теофанис. Но грек был занят удочками.

А в Москве сейчас, наверное, холодно, подумал Лекс... Хотя какого черта, июнь ведь! Вот так поболтаешься по заграницам и начинаешь помаленьку воспринимать родину как вечно холодную сумрачную страну. Скоро до медведей с балалайками дойдет. А на самом деле в Москве, скорее всего, уже жара. Асфальт тает, прилипая к подошвам. Автомобильные пробки в сизой дымке ядовитого выхлопа. Плавающий ресторан поперек фарватера Москвы-реки у Киевского вокзала...

— О'кей, мы еще часик порыбачим и на берег, — пообещал Лекс. — А вечером — мусака и сувлаки. А вместо вина возьмем благородное молоко шотландских коров.

Предприятий, так сказать, общественного питания в старой рыбацкой деревушке Кассиопи имелось предостаточно. Но таверны на набережной, откуда открывался вид на галечные пляжи и бухту в форме подковы между двумя лесистыми мысами, Лексу не

нравились. Там кишели туристы, было шумно и неинтересно. Поэтому они пешком стали взбираться по узким улочкам к тому самому любимому Лискину ресторанчику, который держал старый грек с красивым итальянским именем Микеланджело, похожий на отошедшего от дел пирата.

Попыхивая трубкой, пират Микеланджело принял заказ. По поводу виски он неодобрительно покачал головой, но тем не менее его пышная супруга, лет на тридцать моложе, принесла на столик бутылку «Катти Сарк Дискавери». Лекс весьма удивился, что в таком патриархальном кабачке обнаружился делюксовый скотч.

Намазывая на белый хлеб холодный тушеный лук с травами, Лекс услышал, как звякнул дверной колокольчик, и в ресторанчик вошла небольшая компания — пятеро азиатов. В отличие от европейцев и американцев они вели себя скромно — сели, сделали заказ и о чем-то принялись вполголоса лопотать.

Лекс и Лиска разместились так, чтобы видеть весь маленький зал кабачка и входную дверь. Толку от этого было мало, потому что никакого оружия у них не имелось. Однако Лекс прекрасно знал, что здесь есть второй выход через кухню — за занавеской, буквально в метре от их столика.

— Я по Москве соскучилась, — неожиданно сказала Лиска, медленно вращая стакан так, что плавающие в нем кубики льда глухо постукивали друг о друга.

— По Москве или по России? — уточнил Лекс.

— По Москве. Хочется пойти на Воробьевы, покататься на роликах... В метро спуститься... Ты замечал, какой в метро специфический запах? К нему быстро привыкаешь, зато если не был там месяца два, то сразу заметно. Запахи пещеры, земли и камня вперемешку с запахами горячего металла, смазки...

— ...потных пассажиров, перегара, — с улыбкой продолжил Лекс.

Лиска надула губы.

— Не сердись. Я как раз сегодня вспоминал столицу, — примирительно сказал Лекс. — В самом деле, странно — вроде ничего хорошего, а ностальгия. Скоро по березкам плакать начнем...

— Кстати, в Греции есть березы, — сообщила Лиска. — В городе Эдесса, это единственное место тут, где они растут.

— Да ты прямо энциклопедия! — искренне восхитился Лекс.

— Я у экскурсовода на набережной подслушивала, он каким-то немцам это впаривал, — засмеялась девушка и сделала глоток.

— Немцам... Хорошо Андерсу с Ином, они, по-моему, не заморачиваются насчет всяких березок.

— Алексею и Крису, — ехидно поправила Лиска.

Хозяйка принесла горячее, и они начали есть. Но наслаждаться едой долго не пришлось, потому что снова звякнул колокольчик и в кабачок Микеланджело вошел Мусорщик.

С тех пор как Лекс видел его в последний раз, Мусорщик сильно изменился. Отпустил чахлую бородку на манер Льва Троцкого, заметно располнел. Ленноновские круглые очки с непроницаемо черными стеклами сидели на слегка искривленном, как бывает после хорошего удара, носу.

Одет Мусорщик был в ярко-желтую футболку с изображением Парфенона и цветастые шорты, из которых торчали бледные ноги, обутые в кожаные сандалии с обрезанными задниками.

— Калимера, — прогудел пират Микеланджело, поднимаясь с кресла, в котором обычно сидел.

— Калимера, — ответил Мусорщик и отрицательно помахал рукой, показывая, что не стоит беспокоиться, после чего показал в угол, где сидели Лекс и Лиска. — Фили. Синандиси.

Старый грек безразлично пожал плечами и опустил в кресло, попыхивая толстой

самокруткой из самолично выращиваемого табака Смирна.

Мусорщик подошел к их столику и сел напротив Лекса.

— Здравствуйте, — приветливо произнес он. — Вы кушайте, кушайте. Не хотел вам мешать, но приходить без приглашения к вам домой как-то не комильфо, потому я и решил навестить вас здесь, в этом гостеприимном месте.

— Привет, — сказал Лекс. Почему-то он не ощущал сейчас той легкой зловещей атмосферы, которая раньше всегда исходила от Мусорщика. Вот только хорошо ли это, понять он не мог.

— Насколько я понимаю, мой человек в Квинсе связаться с тобой не успел, — продолжал Мусорщик, поправляя очки.

Вот так так, подумал Лекс. А ведь мистер Уайт был в курсе того, что Санта переговорил с ним и даже назначил встречу, на которую явиться, правда, не смог, потому что его убили. А Мусорщик об этом, получается, не знает... Уайт не поставил его в известность? Они не контактат? С другой стороны, а зачем бы ему ставить? Положение Мусорщика в структуре Армады давно уже неясно, более того, насчет мистера Уайта тоже есть некоторые подозрения...

Как же достали эти головоломки. Лекс сделал небольшой глоток, почти не ощутив божественного привкуса дыма и ячменя.

— Если ты про Санта Клауса, то все было не совсем так. Связаться он успел, но почти сразу его убили.

— Накладочка... — сокрушенно покачал головой Мусорщик. — Америка, дикари-с... Ну и ладно. Я же тебя все равно нашел. И, чтобы ты и твоя девушка не нервничали, сразу скажу, что пришел с самыми добрыми намерениями. Слушай, у этого Джона Сильвера есть яблоки?

Лекс поднял руку, привлекая внимание Микеланджело.

— Малон! — крикнул он. — Экси.

— Спасибо, — кивнул Мусорщик. — Так вот, Леша, я тут весьма плотно заинтересовался твоими приключениями. Занятные приключения, о них можно книгу написать. Я даже знаю, кто сумел бы сделать это хорошо — есть такой Саныч-Чубарьян, может, слышал? «Полный root», «Легенда об Апе»? Ну да бог с ним, я вот к чему клоню: у тебя серьезные проблемы, правда?

— Менее серьезные, чем я ожидал.

— Да, тебя умело прикрыли, плюс твои противники сейчас заняты иными вопросами. Но как тебя кинул Гумилев с братьями Дуровыми! Я тебя даже пожалел, признаюсь. Такая сделка, такие перспективы... А теперь ты вечный беглец.

— По-твоему, я похож на беглеца? — поинтересовался Лекс.

Подошла хозяйка, поставила фарфоровое блюдо с шестью румяными яблоками.

Мусорщик сразу же схватил одно, учтиво сказавши:

— Эфхаристо!

Хрустя яблоком, он улыбнулся:

— Нет, не особенно. Поэтому я к тебе и приехал. Зачем бы мне был нужен озлобленный, ожесточенный, прячущийся ото всех тип, который с перепугу влепил бы в меня пару пуль? Ну, или их влепили бы те, кто этого типа отлавливает. Так, на всякий случай. Да-да, поэтому я к тебе и приехал. У меня есть одно... э-э... взаимовыгодное предложение.

— Я весь внимание, — сказал Лекс, покосившись на Лиску. Та молчала, накручивая на палец локон. Перед ней стояла остывающая мусака.

— Ты, разумеется, знаешь, Леша, что я несколько самоустранился от дел в Армаде. Но я в курсе всего, что там происходит, и даже по-прежнему влияю на многие процессы. Очень, очень многие процессы. Твоими стараниями Армада потеряла важного человека в Сингапуре. Были неприятности и с некоторыми другими, там уже сошка помельче, но все равно... Я не знаю, будет ли в результате всего этого настоящая война с Рейхом. Возможно,

что и будет. Но заглядывать так далеко вперед в современном мире, таком нестабильном и хрупком, даже я не решаюсь. Поэтому что бы ты ответил, если бы я предложил тебе поработать на меня?

Лекс поставил опустевший стакан на стол.

— В качестве кого?

— Тут есть варианты. — Мусорщик швырнул на блюдо огрызок и выбрал новое яблоко. — Как я уже сказал, мы потеряли человека в Сингапуре. Не хочешь ли ты занять его место?

— Я?! — непритворно удивился Лекс. — Это же глупо. Ты хочешь, чтобы меня там грохнули в первый же день? Или подставили с наркотой, за которую в Сингапуре без разговоров вешают даже американцев? Какой подарок для Эйзентрегера!

— Это будет временное назначение, если можно так выразиться, — спокойно сказал Мусорщик. — Помашем ладошкой перед носом у тигра.

— А я буду той самой ладошкой, которую тигр оттяпает. Разумеется, зачем терять ценные кадры.

— Именно потому, Леша, что ты — ценный кадр, я и подал им эту идею. Впрочем, ты в любом случае не можешь отказаться от этого предложения. Ситуация, как в «Крестном отце» Копполы, не находишь? Ты ведь должен Армаде. И будешь делать то, о чем тебя попросят. Если они щелкнут пальцами, ты должен спросить, как высоко тебе подпрыгнуть.

Теперь Мусорщик говорил уже не так вкрадчиво и мягко, как поначалу. В паузах между фразами его зубы хищно впивались в яблочную плоть. Только сейчас Лекс заметил, что один из передних резцов наискось сколот. Да, Мусорщику явно пришлось побывать в какой-то переделке...

— Допустим, я не против, — сказал Лекс, а Лиска хихикнула. Да уж, в самом деле. Не против он.

— Вот и прекрасно. А когда все пройдет хорошо, в чем я практически уверен, я сделаю тебе еще одно предложение, от которого ты уже сможешь при желании отказаться. Потому что это будет мое личное предложение. Очень заманчивое, Леша. Очень.

— Заглядывать так далеко вперед в современном мире, таком нестабильном и хрупком, даже я не решаюсь, — процитировал Мусорщика Лекс, и тот засмеялся. Из набитого яблочной мякотью рта на узорчатую скатерть полетели крошки. Отсмеявшись, Мусорщик аккуратно собрал их на салфетку и поднялся.

— Значит, все решено. Ты меня очень обрадовал. Ты стал мудрее. Заплати, пожалуйста, за мои яблоки, у меня нет с собой наличных.

Лекс промолчал в ответ. Коротко поклонившись старому греку, Мусорщик вышел.

Прощально звякнул дверной колокольчик.

— Что это было?! — спросила Лиска.

— Продолжение приключений, — сказал Лекс. — Давай закажем новую мусаку, эта совсем остыла.

ГЛАВА 4 БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

Сингапур, 16 августа 2008 года

На Лекса внимательно и задумчиво смотрел гамадрил.

Огромный и косматый, он жевал длинный зеленый стебель какого-то растения и созерцал человека с видом отдыхающего философа, к которому приперся назойливый почитатель.

Сингапурский зоопарк был прекрасен отсутствием клеток. Звери жили фактически на воле, отделенные от людей водными преградами или небольшими заборчиками, в зависимости от их опасности для людей или наоборот.

Лекс и Лиска приходили сюда уже в третий раз за время своего пребывания в Сингапуре. Обойти всю территорию казалось невозможным, даже если кататься в специальном вагончике. Поэтому каждый раз они видели что-то новое, интересное, тогда как знаменитый храм Тиан Хок Кенг особых эмоций отчего-то не вызвал.

Гамадрил доел стебель, почесался и вяло побрел к своим сородичам, что-то шумно делившим в сторонке. Роздал оплеухи и подзатыльники, оглянулся на зрителей — видали, мол, каков я?! — и растянулся навзничь, подставив толстое брюхо солнышку.

— Прямо позавидуешь, — сказал Лекс.

— Мы совсем недавно так жили на Корфу, — напомнила Лиска.

— Да... — пробормотал Лекс. — Жили... Пойдем съедим мороженое. Жарко.

В маленьком кафе с видом все на ту же обезьянью страну, которая называлась, кажется, «Маленькая Эфиопия», они заказали местное мороженое с черным рисом, васаби, карри, и женьшенем. К слову, Лекс долго не мог привыкнуть, что в Сингапуре нельзя есть мороженое на улице — только в таких вот кафешках. То есть вообще нельзя, за это штрафовала полиция. И жевательную резинку нельзя жевать. И пить в метрополитене воду из открытой бутылки...

Лекс вспомнил, как в Москве на синей ветке наблюдал в вагоне настоящую попойку — с водкой, порезанной колбасой, огурцами и помидорами на газетке... Сингапурский полицейский упал бы в обморок.

А ведь он сам сейчас мог бы сидеть не здесь, посреди зоопарка, а в той же Москве.

Скажем, на Арбате или на Чистых... Есть обычный пломбир. Не забивать себе голову проблемами Армады в Юго-Восточной Азии, взаимоотношениями с Четвертым Рейхом, Синдикатом и прочими заклятыми друзьями и конкурентами, не бояться, что тебя прихлопнут из-за угла, не думать о вирусах, антивирусах, железе, софте... Да черт с ним, можно даже и думать. Но не так и не в таких масштабах.

Если бы он в свое время не сделал несколько неверных шагов — что бы он сейчас делал?

Скорее всего, числился бы сисадмином в какой-нибудь средней фирме. Что-нибудь связанное со строительством, продажей нефти-газа или даже туристическим бизнесом.

Торчал бы в своем закутке в ожидании вызова — то вирус поел базу у толстухи, слишком неосторожно бродящей по сайтам знакомств, то начальство жалуется, что в отделе маркетинга не столько работают, сколько порнуху зырят.

Благодарь.

И никакого тебе пистолета под подушкой.

Надо прекращать обо всем этом думать, сказал себе Лекс, ковыряясь ложечкой в мороженом. Но как? Это же словно в известной даосской или буддийской притче: «Делай что хочешь, только никогда не думай о белой обезьяне». После этих слов мудреца его ученик только о белой обезьяне и думал...

— Ты опять грустный, — сказала внимательная Лиска.

— Не опять, а снова, — неуклюже попытался отшутиться Лекс, но девушка не сдавалась.

— После того как ты видел его, ты сам не свой... — продолжала она, и Лекс хлопнул ладонью по столу так, что вазочки подпрыгнули, а сидящие по соседству японские туристы принялись неодобрительно переглядываться.

— Я просил тебя — не напоминать!!!

— Извини, — потупилась Лиска и стала наматывать локон на палец.

Но она была права.

Встреча на колесе обозрения изрядно выбила Лекса из колеи. «Привет от Фрама!», слышали?! И главное, он вел себя так беззаботно, так спокойно... Впрочем, именно так чаще всего и ведут себя люди, которым нечего терять. Люди с хорошим самообладанием, которое у Ника есть в достаточном количестве.

«Хорошо, что я не повел на стрелку своих сербов, — подумал Лекс. — Иначе

получилось бы черт знает что, потому что Ник тоже притащил сербов. Еще не хватало, чтобы там оказались знакомые против знакомых или, как вариант, старые враги против старых врагов».

Договариваться с дашнаками было сложно и неприятно, но трюк сработал. Ник явно остался в недоумении хотя бы по этому вопросу, а это уже немало.

«Привет от Фрама!» Лекс улыбнулся и покачал головой. Каков гаденыш, однако!

Жаль, жаль, что их пути разошлись и Ник на другой стороне... Но Лекс тоже хорошо поддел его насчет таракана и безголового цыпленка. Надо же, вспомнилось как кстати, а ведь давно прочитал где-то, и, казалось, напрочь вылетело из головы...

А вообще они, конечно, напоминали двух идиотов.

Двух мышат, которые пригласили на помощь крыс, чтобы попугать друг друга матерными защитниками, не догадываясь о том, что за их жалкими ужимками и прыжками давно уже наблюдают коты.

Лекс до сих пор толком не знал, на кого работает и является ли настоящим представителем Армады в Юго-Восточной Азии. Ему давали указания — преимущественно мелкие, он провел несколько встреч с малопонятными людьми, но в качестве кого?! Порой Лекс подозревал, что стал разменной фигурой в какой-то весьма сложной комбинации внутренних армадовских интриг. Иногда его подмывало все бросить и скрыться, но на это нужно было решиться, а Лекс не мог. Да и бросать компанию, прибывшую в Сингапур вместе с ним, тоже как-то некрасиво. Хотя количество некрасивых поступков, которые совершил Лекс за последние несколько лет, было таково, что одним больше, одним меньше уже ничего не значило...

— Поехали домой, — сказал Лекс, поднимаясь.

На такси они прибыли в свой отель, тихий и патриархальный «Гудвуд Парк» на Орчард-роуд, так сильно непохожий на суперсовременные здания, полные резкой геометрии, стекла, пластика, металла и неона. Рядом находились Государственный сад орхидей и несколько ботанических садов, а из номера имелся собственный выход к бассейну. Здесь же жили остальные, но сейчас их где-то носило.

В номере Лиска отправилась в душ, а Лекс рухнул на постель и включил телевизор — посмотреть, что происходит в этом проклятом всеми богами мире.

Президент Медведев подписал план мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. Идиотская грузинская авантюра закончилась полнейшим крахом.

В Соединенных Штатах ожидается новый тропический шторм, Флорида в опасности.

Американцы сообщили, что достигнуто соглашение о размещении на территории Польши элементов американской противоракетной обороны.

Продолжались Олимпийские игры в Пекине — ямаец Усэйн Болт поставил новый мировой рекорд в беге на сто метров. Хорошая страна Ямайка. Веселая...

— Молодец растаман, — одобрил последнюю новость Лекс, глядя, как радостный Болт сверкает перед камерами своей белоснежной улыбкой.

— Что нового случилось? — поинтересовалась Лиска, выходя из душа и вытирая волосы пушистым полотенцем.

— Стабильности нет. Террористы снова захватили самолет, — не удержавшись, ответил Лекс старой кинематографической цитатой.

— Какой еще самолет?! — удивилась Лиска. — Какие террористы?! Где?

— Ты что, не смотрела «Москва слезам не верит»? — в свою очередь удивился Лекс.

— Нет. А надо?

— Теперь уж даже и не знаю. Всему свое время, наверное...

Ближе к ужину на связь вышел Мусорщик. Он использовал такую простую вещь, как Skype, и, судя по картинке, находился в какой-то затрапезной московской кофейне. В руке Мусорщик держал вовсе не яблоко, а рогалик, которым тут же ткнул в Лекса и сказал:

— Привет! Я слышал, все прошло нормально?

— Откуда слышал? — поинтересовался Лекс. — Дашнаки слили?

— Не обязательно. Кто-то давно придумал, что все звуки — слова и все такое — свободно летают в эфире и рано или поздно попадают в чьи-то уши, — Мусорщик хихикнул. — Как тебе там в целом живется?

— В Греции было лучше, — вспомнив Лискины слова, сказал Лекс.

— Ничего, у меня для тебя сюрприз. Есть интересное предложение...

— Снова как в «Крестном отце»?

— Нет-нет, это как раз то самое предложение, от которого ты уже сможешь при желании отказаться. Помнишь, я говорил тебе о нем на Корфу в кабачке старого пирата?

— Твое личное предложение?

— Да. Мое личное предложение.

Мусорщик подождал, пока позади рассядется за свободным столиком шумная компания подвыпивших студентов, и продолжил:

— Более того, если ты его примешь, то будешь считаться свободным от всех имеющихся обязательств. Сам знаешь перед кем.

«Знал бы я, перед кем, — уныло подумал Лекс. — Сам черт ногу сломит...»

— И что за предложение?

— Пока я могу говорить только о первой его части. Ты со своей девушкой и с господином Алексеевым завтра садишься на рейс до Ямайки. Только не до Кингстона, а до Монтего-Бэй. Там вас встретят, после чего начнется вторая часть марлезонского балета.

«Тоже мне, Людовик Тринадцатый», — подумал Лекс.

— Разумеется, ты никому не должен об этом говорить.

— Стоп, но если я лечу с Анд... Андреем, что мне сказать остальным?

— Что улетаете по делам, которые их никаким боком не касаются. Не переживай за них, я не оставляю такие ценные кадры без дела.

— Хорошо. Я не буду отказываться. Хотя бы потому, что буквально сегодня почему-то решил, что интересно было бы побывать на Ямайке.

— Усэйн Болт натолкнул на эту мысль? — прозорливо уточнил Мусорщик, откусывая от рогалика. Кто бы мог подумать, что он в курсе олимпийских рекордов! — Что ж, разумно. Там красиво. Но Ямайка только перевалочный пункт, там вы надолго не задержитесь. Переправитесь в значительно более прелестное место. Фактически в рай.

— Тогда я иду заказывать билеты и собирать чемоданы.

— Слишком много вещей не бери, в раю есть все необходимое, — сказал Мусорщик. — В Монтего-Бэй вас найдут, посматривай по сторонам... И никаких телефонов с собой не брать! Ноутов, коммуникаторов — ничего. Сам понимаешь, какое это палево. Ведь понимаешь?

Лекс кивнул.

— Славненько. До новых встреч в эфире!

— Пока...

Лекс закрыл ноут и потер виски.

Не думать о белой обезьяне...

Что затеял Мусорщик? Куда он хочет перенаправить их с Ямайки? Не в Штаты и не в Европу, потому что все рейсы из Сингапура так или иначе идут с промежуточными посадками в Штатах и Европе...

И еще этот Андерс.

Человек, которого кто-то нанял, чтобы он защищал Лекса. Весьма посредственно разбирающийся в компьютерах и всем, что с ними связано, но отлично умеющий убивать.

До сих пор непонятно, кто сделал заказ и оплатил его услуги. Мусорщик? Именно поэтому на Ямайку отправляется именно Андерс?

Лекс, разумеется, доверял этому татуированному типу. Кстати, Андерс сейчас как раз набивал себе новую картинку в одном из сингапурских салонов и неторопливо представлял, как отправится на первую азиатскую тату-конференцию, которую планировали на январь будущего года.

Доверял, но одновременно опасался. Сколько случаев знает история, когда человека убивал именно тот, кто до определенного момента готов был прикрыть его своим телом от пули или кинжала...

Но Андерс — это в любом случае хорошо. Даже в том раю, на который намекал Мусорщик.

Интересно, что сейчас делает Ник? Остается таким же самоуверенным и ироничным, как в кабинке колеса «Сингапур Флаер», или тоже старается не думать о белой обезьяне?

Внезапно Лексу захотелось снова увидеть старого приятеля, так странно обратившегося в противника. Не в сопровождении дрессированных убийц и молчаливого гаранта, а просто, за кружкой ледяного пива и какими-нибудь таранками, в полутемном баре-подвальчике. Чтобы не играть словами, не вилять, а просто спросить — что ты, браза, хочешь? Что тебе надо? Хочешь, я сначала расскажу, что хочу я и что надо мне? Может быть, мы хотим одного и того же? Зачем тогда вся эта война?!

Слышно было, как в бассейне отеля с визгом плещутся дети.

Как все было просто, когда они сами были детьми. Трудно, но просто. Потому что ясно было, кто хороший, а кто — чмо, где черное, а где белое...

Белое.

— Не думать о белой обезьяне, — негромко произнес Лекс и снова открыл ноутбук, чтобы заказать билеты на самолет.

ГЛАВА 5 ДО РАЯ РУКОЙ ПОДАТЬ

Монтего-Бэй, Ямайка / неизвестный остров в Карибском море, 19 августа 2008 года

«Боинг-777» компании British Airways, доставивший Лекса, Лиску и Андерса из сингапурского аэропорта Чанги в аэропорт Монтего-Бэй Сангстер, стоял на посадочной полосе.

Летели они тридцать пять часов — через Лондон и Майами. Все время полета Лексу было не по себе, потому что он очень боялся разбиться. Раньше не боялся, а на этот раз его временами буквально трясло. Можно было, конечно, напиться в стельку, но Лекс предпочел бессознательному состоянию просмотр фильмов. Едва вышедших на экраны «Хэнкока» и «Темного рыцаря» в меню не нашлось, зато были прошлогодние «Трансформеры», «Казино Рояль» и «Мгла». В конце концов все перемешалось у него в голове, и Лекс был дико рад, когда самолет приземлился на Ямайке. Впрочем, он успокоился уже тогда, когда «Боинг» заходил на посадку над изумрудно-зеленой гладью Карибского моря.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца, — сказал Андерс, выглядывая в иллюминатор. — Интересно, на Ямайке все так же славно обстоит с травкой, как и во времена Боба Марли?

— Брось, — махнул рукой Лекс. — Во-первых, нам не нужны неприятности, а во-вторых, мы здесь ненадолго. Может, даже аэропорт не покинем.

«В Монтего-Бэй вас найдут, посматривай по сторонам», — сказал Мусорщик.

И в самом деле, их ждали прямо возле приземистого здания аэропорта, рядом с симпатичным фонтаном-водопадиком из дикого камня и пальмами вокруг. Крупный негр в шортах и рубашке защитного цвета держал в руках плакатик, на котором было нарисован черным маркером яблочный огрызок. Вряд ли приходилось сомневаться в том, кто его прислал.

— Добрый день, — радушно сказал негр, широко улыбаясь. — Меня зовут Лафонсо Ченнинг. Простите, что не позволяю вам посмотреть город, но нас ждет самолет.

— Снова самолет... — простонал Лекс. Лиска сочувственно посмотрела на него, а Андерс вздохнул и поморщился. Свежая татуировка, сделанная в Сингапуре, еще не зажила, а обезболивающими Андерс не пользовался принципиально.

— Лететь совсем недалеко, — заверил Ченнинг, подхватывая сумки, в которые поместились все их пожитки. — Максимум через полчаса вы уже будете за столом у бассейна. Мистер Дастмен ждет вас.

Мистер Дастмен. Вот как.

Синий «Бичкрафт-Барон» действительно дожидался в той части аэропорта, что была отведена под частные и внутренние рейсы. Возле самолета возился совсем молодой, лет восемнадцати, чернокожий парнишка с кошмарной копной дредов на голове и в радужной футболке с изображением растафарианского кумира — эфиопского императора Хайле Селассие.

— Это Джермейн, пилот, — сказал Ченнинг.

— Привет! — отозвался юный растаман и тут же поволок сумки в багажное отделение.

Андерс с сомнением посмотрел на парня, потом перевел взгляд на Лекса. Лекс пожал плечами. Сам он на сей раз не волновался — небольшой «Бичкрафт» выглядел новым, а главное, отчего-то значительно более надежным, чем титанический «Боинг».

— Загружайтесь! — велел тем временем Ченнинг и показал пример, заняв место рядом с пилотом.

В пятиместном пассажирском салоне Лекс, Лиска и Андерс разместились с большим комфортом. Джермейн сноровисто надел наушники с ларингофоном и запустил мотор, а Ченнинг повернул к ним свое ухмыляющееся большое лицо.

— Прохладительных напитков не предлагаю, — сказал он, — поэтому послушайте музыку.

И в динамиках запел Боб Марли:

I shot the sheriff
But I didn't shoot no deputy, oh no!
Oh!

Запросив взлет, Джермейн круто набрал высоту и заложил виртуозный вираж над береговой линией.

— Так куда мы все-таки летим?! — осведомился Лекс как можно более непринужденно.

— Вам же сказали, мистер Лекс, — все так же цветя улыбкой, ответил Ченнинг. — В рай.

До рая, как и обещал здоровяк, было рукой подать.

Небольшой остров в форме капли вырос из морских волн неожиданно, словно поднявшись с самого дна в результате каких-то катаклизмов. Довольно высокий холм, покрытый зеленью, сбоку которого пристроился четырехэтажный особняк. Причал с несколькими катерами и небольшими яхтами. Прибрежные скалы, взлетная полоса, ангар. Ветряной двигатель в дальнем конце острова, который представляла собой острая часть «капли». Большой бассейн...

«Кому нужен бассейн, когда вокруг — такое море», — подумал Лекс.

«Бичкрафт» описал над островом плавный круг — видимо, добрый Джермейн решил продемонстрировать гостям великолепие этих мест — и зашел на посадку. Через минуту он уже выруливал к ангару, а по широкой дорожке от дома к ним мчались два электромобильчика.

Парнишка, чрезвычайно похожий на пилота Джермейна, подкатил к «Бичкрафту», и Мусорщик выбрался с пассажирского места. На сей раз он был совершенно бос, но зато одет в безукоризненно белый полотняный костюм и пробковый колонизаторский шлем.

Глаза характерно поблескивали, словно он надел контактные линзы.

— Мистер Дастмен к вашим услугам! — склонился он в шутливом поклоне. — К сожалению, хозяин этого гостеприимного островка пока отсутствует, но я в некоторой степени его постоянный представитель, потому давайте-ка мы отметим ваше прибытие и

перекусим, чем бог послал. Лафонсо, парни, оттащите вещи в комнаты наших гостей.

— Так это не твое? — с деланным разочарованием спросил Лекс.

— Нет. Но я вполне могу стать владельцем чего-то подобного, если карты лягут верно. И ты, кстати, тоже можешь. Если захочешь, конечно.

— Съест-то он съест, да кто ж ему даст... — пробормотал Лекс и залез в электромобильчик. Они двинулись к дому.

Воздух был густым, насыщенным ароматами мангрового леса, цветов, близкого моря, соли и водорослей.

— Жарковато, — заметил Андерс.

— А мне нравится, — сказала Лиска, вертевшая головой по сторонам. — И правда рай. А вон бабочки, зацените какие!

В воздухе, действительно, плясали огромные бабочки, расцветивая все вокруг крыльями размером с ладонь, нереально яркой окраски. Электромобильчик притормозил — дорожку довольно шустро переползала крупная черепаха. В кронах деревьев вопили какие-то птицы, то впадая в истерику, то выдавая на редкость мелодичные рулады.

— Мне «Остров сокровищ» почему-то вспомнился, — сказал Лекс.

— А мне — кино «Пираты Карибского моря», — улыбнулась менее знакомая с классикой Лиска.

— А мне кондиционер, — буркнул Андерс сердито. Видимо, струйки пота раздражали его свежую татуировку. — И пиво в ведерке со льдом.

Наемник не угадал самую малость — вместо пива их ждало в ведерках со льдом шампанское Perrier Jouet. Насколько помнил Лекс, бутылка такого стоила что-то около двух тысяч евро.

Стол, как и обещал Лафонсо Ченнинг, был накрыт у бассейна, того самого, что они видели с самолета. Над столом был установлен тент.

— Вот это мне нравится, ничего не скажешь, — заметил Андерс, откупоривая шампанское и наливая его в ближайший стакан. Мусорщик, который снова был тут как тут, поморщился:

— Есть же фужеры! Впрочем, какая разница... Угощайтесь.

Угощаться и в самом деле имелось чем. Лекс решил начать с холодных закусок типа белужьей икры и копченой лосося. Отведал и шампанского — ну да, вкусное, но он и за двести баксов примерно такое же пил...

Лиска тем временем уплетала какую-то рыбу, обжаренную во фритюре до ярко-золотистого цвета и украшенную сложным гарниром, а Андерс не мелочился и навалил на тарелку всего, до чего дотянулся.

Мусорщик расположился в шезлонге и грыз яблоко, которое тщательно выбрал из вазы. Теперь на нем были невесть откуда взявшиеся солнцезащитные очки.

Лекс сел напротив него так, что почти касался своими кедами босых пальцев Мусорщика, и спросил:

— Когда мы услышим о второй части чудесного предложения?

— Когда прибудет мистер Уайт, несомненно.

Вот как. Все-таки это мистер Уайт. Что ж, ожидаемо.

— И кого он представляет?

— На текущий момент мистер Уайт представляет исключительно самого себя, Леха-Леша-Алексей.

Именно так Мусорщик назвал Лекса пять... нет, шесть лет назад. В компьютерном клубе «Зависли», когда у Лекса возникли серьезные проблемы. «Ну что, Леха... Леха-Леша-Алексей... что с тобой делать будем? Людей ты моих обманываешь, за работу им платить не хочешь...» Слава Джа, все закончилось хорошо. Но с тех пор Мусорщик изменился, и не только внешне. А самым печальным являлось то, что Лекс о нем нынешнем практически ничего не знал. И, не исключено, сейчас он вместе с Лиской и Андерсом влезал в капкан, причем не пальцем, а всеми руками и ногами.

— Я правильно понимаю, что к делам Армады наша сегодняшняя встреча никакого отношения не имеет?

— Совершенно верно. Послушай сюда, — Мусорщик доверительно наклонился вперед. — Армада образца две тысячи восемь — это совсем не та организация, с которой ты познакомился когда-то. Все течет, все меняется, шарик вертится... Мистер Уайт, если тебе интересно, а тебе не может не быть интересно, был кем-то вроде спецпредставителя в Соединенных Штатах. Точнее, в Северной Америке, потому что в сферу его деятельности входили и Канада, и Мексика... Он решал только вопросы, которые иными путями Армада решить просто не могла.

— Например?

— Например, неделю назад сюда должен был прилететь Джобс.

— Джобс?!

— Да-да, мистер Стив Джобс. Один из основателей, председатель совета директоров и СЕО корпорации Apple, крупнейший частный акционер Уолт Дисней Компани, ну и далее по списку. Но он не прилетел.

— Погоди, он ведь болен.

— Да, нейроэндокринная опухоль поджелудочной железы, если проще — рак. Но дело было не в болезни. Мистер Уайт сделал Джобсу любопытное предложение, касающееся студии Pixar и еще кое-каких вещей... Вначале Джобс согласился, но потом резко пошел в отказ. Причем совершенно спонтанно, буквально за несколько часов до ожидаемого прилета. Нам удалось выяснить, что это неспроста. На решение повлияло много факторов, включая некоторые интересы Четвертого Рейха — привет от Эйзенбергера... Кстати, тут и твоя вина есть, если задуматься...

— Да я кругом виноват, — Лекс слизнул прилипшую к губе икринку. — И что дальше?

— Дальше? — Мусорщик хихикнул. — Дальше ничего. Кроме того, что через недельку мистера Джобса ожидает неприятный сюрприз. Очень занятный и неожиданный, хе-хе. Я не буду тебе рассказывать, в чем там дело, сам увидишь. И поймешь, что с нами не надо вот так.

Лекс давно уже понял, что «с ними не надо вот так». Да и выбирать не приходилось, особенно после того, как он столь недвусмысленно объявил войну Нику и тем, кто за ним стоит.

— Я-то зачем вам сдался? Тем более если от меня одни неприятности.

— Хорошие люди всегда в цене. А хорошие специалисты и подавно. История с антивирусом к «Стаксу»... Кстати, ты в курсе, что мистер Уайт тебя слегка надул?

— Когда именно? — насторожился Лекс.

— Он очень красиво обыграл ситуацию с Гумилевым. Ах, какая беда! Вот только что, буквально только что, вы потеряли все, что имели! «Ваш антивирус сегодня утром стал секретом Полишинеля!» — дословно воспроизвел Мусорщик, и Лекс подумал, не сидел ли тот во время беседы с Уайтом в соседней комнате. — На самом деле все вывалилось гораздо раньше, кажется, в конце октября. Ты надеялся на свой могущественный антивирус и дивиденды с него, а им пользовались уже все, кому не лень.

— Но я... — Лекс не мог поверить услышанное. Нет, это уже ничего не меняло, но сам факт... — Как это могло произойти?!

— Тебе фильтровали информацию. Тщательно и масштабно, — с довольным видом пояснил Мусорщик, аккуратно положив огрызок на мраморные плитки пола рядом с собой. — Разумеется, ты этого не замечал. Будучи на нелегальном положении, ты и в сеть-то влезал крайне редко. Боялся, что спалишься?

— Боялся, что спалюсь, — не стал спорить Лекс.

— Ну вот. Поверь, это было несложно.

— Но зачем?!

— Затем, что теперь ты здесь и ты наш. Вот зачем, — отрезал Мусорщик.

Он выбрался из шезлонга, прошелся туда-сюда вдоль бассейна, взглянул на часы,

укрепленные над входом в дом, и деловито заметил:

— Опаздывает... Ничего удивительного. Скоро выборы, и Штаты уверенно движутся к тому, чтобы заполучить первого чернокожего президента. Раньше они такое только в кино видели... Мистер Уайт поставил на Обаму и, кажется, не ошибся. Но для победы единого кандидата от демократов еще многое надо сделать... О черт, еще и погода меняется!

Лекс тоже обратил внимание на то, что вокруг начало быстро темнеть, несмотря на то что время едва перевалило за полдень.

— Небольшой шторм. Здесь это бывает. Боюсь, правда, что мистер Уайт еще больше задержится... Лететь на вертолете в такую погоду опасно.

Словно подтверждая слова Мусорщика, по тенту забарабанили крупные капли дождя. Бассейн покрылся рябью.

Лиска, давно уже разобравшаяся со своей рыбой, вопросительно посмотрела на Лекса. Андерсу, казалось, на все было наплевать — он продолжал поедать деликатесы, запивая все тем же Perrier Jouet.

— Предлагаю переместиться внутрь, — громко объявил Мусорщик. — Здесь может стать некомфортно.

Вслед за Мусорщиком они поднялись наверх, в огромный зал со стеклянной крышей и панорамным окном, через которое открывался вид на море. Кроме пары авангардистских металлических статуй и нескольких полотен с изображением цветных полос и клякс, здесь не было ничего экстраординарного. По крыше уже не постукивал, а хлестал дождь, а волнующееся море так и просилось на картину Айвазовского. Больше из художников-маринистов Лекс никого не знал.

Здесь тоже стоял накрытый стол, поменьше размером. Только сейчас Лекс сообразил, что до сих пор не видел никакой челяди, кроме пилота, двух водителей электромобилей и Лафонсо Ченнинга. «Наверное, — подумал он, — это и есть уровень хорошей прислуги, когда ее не замечаешь...»

— А, вот и пиво, — удовлетворенно сказал Андерс, обнаружив под встроенным в стену баром большой холодильник, забитый до отказа. Он выбрал какой-то карибский сорт и отошел к окну любоваться на море. Лиска скромно села в кресло в уголке и принялась наматывать локон на палец. Она выглядела слегка озабоченной. Интересно, чем? Разговор Лекса с Мусорщиком она не слышала...

— Ну и главное, Леха-Леша-Алексей.

Лекс даже вздрогнул, потому что не слышал, как босой Мусорщик тихо подошел к нему по укрытому ковром полу.

— Мы поможем тебе разобраться с Ником. Ты ведь хочешь этого, правда? К тому же у меня свои счета с этим маленьким поганцем, да-да... Выгодно иметь общих врагов, не так ли?

— Наверное... Наверное, выгодно.

Не думай о белой обезьяне!

От продолжения разговора Лекса избавил Ченнинг, который быстро вошел в комнату и сообщил:

— Кажется, летят. Связи, правда, нет, сплошные помехи, статика...

— Отлично! — обрадовался Мусорщик. — Вот сейчас предметно обо всем и поговорим. Готовьтесь приветствовать мистера Уайта!

ГЛАВА 6 SEARCH

Москва, 28 августа 2008 года

В четверг 28 августа компания «Блумберг» опубликовала некролог Стивена Джобса. В новостной ленте он продержался меньше минуты и был поспешно удален, потому

что Джобс был живым, а размещение некролога — досадной ошибкой. Но досужие блогеры успели скопировать текст, который тут же разошелся по всему миру.

Это и было тем самым неприятным сюрпризом, который мистер Уайт и Мусорщик обещали в ответ на отказ от сотрудничества. Разумеется, Ник об этом ничего не знал.

«Джобс так и не назвал преемника, вместо этого в марте 2008 года сказав акционерам, что у Совета Директоров будет большой выбор из руководителей, если он покинет компанию по какой-то причине. Он также указал на некоторых высших руководителей Apple и выделил двух потенциальных лидеров: директора по оперативному управлению Тимоти Кука и финансового директора Питера Оппенхаймера».

— Представляю, какая у них там кутерьма сейчас, — рассеянно произнес Бад.

Инфотрейдер из Синдиката сидел напротив Ника и вертел в руках флешку, то снимая, то надевая обратно защитный колпачок.

— На месте Джобса я бы взбесился, — согласился Ник. — Он же и так болен, а тут такая новость...

— В «Блумберге» уверяют, что это досадная случайность. У них, мол, заготовлены некрологи на всех видных личностей, чтобы, если кто-то сыграет в ящик, они могли тут же выдать готовый материал.

— Ты веришь? — прищурился Ник.

— В случайность? Да ни за что. Если бы выскочил некролог на какого-нибудь Элтона Джона — еще ладно, но с Джобсом все произошло уж больно в точку. Ладно, черт с ними, мы же встретились, чтобы поговорить о твоём приятеле.

— Он мне не приятель, — жестко сказал Ник. Бад выставил перед собой ладони, словно защищаясь:

— Эй, эй! Это ваши похороны, как говорят пиндосы в Пиндостане. К тому же я с ним был в нормальных отношениях, до тех пор пока... А, фигня. Так вот, твой... э-хм... объект после отбытия из Сингапура попросту исчез. Вылетел на Ямайку по фальшивым документам вместе с девушкой и неким Андерсом, а там пропал. Даже пределов аэропорта не покидал.

Ник задумался, глядя на монитор, где по-прежнему была открыта статья об инциденте с «Блумбергом».

— Что это означает?

— То, что он выбрался оттуда окольными путями — это Ямайка, там все возможно... Второй вариант — он сразу сел на самолет или вертолет и свалил. Куда? Куда угодно. Острова Карибского бассейна, север Южной Америки, Куба, Мексика... След потерян.

Ник не скрывал, что чрезвычайно озадачен. После знаменательной встречи на колесе он ожидал совсем иного развития событий. Но никак не того, что Лекс исчезнет в неизвестном направлении. Ну, в почти неизвестном.

Ник хотел было поблагодарить Бада и сообщить о переводе денег за оказанные услуги, но увидел, что тот загадочно улыбается.

— След потерян, — повторил инфотрейдер. — Я так подумал и хотел уже тебя огорчить, но потом сопоставил кое-какие факты и слухи. Знаешь, по-моему, твой приятель в Соединенных Штатах.

— Это достоверная информация?

— Насколько может быть достоверной информация, основанная частично на слухах? Нет, конечно. Но он был в Америке в конце прошлого года и начале нынешнего и встречался там с людьми, проявлявшими к нему интерес.

— С кем именно?

— Не могу сказать, — развел руками Бад. — Закрытые файлы.

— Хоть намекни. Армада?

— Не совсем. И да, и нет. Кстати, в Сингапуре одновременно с Лексом находился небезызвестный тебе Мусорщик.

— То есть все же Армада, — заключил Ник.

— И да, и нет, я же сказал, — сердито промолвил Бад. — Не лови меня на мелочах. Я

похож на идиота? К тому же ты и сам знаешь, что Мусорщик с Армадой практически расстался. Он скорее сам по себе. Хотя определенный вес в тамошних верхах еще недавно имел и даже сейчас, наверное, имеет... Хотя он тоже исчез.

Темное пятно на ауре Бада шевелилось, выпуская и втягивая ложноножки, как амеба. Но Ник уже давно успел привыкнуть к тому, что дает лиса. Все люди врут, с этим ничего не поделаешь, это их врожденное свойство. Главное — научиться понять, когда врут именно тебе и что именно врут. А вот это уже сложно. По крайней мере, у Ника это получалось далеко не всегда.

Вот и сейчас Бад что-то мутит, но это было его естественное состояние — мутить. Прото, что Лекс скорее всего в Штатах, он, кажется, не врал.

— Все еще собираешься найти его?

— На кой он мне сдался? Так, интересуюсь, — уклончиво ответил Ник. — Но знаешь что... Так, на всякий случай... Подумай, не сможешь ли ты поделиться со мной своими фактами и слухами? Я понимаю, закрытые файлы и все такое...

Бад вздохнул и убрал флешку, с которой цацкался.

— Ник, ты слишком много просишь. На кой он тебе сдался, говоришь? Так, интересуюсь? Ладно, я подумаю. Попробую подумать, точнее. Но это обойдется тебе недешево.

— Это решаемый вопрос, — холодно улыбнулся Ник.

Что ж, подумал он после ухода инфотрейдера, если Лекс отправился в Америку, то почему бы и Нику не отправиться в Америку?

Может быть, это тот самый случай, когда следует поторопить события.

Вот только Ник не догадывался, что в Америке Лекса сейчас нет.

Строго говоря, его вообще нет.

Но для этого нужно вернуться на несколько дней назад...

ГЛАВА 7 ВТОРЖЕНИЕ

Неизвестный остров в Карибском море, 19 августа 2008 года

— ...Отлично! — обрадовался Мусорщик. — Вот сейчас предметно обо всем и поговорим. Готовьтесь приветствовать мистера Уайта!

Он деловито потер руки.

— Довольно смелым решением было лететь в такую погоду на чоппере, — заметил Ченнинг. Лекс отметил, что негр прицепил к поясному ремню кобуру с пистолетом внушительных размеров.

— Да, я бы не решился, — согласился с Ченнингом Мусорщик.

Лекс прислушался — сквозь шум моря и ветра, сквозь стук дождя по стеклянной крыше пробивался рокот вертолетных роторов. Причем, если слух ему не изменял, винтокрылая машина была не одна. Мистер Уайт летает с эскортом? Хотя почему бы и нет, если на счетах достаточно денег.

Однако Ченнинг тоже насторожился:

— По-моему, это не «Еврокоптер» Уайта.

— Мало ли. Он мог взять машину понадежнее у военных, — сказал Мусорщик. В этот момент в комнату буквально влетел водитель электромобиля, тот, что похож на пилота Джермейна, и закричал:

— Они высаживаются!

Больше сказать парнишка ничего не успел, потому что сверху посыпалось стекло и внутрь стали с шумом и грохотом прыгивать люди. Вертолетный гул усилился, казалось, машина висит над самой головой. Бросив взгляд вверх, Лекс увидел в разбитой крыше бешено вращающиеся лопасти и понял, что так оно и есть.

Он схватил опешившую Лиску за руку и поволок к выходу. Андерс бросился следом, сбив по пути кресло и одного из нападавших. По штурмовым тросам спускались еще и еще люди в одинаковой черной форме, глухих шлемах и бронежилетах, но Лексу некогда было их разглядывать, тем более что Ченнинг уже открыл огонь.

— Сюда! — заорал Андерс, когда они выскочили в коридор, и толкнул Лекса куда-то вбок. Лиска «на прицепе» потащила следом. Там оказалась лестница, ведущая вниз, — и успел же Андерс ее засечь по дороге сюда!

Позади грохотали выстрелы. Судя по всему, отбивался не только Ченнинг — наверное, в бой вступила невидимая прислуга и охрана, которой тут просто не могло не быть.

— Давай, давай! — Андерс снова поволок их с Лиской по коридору, миновал сквозную комнату, остановился на мгновение, чтобы захлопнуть двери и заблокировать их поваленным набок шкафом. — Черт, даже ствола нет... Надо прятаться!

— Может, тут есть подвал?! — пискнула испуганная Лиска.

— Какой подвал! Это же тупик, мышеловка! Надо выбираться из дома, в лес, там нас черта с два найдут!

В словах Андерса был толк. Лекс увидел на стене прикрепленные крест-накрест сабли и сорвал одну. Проверил лезвие — нет, не декоративная, настоящее оружие. Старый добрый кишковыпускатель карибских пиратов... Он швырнул вторую Андерсу, тот поймал на лету. Конечно, против огнестрела сабля не пляшет, но использовать ее в чаще вместо мачете или же для внезапного скрытного нападения — самое то...

Из какого-то подсобного помещения с визгом выскочила наперерез толстая негритянка. Андерс ухватил ее за шиворот и спросил:

— Где выход?!

— Там, там! — замахала руками негритянка. Судя по указанному направлению, они двигались правильно.

— Спрячьтесь, мэм! — галантно посоветовал Андерс.

В самом деле, выход обнаружился уже за следующей дверью. Это был один из черных ходов для прислуги, выводящий к склону холма. Метрах в ста виднелась стена мангрового леса, почти скрытая пеленой дождя. Звуки автоматных очередей и одиночных выстрелов сейчас были еле слышны за шумом потоков воды с небес. Но медлить было нельзя.

— Туда! — Андерс подал пример, бросившись через открытое пространство к лесу.

Лекс побежал следом, по-прежнему таща на буксире Лиску. Он бежал и ждал, что сейчас, вот прямо сейчас в спину ударит пуля, бросит его вперед, разорвет мышцы, легкие, сердце... Шаг за шагом стена деревьев приближалась, но пока никто не стрелял.

Последние метры оказались самыми страшными. Лекс споткнулся, потерял руку подруги и вбежал под полог широких мокрых листьев почти на четвереньках, выронив саблю.

Оглянулся — Лиска здесь, скулит, прижавшись к ребристому стволу.

— Некогда отдыхать, — пытаясь, сказал Андерс. — Саблю подбери!

Лекс послушно подобрал утерянное оружие, и они двинулись через лес непонятно куда. Андерс шел впереди, раздвигая заросли. Рубить и ломать он ничего не велел, чтобы не оставлять следов.

— Хотя если там профи, то они все равно увидят, где мы шли, — мрачно сообщил наемник. — Но лучше подстраховаться.

Лекс ковылял, поскальзываясь и цепляясь за ветви. Теплый дождь стучал по листьям где-то сверху, стекал по стволам, а воздух наполняла водяная пыльца.

«Чувствуешь себя, словно рыба в аквариуме, — подумал Лекс. — Но живая рыба, живая... пока еще».

Лиска шла последней, вцепившись в ремень Лекса. Не пищала, держалась. Впрочем, Лиска доказала, что не тряпка и не истеричка, еще в Румынии. А потом — в Гренландии.

«Жениться, что ли, на ней, если выберемся, — подумал Лекс... — Только для этого еще надо выбраться».

Судя по тому, как вокруг потемнело, они забрались в жуткую чащу. Наконец выдохся и Андерс. Прислонившись к дереву, он наклонил чашеобразный лист и сделал несколько глотков скопившейся там дождевой воды.

— Ты что?! — хотел было остановить его Лекс, но было поздно. — Ч-черт... Это же тропики, схватишь какую-нибудь заразу!

— Зараза лечится, а вот пуля в башке — нет.

— По-моему, больше не стреляют, — робко сказала Лиска, прислушиваясь.

В самом деле, выстрелов слышно не было. Но это ничего не значило — может, просто дождь мешал. Стоп, а это что?!

— Вертолет, — сказал Андерс. — Нас ищут с воздуха. Ну, это они зря, тут не саванна и не пустыня. Черта с два заметят. Кроны словно крыша.

Звук двигателя приближался, его «чак-чак-чак-чак» ни с чем нельзя было перепутать.

На пару секунд он, казалось, завис почти над ними, потом сместился и стал уходить в сторону. По прикидкам Лекса, где-то там вроде бы находилось море.

— Улетают?

— Да сейчас, — злобно ощерился Андерс. — Штурмовали виллу два вертолета, а мы слышали один. Конечно, второй мог осматривать другую часть острова, а потом тоже свалить, но... Мне кажется, они просто так не уйдут.

— Почему?!

— Они ищут нас, вот что я думаю.

Дождь понемногу стихал.

Они сидели под деревом, прижавшись друг к другу. Вокруг в зарослях что-то шуршало, пощелкивало и потрескивало. То ли ветви распрямлялись, освобождаясь от тяжести воды, то ли разная живность копошилась. Лиска тихонько взвизгнула, увидев промелькнувшую в высокой траве ярко-зеленую змею. К счастью, тварь направлялась по своим делам и проигнорировала незнакомцев.

— Что мы будем делать дальше? — спросил Лекс, обстригая саблей палочку.

— Пока — прятаться, — ответил Андерс. — Потом попробуем смыться с острова. В идеале тут есть самолет Джермейна, возможно, что-то еще в ангаре. У причала стояли яхты и катера. Беда в том, что нападавшие могли все это уничтожить или повредить. Такое впечатление, что мы нужны им в целости и относительной сохранности. Иначе просто бахнули бы на дом бомбу, и капец. Или две бомбы. Для верности.

Лекс поежился. Его периодически мелко трясло, и явно не от холода. Страх, нервы...

Интересно, Лиска это заметила? А ведь мог бы сейчас сидеть в «Пушкине», кушать суточные щи с телятиной и комаровские котлетки...

Опять белая обезьяна.

Но как о ней не думать, если здесь даже дождь не такой? Дома он всегда холоднее, чем окружающий воздух, а здесь — теплее. И это противно, а вода словно липнет к телу, обволакивает его... Сразу вспомнился прочитанный в детстве рассказ, кажется, Брэдбери.

О планете, на которой все время шел дождь, не прекращаясь. И люди сходили от этого с ума.

— Они долго здесь не пробудут, — неожиданно сказала Лиска. — Поэтому мы должны сидеть тихо-тихо, чтобы нас не нашли. А когда они улетят, вылезем.

— Почему ты думаешь, что они скоро свалят? — удивился Андерс.

— Потому что мистера Уайта здесь не было. Он может выйти на связь с островом, и ему не ответят. Он насторожится. Возможно, решит, что это из-за бури, помехи, но рано или поздно он если не прилетит сам, то пришлет своих людей. Как ты думаешь, это нужно тем, кто напал?

— Нафиг не нужно, — согласился Андерс. — Ты молоток! Тогда сидим.

Но план тут же полетел в тартарары, потому что метрах в трех над их головами по деревьям ударила автоматная очередь. Вниз посыпались срезанные листья, ветви и всякая труха. Стреляли, несомненно, наугад, с целью вспугнуть, но это означало, что поиски не

прекратились.

— Собаки дикие, да что ж вы никак не отстанете! — проворчал Андерс и осторожно, не распрямляясь полностью, поднялся. — Стреляли оттуда, значит, мы пойдем перпендикулярно их движению. Вперед!

Спустя минут двадцать беготни по лесу они оказались у каменистого склона холма, поросшего редкими колючими кустами.

— Может, залезем наверх? — предложил запыхавшийся Лекс. В суматохе он сильно ободрал лицо о сучки, кровь струйками стекала за воротник и не хотела останавливаться.

Из книжек Лекс знал, что неплохо бы в такой ситуации, тем паче в тропиках, помочиться на рану, чтобы избежать заражения, но не просить же Лиску или Андерса... А самому и подавно никак.

— Если их много и они что-то заподозрят, то тупо оцепят холм, и мы попались. С другой стороны, — задумался Андерс, — мы сможем оглядеться... Полезли! Вон там вроде не так круто...

Когда они вскарабкались на вершину холма, дождь закончился. Было непривычно тихо, только покрикивали птицы да начали скрипеть и скрежетать какие-то насекомые.

Укрывшись за выступом скалы, Лекс вслед за Андерсом принялся рассматривать дом. Особенных разрушений заметно не было. Разбитая стеклянная крыша находилась с другой стороны, и на печальные мысли наводили лишь разбросанная на веранде мебель и видимый отсюда угол бассейна, в котором плавал лицом вниз человек в белом костюме.

Неужели Мусорщик?!

Нападавших Лекс поначалу не заметил, пока Андерс не показал ему на человека за колонной. Тот, видимо, контролировал подходы к зданию с этой стороны, а следовательно, были и другие.

Причала с этой точки видно не было, но вряд ли им сейчас помогли бы яхта или катер. С вертолета уничтожить такую цель ничего не стоит. Лиска права, только прятаться и выжидать.

* * *

— Тс-с! — Андерс дернул слишком далеко высунувшегося Лекса за руку и прошипел:

— Смотри, слева!

Слева по тропинке поднимались двое в черном. Один был в шлеме, коротенький пистолет-пулемет с длинным магазином держал в руках. Другой шлем снял, видимо, умаявшись от духоты, и держал в руке, автоматическая винтовка висела на плече.

Обычный парень, светловолосый, круглолицый.

— Что будем делать?! — спросил Лекс. Лиска вжалась в ложбинку между камнями и круглыми глазами таращилась то на Лекса, то на Андерса.

— Снимать штаны и бегать... — огрызнулся Андерс. — Будем их валить. Опять же оружие... Так, тропинка ведет вон туда. Идем следом, не шумим... Я беру того, что в шлеме, ты — второго. Руби по башке, да крепче держи саблю, а то с непривычки кисть вывернешь. У нас только один шанс.

Лекса снова затрясло, но он взял себя в руки.

Двое в черном тем временем прошли в десятке метров от их укрытия. Было слышно, как белобрысый говорит по-английски:

— Не проще было залить тут все напалмом? Достало шарить по кустам.

Второй глухо ответил что-то, белобрысый хмыкнул и сказал:

— Да, штурмбанфюреру, конечно, виднее... Ладно, тогда я направо, ты — налево. И не стреляй, вдруг наткнешься на Генриха, они поднимаются с другой стороны.

— С-сука... — пробормотал Андерс. — Это Рейх, прикинь? Так, план меняется: ты идешь за своим, я — за своим. Лиска, а ты сиди тут и не отсвечивай, ясно?!

И Лекс медленно двинулся за белобрысым солдатом Рейха.

Он крался, стараясь не издавать ни звука. Каждый шаг казался гулким топотом, каждая веточка оглушительно хрустела... Белобрысый, правда, вел себя довольно беспечно и даже принялся насвистывать. Видимо, знал, что беглецы не вооружены.

Внезапно неподалеку хлопнул одиночный выстрел. Белобрысый резко повернулся на звук, сорвал с плеча винтовку, и Лекс понял, что другого момента уже не будет. Он с воплем выломился из зарослей и с размаху ударил белобрысого по голове, ухватив саблю двумя руками.

Чувство было такое, словно он рубит дрова очень неудобным топором, причем полено попало сучковатое и вязкое. Но сабля тем не менее вошла в череп белобрысого сантиметров на десять, то есть на всю ширину лезвия. Брызнула кровь; белобрысый взмахнул руками и рухнул на колени, отчего Лекс выпустил завязшую в кости саблю. Он оторопело смотрел, как враг пытается подняться, но падает на четвереньки, как ползет вперед и неожиданно исчезает.

Опомнившись, Лекс бросился к нему и вовремя затормозил, чтобы увидеть, как белобрысый катится вниз с обрыва по крутому склону. Вместе с ним, брэнча о камни, улетели сабля и автоматическая винтовка.

— Живой?!

Лекс обернулся — на него смотрел ощерившийся Андерс. В руках наемник держал пистолет-пулемет.

— Он... он свалился, — виновато пробормотал Лекс, ткнув пальцем вниз.

— Вижу. Ладно, черт с ним. Мой успел пальнуть, поэтому нужно драпать, иначе сюда явится некий Генрих, который поднимается с другой стороны. Эх, зря я... Может, они бы нас и не заметили... Пошли назад, подберем Лиску и сориентируемся, что дальше делать.

Но Лиску подобрать они не успели. Еще на подходе к каменной ложбинке, где она пряталась, Лекс с Андерсом услышали голоса, а потом кто-то крикнул:

— Эй, вы! У нас ваша девчонка! Сами понимаете, что она нам вовсе не нужна, зато нужна вам. У вас три минуты. Если по истечении этого срока вы не выйдете с поднятыми руками, я прострелю ей голову.

— Твою ж мать! — Андерс с размаху врезал кулаком по стволу пальмы. — И зачем только я поперся с тобой сюда?! Теперь точно накрылась моя азиатская тату-конференция...

— Мы нужны им живыми, — напомнил Лекс. — Не в первый раз выкручиваемся, может, и сейчас получится.

— Блин, зря грохнули двух чуваков... Хотя это полезно — иногда кого-нибудь прикончить. Держит в тонусе.

И Андерс криво ухмыльнулся.

На полосе их посадили в самолет. Не тот «Бичкрафт-Барон», на котором они прилетели с Ямайки, а другой, выкаченный из ангара, классом заметно выше. Выглядел он странно: без хвоста, с пропеллерами, развернутыми назад, с загнутыми вверх на девяносто градусов концами крыльев... «Видимо, какая-то редкая модель», — подумал Лекс, садясь в мягкое кресло, обшитое коричневой кожей.

Лиска села рядом, чуть дальше — злющий Андерс, которому все же прислали прикладом по почкам за то, что он постоянно грызлся.

Вместе с ними в уютный салон сели трое автоматчиков во главе с тем, кто назвался Генрихом. Это был мрачный человек с острыми чертами лица и длинным сухим носом, похожий на маньяка-Пиноккио.

— Напрасно вы убили двоих моих людей, — поведал он еще на вершине холма, держа ствол пистолета у виска Лиски. — Я не люблю, когда убивают моих людей. К сожалению, мне нужно вас доставить по назначению... хотя о девушке никто ничего не говорил.

Лекс увидел, что по замурзанным щекам Лиски катятся крупные слезы, и сказал:

— Без девушки мы никуда не полетим.

— Уважаемый, — Генрих нахмурил тонкие брови. — Вы, насколько я знаю, специалист по компьютерам? То есть вам нужны руки и голова. Ноги человеку, который

постоянно сидит за клавиатурой, ни к чему. А знаете, сколько интересного можно сделать с ногами?

— Кончай спектакль, — спокойно встрял Андерс. — Пуганые, не таких видали.

— Хорошо, — Генрих поставил пистолет на предохранитель и убрал в кобуру. — Парни, ведите их к ангару. Если что, развлечемся в пути. Попросим пилота снизиться и выкинем эту шалаву через дверцу.

Лекс чувствовал, что командир «черных» блефует. Если уж их так тщательно искали, если решились напасть на такой фигуре, как таинственный мистер Уайт, значит, они нужны «в комплекте». К тому же самым бесполезным из их тройки все же был Андерс, а никак не Лиска.

Их провели в обход дома. Человек в белом костюме все так же плавал лицом вниз в розовой воде бассейна. Лекс успел заметить, что он был бос.

На дорожке, ведущей к ангару и взлетной полосе, лежал пилот-растаман Джермейн, буквально изрешеченный пулями. Рядом валялся «ингрэм» с наклейкой в виде листка конопли на кожухе. Других трупов на пути не попалось, но они вполне могли находиться внутри дома — все же основная драка произошла именно там.

«Черные» явно спешили, выглядели встревоженными. Наверное, Лиска была права: грозный мистер Уайт мог появиться вот-вот, причем в сопровождении кавалерии. Перед тем как его затолкали в салон странного самолетика, Лекс успел заметить, как «черные» грузятся в большие транспортные вертолеты, стоявшие в дальней части полосы.

Из салона он уже ничего не увидел, потому что Генрих нажал кнопку на щитке, и иллюминаторы тут же сделались непрозрачными. Поляризованное стекло, хитрая штука.

— В полете нам будут предложены напитки? — осведомился Андерс, которого даже удар по почкам ничему не научил. Генрих пожал плечами и, пошарив в сумке, стоявшей у него в ногах, швырнул Андерсу бутылку негазированной минералки.

— Туалет в хвосте, — сообщил он.

Самолет начал разворачиваться, потом пошел разбег и взлет. Куда же их везут?!

Судя по печальному взгляду Лиски и привычному наматыванию локон на палец, ее тревожили те же мысли.

— Не бойся, — шепнул Лекс, — все будет хорошо.

— Не разговаривать! — рявкнул один из «черных», мордастый детина с приплюснутым носом боксера.

Какова дальность полета у такой птички? Две тысячи километров. Ну, три. До Соединенных Штатов их спокойно довезут, то же самое — Венесуэла, Гайана, Суринам... Гватемала, Гондурас, Мексика... да куда угодно. Хотя, поскольку, по всем данным, это Четвертый Рейх, они полетят на север. Явно с посадками для дозаправки. Может быть, удастся что-то проверить на земле... Но вряд ли, бойцы Рейха не дураки, садиться будут в каком-нибудь небольшом аэропорту, где у них все схвачено. Да они даже из самолета высунуться не дадут.

Однако от Эйзенрегера и компании ничего хорошего ждать не приходится. Тем более после происшествия в Гренландии. Нет, убивать их, конечно, не станут, но...

— Послушай, Генрих, — осторожно сказал Лекс.

Маньяк-Пиноккио внимательно уставился на него.

— Сто миллионов, — продолжил Лекс. — Сто миллионов за то, что мы сядем в аэропорту Гаваны. Всегда можно сказать, что нас посадили кубинские «МиГи» за неосторожное вторжение в воздушное пространство Кубы. А на земле я решу все вопросы, как только свяжусь с нужными людьми.

Лекс пока и сам не знал, с кем он мог бы связаться в подобной ситуации. С Армадой?

Выложить им все, что за спиной у Армады делали мистер Уайт и Мусорщик? Но оба вроде бы никаких особенных обязательств перед Армадой и не имели... Плевать, главное — уболтать фашиста. А там видно будет.

— Всего лишь сто? — отозвался Генрих. Трое автоматчиков вообще не обращали

внимания на разговор: один дремал, другой азартно рубился во что-то на iPhone 3G, третий читал потрепанный покетбук с обнаженной блондинкой на обложке. Все были вооружены незнакомыми Лексу укороченными версиями известной американской M-16, с подствольными гранатометами и лазерными прицелами.

— Сто пятьдесят... нет, двести. Думаю, вы как-нибудь разделите это на четверых.

— Пятерых, — заметил Генрих. — Пилот.

— На пятерых, хорошо.

— Не пойдет, — покачал головой Генрих.

— Почему?! Это же безбедная жизнь на много лет. И детям...

— У меня нет детей, — перебил Генрих. — Знаешь, за что я не люблю таких слизняков, как ты, русский?

— Я весь внимание, — сухо сказал Лекс, понимая, что фокус не удался.

— За то, что вы живете ради денег. Не ради идеи, нет. Ради денег. Вы все можете купить и продать. И думаете, что все вокруг — такие же. А я не такой.

— Ты борешься за идею. «Майн кампф».

— Да, моя борьба.

— Дерьмовая у вас идея, — улыбнулся Лекс. Если не получается подкупить, то хотя бы позлить. — Помнится, шестьдесят лет тому ее создатель застрелился в своем бункере. И бабу свою прикончил, и даже собаку. Наша идея была лучше.

Генрих тоже улыбнулся в ответ. Он явно умел держать себя в руках.

— Еврейские деньги из Америки. Вы ни за что не победили бы без еврейских денег. Фюрер ошибся в одном — если бы он не ссорился с американцами и не позволил сделать этого японцам, мы правили бы миром.

— Вы с американцами?! — с сомнением прищурился Лекс.

— Нет. Мы без американцев. Рано или поздно мы разобрались бы и с ними. Это сейчас они командуют всеми этими европейскими псевдостранами... Мой прадед, который погиб в Сталинграде...

— А, так это мой твоего прикончил? — воскликнул Лекс. Он, конечно же, не представлял, кем был его прадед, но хотел всеми способами разозлить Генриха.

Вспыльчивый человек часто делает ошибки. А умный из этих ошибок сможет что-нибудь извлечь. Если получится.

Но Генрих не разозлился, по крайней мере, не показал этого.

— Значит, твой оказался удачливее, — сказал он. — А теперь заткнись. Помнишь, что я говорил насчет твоей девушки? Никогда не поздно снизиться.

И Лекс заткнулся.

Они действительно сели для дозаправки. Иллюминаторы все так же оставались непрозрачными, дверь пассажирского салона не открывали, а звукоизоляция, исправно гасившая шум двух моторов, не пропускала ничего снаружи.

Лекс в исследовательских целях посетил туалет, оказавшийся довольно просторным для такого маленького с виду самолета. Никаких выводов не сделал, ничего полезного там не нашел. Хотел было отодрать держатель для туалетной бумаги — хороший металлический штырь, который в теории можно было использовать как колющее оружие, — но вовремя сообразил, что его отсутствие заметит любой из «черных», которому приспичит справить нужду.

Леска дремала или притворялась, что дремлет.

Андерс злобно зыркал то на «черных», то на Лекса, причем непонятно, на кого злился сильнее. Горевал, наверное, о своей тату-конференции в Сингапуре.

Когда самолет вновь взлетел, Генрих принялся о чем-то перешептываться с автоматчиком, читавшим книжку. Воспользовавшись этим, Лекс толкнул Лису локтем и тихо спросил:

— Что у тебя в карманах есть?

— Ничего... Все вытрясли... Деньги только, жвачка.

— А поискать?

Лиска медленно и осторожно принялась шарить в карманах джинсов.

— Ой, — неожиданно пискнула она.

— Что?!

— Укололась... Пилочка для ногтей.

— Блин... Весьма нужная вещь в нашей ситуации, — сердито буркнул Лекс.

Он напряженно размышлял, что можно сделать. С каждой минутой они все приближались к месту посадки, а там уже будет поздно. Сербские наемники не примчатся по первому зову и не сожгут все дотла, как раньше. Короче, ничего хорошего. Рейх есть Рейх.

Кабина пилотов отделена переборкой с дверцей, явно закрывающейся с той стороны.

Четыре вооруженных противника, пусть и немного расслабившихся.

А главное, они на высоте нескольких километров над землей. Не выпрыгнешь... Да и если самолет повернется, шансов маловато.

Генрих продолжал что-то перетирать с читателем, хмурился, стучал кулаком по колену. Ссорятся, что ли? Пусть ссорятся, пусть...

— Лис, — шепнул он девушке. — Дай-ка пилочку.

Пилочка тут же легла в его ладонь. Острая, легкая, с костяной рукояткой.

Специалист может открыть такой наручниками и даже дверной замок, но чем она может помочь сейчас?

— Эй, мне надо отлить, — громко заявил Андерс.

— Вперед, — разрешил Генрих.

Андерс неуклюже выбрался из своего кресла и пошел в хвост, успев многозначительно подмигнуть Лексу. А этот что затеял?!

Самолет трянуло в воздушной яме, потом еще раз. Автоматчик с айфоном болезненно поморщился, его, кажется, изрядно мutilo. Самолет снова затрясло, бросило влево. Положив айфон на кресло и прислонив к стенке салона винтовку, автоматчик зажал ладонью рот и бросился в хвост, забарабанив в дверь туалета. Генрих неодобрительно посмотрел на него, но промолчал.

— Выхожу, выхожу, — Андерс пропустил бедолагу в сортир и занял свое место. Снова многозначительно подмигнул Лексу. Черт, да что он затевает?!

И тут Андерс продемонстрировал Лексу ту самую держалку для рулона туалетной бумаги. Тщательно разогнутую в прямой прут. Показал и снова подмигнул, а потом даже показал язык.

— Идиот, — пробормотал Лекс, сжимая в кулаке пилочку.

В этот момент из туалета вылез игроман, вытирая рукавом губы, и заорал:

— Не понял, а где...

Дальше он ничего сказать не смог, потому что Андерс вскочил и ударил его стальным штырем в шею. Лекс даже успел увидеть, как кончик штыря выходит с противоположной стороны, но сделал это уже в движении, потому что прыгал на Генриха.

Маньяк-Пинокио среагировал на прыжок, но ошибся в намерении. Генрих думал, что Лекс хочет завладеть его оружием, но Лекс попросту воткнул «черному» пилку в глаз. С воплем Генрих выронил винтовку и завалился набок, тем самым помешав встать тому, что читал книжку. Все же бой в ограниченном пространстве имеет свои преимущества, подумал Лекс и тут же полетел в проход между креслами, потому что Генрих ударил его ногой в живот.

Дремлющий автоматчик вскинулся и недоуменно уставился на Андерса, который перескочил через визжащего «игромана» с пронзенным горлом и через валявшегося Лекса.

— Хайль Гитлер! — завопил Андерс и ударил автоматчика штырем в грудь. Но здесь он просчитался, потому что штырь скользнул по кевларовому бронежилету и ушел в сторону.

Автоматчик кинулся на Андерса.

Лекс пытался вдохнуть, но не мог.

Андерс боролся с автоматчиком.

Генрих мешал подняться «читателю», размазывая по лицу кровь и слизь из проткнутого пилочкой глазного яблока.

И черт знает, как все пошло бы дальше, если бы не Лиска. Девушка поступила максимально верно — схватила оставленный «игроманом» автомат и всадила по короткой очереди в Генриха и «игромана», который так и не успел вступить в игру. Салон наполнился пороховым выхлопом, а «соня», боровшийся с Андерсом, тут же обмяк и что-то закричал по-немецки. Андерс, не нуждаясь в переводе, вырубил его мощным хуком и запинал под кресла.

Салон был захвачен, но оставались пилоты. Или пилот — Лекс не видел, сколько их там в кабине.

Андерс подобрал винтовку Генриха, потом вытащил из его кобуры здоровенный пистолет. Лекс с трудом вдохнул, легкие были словно залиты свинцом, и пробормотал:

— Дальше-то что?!

— А вот что, — сказал Андерс и выстрелил в замок дверцы пилотской кабины. Затем двинул в нее ногой и заорал: — Самолет захвачен! Рули на ближайший аэродром!

— Найн! — закричал в ответ невидимый Лексу пилот, и самолет тут же свалился в крутое пике. Андерса швырнуло назад, Лиску бросило на Лекса, сверху навалилсядохлый Генрих, обливая все вокруг кровью. Перегрузка нарастала, салон содрогался, вокруг свистело и завывало, и Лекс почувствовал, что теряет сознание.

ГЛАВА 8 МЕРТВАЯ ЗЕМЛЯ

Остров Сомерсет, Канада, 19–20 августа 2008 года

Было холодно. Очень холодно.

Лекс открыл глаза и увидел, что над ним нависают пассажирские кресла. Он, таким образом, лежал на потолке салона, который теперь превратился в пол.

Лекс сел и поежился. В открытую дверцу он увидел унылый пейзаж — каменистую заснеженную равнину, по которой мела поземка. Вдали виднелись не менее унылые холмы, а над всем этим кошмаром нависало низкое свинцовое небо.

С трудом поднявшись, Лекс огляделся. Вокруг валялись мертвые «черные». Лиски и Андерса не было, того из «черных», что оставался в живых, — тоже.

— Эй! — испуганно позвал Лекс.

В дверное отверстие тут же просунулась физиономия Андерса — покорябанная, но вполне живая.

— Очухался, — удовлетворенно произнес он. — А мы тебя решили не тормозить, пока не осмотримся.

— Ну и как, осмотрелись?

— Ну да.

— И где мы?

— А кто его знает. Где-то на севере. «Черный» говорит, что это Канада. Вылезай, сам посмотришь.

Снаружи было еще холоднее. Безрадостный пейзаж, окружавший со всех сторон перевернутый «Бичкрафт», нагонял тоску. На крыле сидел боец Рейха со связанными руками и печально рассматривал собственные ботинки. Лиска копалась в сумке, которая раньше принадлежала Генриху.

— Пилот психанул, — объяснил Андерс. — Долбаный камикадзе... А когда самолет ушел в пике и перегрузки многократно возросли, он вырубился. Птичка потеряла управление и свалилась в штопор, но оказалась умной. Есть модели, которые сами выходят из штопора, автоматически. Вот она и вышла. Но все равно шлепнулась изрядно.

— А пилот?

— Сдох, — коротко ответил Андерс. — И рация разбита, и навигационные приборы тоже. Постарался, сволочь.

Лекс обхватил себя руками и принялся притопывать. Нет, особого мороза не было, градуса два-три, но в одежде для тропиков...

— Что ж я такой debil?! — всполошился Андерс. — Мерзнем, а кругом шмоток полно... Лис, помоги-ка раздеть этих вояк.

— Покойников?! — опешила Лиска. — Я не надену с покойника...

— Наденешь, и еще как! — жестко сказал Андерс. — Иначе помрешь от простуды или замерзнешь.

Лиска замотала головой и жалобно посмотрела на Лекса, но тот показал ей кулак.

Девушка вздохнула и полезла в салон.

Конечно, трофейные куртки тоже не были приспособлены для этих широт, но защищали от холода и ветра значительно лучше. Помимо одежды и обуви, бойцов Рейха лишили оружия, а также распотрошили аптечку и самолетный бар.

— Смотри-ка, не все разбились! — Андерс радостно поднял над головой две уцелевшие бутылки виски.

Теперь у них имелся запас спиртного, воды, несколько пакетов картофельных чипсов из бара и три банки саморазогревающихся мясных консервов из сумки Генриха. Другой еды ни в самолете, ни у черных не нашлось.

— Фигово, — констатировал Андерс, возясь с трофейными винтовками. — Если я правильно понимаю, мы где-то на территории Баффиновой земли или какого-то другого острова Канадского Арктического архипелага.

— Да ты географ, — пошутил Лекс, завязав шнурки ботинка и притопнув. Хорошо, что у всех «черных» оказались здоровенные ножищи. Если обувь велика, это дело поправимое, а вот когда мала...

— Я хорошо учился в школе, — с достоинством ответил Андерс и протянул ему автоматическую винтовку. — Держи. «Димако», канадская переделка пиндосской М-16. Толковая штука, получше оригинала, на мой сугубый взгляд...

Лекс взял винтовку, вытащил и снова вставил полный магазин.

— Это хорошо или плохо? — спросил он.

— Что? Винтовка?

— Нет, то, куда нас занесло.

— Плохо. Здесь никто не живет, это мертвая земля. Эскимосские поселки, наверное, попадают, но они на берегу, а отсюда моря не видать. Я даже не знаю, в какой оно стороне. Хотя раз это остров, то в любой. Вопрос — на каком расстоянии от нас.

— Так, может, нам лучше добраться до моря, а потом идти по берегу? — подала голос Лиска. Смирившись с необходимостью одеться в вещи покойников, она даже напялила шлем.

— Разумно, — одобрил ее идею Лекс.

— Не знаю, успел ли пилот передать что-нибудь своим. Если успел, то рано или поздно они будут здесь. Если нет, то черта с два они быстро найдут упавший самолет. Хотя в нем, наверное, есть специальный маячок... — предположил Андерс.

— Или его нет. Вряд ли мистеру Уайту нравилось, что его передвижения могут отследить.

— В любом случае от самолета нужно уходить, и поскорее. Сейчас полярный день, хоть это радует... А вот отсутствие продуктов — это плохо. Хотя тут водятся всякие песцы и лемминги. Даже белые медведи, но с ними я бы встречаться не хотел, даже имея при себе винтовки.

— Ну так чего ждем? — Лекс покосился на по-прежнему мрачно сидящего на крыле «черного». — А с этим что делать?

— Можно шлепнуть, — пожал плечами Андерс. — А можно с собой взять. Руки не развязывать, пусть идет, поклажу тащит. Так, наверное, более практично. Эй, фашистская

морда!

«Черный» поднял голову.

— Тебя как звать?

— Эрих.

— Вот что, Эрих. Скажи-ка, куда вы нас везли?

— В Гренландию, — неохотно ответил пленный. — На базу.

— Ее ж сожгли! — удивился Лекс. — Своими глазами видел!

— У нас несколько баз... А сейчас мы на одном из канадских островов, татуированный правильно сказал. Я думаю, нам нужно идти на юг. Там больше шансов наткнуться на эскимосов или какую-нибудь экологическую экспедицию.

— Думает он, — незлобиво буркнул Андерс. — Ладно, вставай. Понесешь сумку и запасную винтовку. И чтобы без глупостей, понял?!

— Понял, — вздохнул Эрих.

Андерс сноровисто навьючил пленника, и они двинулись туда, где, по мнению «черного», был юг.

Идти оказалось нелегко. Каменистая поверхность была местами покрыта тонкой, словно полиэтилен, ледяной коркой, и тяжелые башмаки, снятые с бойцов Рейха, то и дело скользили. Поземка превратилась в довольно серьезный ветер, то стихавший, то подло бросающий в лицо горсти мелкого снега. Лекс уже успел пожалеть, что по Лискиному примеру не надел шлем.

Стало быть, их везли в Гренландию. Расспрашивать пленного Эриха более детально Лекс смысла не видел — мелкая сошка, пехотинец, что с него взять. Он не будет знать ни целей захвата, ни того, кто сдал всю компанию. В теории это мог сделать тот же бессовестный Мусорщик, но ведь Лекс видел, как его труп плавает в бассейне...

Расстояния здесь огромные. Безлюдное пространство, где нога человека не ступала по половине столетия, а то и больше. Если они в самом деле выйдут к эскимосскому поселку или наткнутся на экологов — что тогда? Естественно, представиться потерпевшими авиакатастрофу. Выбраться к цивилизации... А дальше? Начнутся вопросы — кто вы и откуда, куда, на чем и зачем летели... Документы остались в вещах на острове мистера Уайта... «Как все нехорошо складывается-то, — подумал Лекс. — Хотя оно уже давно так. Тенденция-с, мать ее...»

«Черный» угрюмо топал впереди, словно робот. Следом шел Андерс с винтовкой на изготовку. То ли опасался, что Эрих попытается драпать, то ли на случай появления белого медведя. Про медведей Лекс помнил только то, что весят они с легковушку, а их печень весьма ядовита.

Однако медведь пока не встречался, а Эрих сбежать не пытался. Понемногу взобравшись на холм, они ожидали увидеть море, но обнаружили лишь такую же унылую равнину, на которой там и сям торчали острые скальные выступы. Лиска отошла в сторонку по своим делам и вернулась испуганная:

— Там могила!

Действительно, из камней был сложен небольшой холмик, в него воткнут крест из двух палок, связанных веревкой, а на поперечной кто-то вырезал ножом: «Икабод Роуз. 1809».

— В те времена тут шастало много исследователей, в основном англичане, — снова блеснул познаниями Андерс. — Соответственно, и могилки разбросаны сотни. А некоторые так вообще пропали без следа, как экспедиция Джона Франклина на кораблях «Террор» и «Эребус». Если помру, похороните меня так же. В этом есть что-то романтическое...

И Андерс хрипло захохотал.

— Пошел ты... — буркнул Лекс, которому при виде креста и могилы сделалось не по себе.

Спустя два часа с небольшим они укрылись от ветра за кубическим камнем, словно обтесанным вручную, и перекусили банкой мясных консервов и чипсами. Андерс настоял, чтобы все выпили по глотку-другому виски. В другой ситуации Лекс с удовольствием

посмаковал бы тридцатидвухлетний «Спрингбэнк», но сейчас выпил едва ли не с отвращением. Порцию горячего мяса со специями он съел куда более охотно.

Получил свою долю и Эрих, которому Андерс по такому случаю развязал руки.

— Как думаешь, фашистская морда, верно идем? — осведомился он.

— Верно... — кивнул Эрих, хрустя чипсами. — Только не знаю, что это за остров и сколько нам еще идти. Тут есть и небольшие, а есть по тридцать тысяч квадратных километров. И если мы упали на северной оконечности, то... ну, вы поняли.

— Да уж, как не понять, — проворчал Андерс. — Жрите скорее, и пойдем. Будем идти, пока совсем уж не станем вырубаться, тогда переночуем. Ну, или переднюем — с учетом полярного дня, хе-хе.

— Может, еще баночку откроем, — жалобно предложила Лиска, облизывая жирные пальцы.

— Нельзя. Может, подстрелим кого, тогда поедим. А консервы — неприкосновенный запас.

Но подстрелить никого не удавалось. Они видели промчавшегося наперерез зайца, зверька типа песца и нескольких белых сов, которых Андерс безрезультатно обстрелял из винтовки.

— Заразы! — ругался он, глядя вслед улетающим совам. — Дробью бы вас!

Ночевать пришлось за почти таким же камнем. Тесно прижавшись друг к другу, они прикончили вторую банку консервов, хлебнули еще виски, причем Андерс на сей раз приложился от души, и попытались уснуть.

Лексу мешало все: свет, холод, храп тут же отрубившегося Эриха... Да еще пресловутая белая обезьяна, о которой он старался не думать и которая упорно лезла ему в голову.

Если им удастся выбраться из этих адских земель, надо все бросить и скрыться.

Дикая идея, но как же все надоело! Деньги на счетах кое-какие имеются, снять их и исчезнуть. Вместе с Лиской, Андерс пусть делает, что заблагорассудится. Уехать в какую-нибудь нейтральную страну вроде Эквадора или Уругвая, осесть там, сделать очередные фальшивые документы и пропасть. Чтобы никто не нашел. Не возникать, ни во что не соваться, ничем не интересоваться таким, на чем можно спалиться... Его и искать-то, возможно, не станут. Вполне могут подумать, что он замерз во льдах после катастрофы.

Тело-то поди найди — те же песцы сжуют и косточки растащат...

Лиска сладко сопела под боком, Эрих выдавал сложные рулады. Только Андерс ворочался, то и дело отхлебывая виски.

— Хватит бухать, — сердито прошептал Лекс. — Сам ведь знаешь, алкоголь на холоде — верное средство замерзнуть, хотя все считают иначе.

— Да знаю я, знаю, — зашипел в ответ Андерс. — Но не могу удержаться. Уж очень погано на душе.

Так они оба и промаялись, пока Андерс не опустошил бутылку и не решил, что ночь закончилась. Он растолкал Лиску, пнул ногой Эриха и помог подняться Лексу, у которого затекло все тело.

— Идем дальше?

— А что нам еще делать? Черт, идти даже лучше. Хотя бы двигаешься... Чуть не сдох.

Лекс бездумно шагал вперед. Они поднимались на взгорки и спускались вниз.

Картина практически не менялась — лишь встретилось небольшое озерцо, в котором сновали туда-сюда мелкие рыбешки.

— Если что, сварим уху, — заметил Андерс. — Или сделаем севиче.

* * *

Как ни странно, к концу следующего дня они вышли к побережью острова. Оно тоже выглядело нерадостно. Серая вода с плавающими льдинами — пролив, за которым виднелась

такая же безжизненная местность. Камни и чахлые серые сухие травинки меж камней.

И два покинутых домика.

Прямо возле берега, на большой каменной насыпи, стоял кубического вида памятник. Он был собран из шести бетонных плит, на которых укреплена позеленевшая бронзовая доска с рельефными буквами: «Этот камень поставлен членами семьи Мак-Клинток в гордую память об адмирале сэре Фрэнсисе Леопольде Мак-Клинтоке, открывателе судьбы Франклина — 1859. Пролив Белло, 1979».

— Похоже, это в самом деле остров Сомерсет, — сказал Андерс. — В тридцатые и сороковые годы тут существовала фактория Форт-Росс Компании Гудзонова залива. А домики — все, что от нее осталось.

Четверка двинулась к домам. Первый был давно уже заброшен. Возле него торчала старая деревянная мачта — то ли антенна, то ли флагшток. Еще одна, железная и ржавая, валялась рядом.

Второй дом оказался закрыт добротными досками, ими были забраны и окна, и дверь. На доме старинные накладные буквы из позеленевшей меди, лет сто назад, наверное, висевшие на реальном офисе: «Компания Гудзонова залива. 2 мая 1670 года». На двери было написано черным маркером: «Ключ на юго-восточном углу». Он и в самом деле там нашелся.

Консервы, посуда, две печки, солонка в бочках, насос... На втором этаже размещалась небольшая библиотека, а посреди комнаты — шикарный белоснежный унитаз с черным пластиковым мешком-сборником и трубой для вентиляции. На стенах шуточные автографы побывавших здесь, а на полочке — журнал посетителей, который Андерс и Лекс пролистали с неподдельным интересом. Нашлось и несколько карт Канады, пришедшихся весьма кстати.

— Ага, — обрадовался Андерс. — Стало быть, мы вот тут. А через пролив у нас полуостров Бутия.

— Обитаемый?

— Условно, — сказал Андерс, продолжая внимательно рассматривать карту. — На юге, на перешейке, есть мелкий поселок Таллойоак, там даже есть аэропорт. Но до него еще нужно добраться... Конечно, тут будут еще и эскимосские деревеньки, которых на карте нет. Ну и сам полуостров — не подарок. В основном горные плато высотой до пятисот метров. Задолбаемся карабкаться вверх-вниз.

— У нас есть варианты? — прищурился Лекс. Лиска, разогревавшая на плитке бобы со свиной, вопросительно посмотрела на спутников. Лишь привязанный к спинке кровати Эрих не проявил интереса к разговору.

— У нас нет вариантов, — развел руками Андерс. — Вопрос в том, как пересечь пролив.

ГЛАВА 9 ПРИШЕДШИЙ ИЗ ВЬЮГИ

Полуостров Бутия, Канада, 21 августа 2008 года

Ночевали в домике, под уютное гудение печки, напившись кофе, закусив галетами и консервированной ветчиной. Лекс думал, что в такой приятной обстановке сразу вырубится — тем более после беспокойной ночи под открытым небом. Однако он ворочался и так, и сяк, то кутаясь в синтепоновое одеяло, то сбрасывая его, но сон упорно не шел.

Лиска и Эрих, которого на всякий случай привязали к балке за ногу, дрыхли. А вот Андерс, оказывается, бодрствовал.

— Не спится? — тихо спросил он.

— Не-а, — отозвался Лекс, взбивая тощую подушку.

— Скажи... — Андерс помолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать. — Скажи, тебе не кажется иногда, что ты занимаешься совсем не своим делом?

— Кажется, — признался Лекс. — И не иногда, постоянно в башку лезет... Особенно когда началась вся эта поганая круговерть. Я стараюсь отмахиваться. Называю это «не думать о белой обезьяне».

— Вот и у меня та же фигня, — со вздохом произнес Андерс. — Прикинь, мой двоюродный брат был довольно состоятельным человеком. Своя фирма по утилизации бытовых отходов, мусороперерабатывающие заводи, сеть кафе быстрого питания собирался открывать...

— ...Питание тоже из отходов? — не удержался Лекс.

Наемник вяло усмехнулся.

— Нет, из курятины в основном. В депутаты собирался выдвигаться, и победил бы, он ушлый... Но в один прекрасный день продал бизнес, снялся с выборов, купил домик где-то на Волге и живет там с семьей. Обычный домик, без понтов-бассейнов, зимних садов...

Детей наплодил, семь голов. Редиску выращивает, патиссоны какие-то, все — своими руками. Я к нему заскакивал однажды, так не поверишь, как изменился человек. Раньше, конечно, тоже был не говно: прическа, костюмы, на «майбахе» катался. А тут — небритый, в рубашке какой-то рваной, весь мазутом перепачкан и радостный, как слон. Я, говорит, только что своими руками двигатель в гусеничном тракторе починил!

— Может, он на религии повернулся? Как Стерлигов, к примеру. Помнишь, был такой мультимиллионер, — предположил Лекс.

Андерс громко поскреб затылок.

— Не. Он вообще атеист. Бабкам в деревне церквушку починил за свои деньги, что с проданного бизнеса остались, но сам туда не ходит. Просто нравится ему так. Мы с ним долго говорили — у него беседка на берегу, над Волгой, мы под соленья-варенья и прочие шашлыки пару бутылочек раздавили. Он, кстати, сам гонит и настаивает, не доверяет казенному продукту. Он и объяснил: раньше, говорит, у меня голова кругом шла. Фигаро тут, Фигаро там. Туда взятку отнести, здесь с ментами утрясти, в администрации поклониться, решить то, решить это, экологов успокоить, конкурентов напугать... А тут, говорит, у меня за всю последнюю неделю одна серьезная проблема возникла: крестоцветные блошки на редиску напали, чуть все листья не поели, пришлось табачной пылью посыпать...

— А ты что? — поинтересовался Лекс.

— А я напился, чего-то орать начал в итоге, он мне морду набил и выгнал, — ответил Андерс. — И правильно сделал. Все, я сплю, а ты как хочешь.

Поутру они тщательно обыскали окрестности в поисках лодки, но ничего не нашли. Поэтому соорудили плот из всего, что только нашлось в домике — от пустых канистр и пластиковых бутылок до большого куска пенопласта-утеплителя.

Частично пришлось разобрать стену второго, заброшенного здания, а также снять с него же пару дверей. Оставалось надеяться, что никто в обиде на это не будет.

Плавсредство получилось неуклюжим и опасным с виду, но на воде держалось вполне сносно. К тому же им предстояло переплыть довольно неширокий пролив со спокойной водой, а не штурмовать Атлантику.

Вместо весел использовали доски, еще одна выполняла функцию руля. Правда, плот тут же начало ощутимо утаскивать течением, но с ним удалось справиться. Лиска едва не свалилась в ледяную воду, ее успел схватить за воротник куртки Эрих. Лекс даже испытал благодарность к пехотинцу Рейха, но потом подумал, что от него скорее всего придется избавиться, а потому лучше не раскисать. Враг есть враг...

Высадившись на берегу Бутии, они вытащили плот подальше на сушу — вдруг кому пригодится — и снова навьючили на Эриха большую часть поклажи. Вес ее значительно вырос после того, как они опустошили кладовку в гостеприимном домике Форт-Росса.

— Держим направление, — распорядился Андерс, который постепенно превратился в лидера. Лекс не оспаривал его власть, все же наемник есть наемник, и коли того наняли присматривать за Лексом — пусть присматривает.

«Черному» пехотинцу явно было очень тяжело тащить припасы, но он не сетовал.

Наверное, принимал наказание по-арийски стоически. Раз был столь глуп и слаб, что врагам удалось его победить, — ничего не поделать. Кто сильнее, тот и прав.

Полуостров Бутия был так же неприютен и сер, как и остров Сомерсет. Разве что мхи и лишайники выглядели немного ярче. Кажется, их даже можно есть с голодухи. «Дай бог, чтобы до этого не дошло», — подумал Лекс. Притом Андерс скорее сожрет Эриха, чем станет глотать камни, обдирая с них лишайник. Разве что в самом крайнем случае. Когда Эрих закончится...

Они шли, пока не налетела пурга.

Ненастье обрушилось на них внезапно, словно бог нажал на свой волшебный рубильник. Только что вокруг была безмолвная и холодная глушь, как вдруг все взвыло, закрутилось и заиграло. Ледяная крупа безжалостно впивалась в лицо, и Лекс в очередной раз пожалел, что побрезговал взять шлем одного из «черных».

— Может, спрячемся? — прокричал Лекс Андерсу, подходя вплотную.

— Давай! Вон в тех скалах!

Между скалами и в самом деле имелся пятачок примерно два на два метра, закрытый с трех сторон. Туда они и забились.

Пурга разбушевалась не на шутку. Сильно стемнело, а через несколько минут их уже засыпало снегом по колено.

— Черт, а ведь еще вчера я страдал от жары... — простонал Андерс. — И ведь это август! Представляю, что здесь творится в декабре! Нет, когда господь создавал эти места, он точно был занят чем-то другим и постоянно отвлекался...

— Холодного пивка не хочешь? — нашел в себе силы для шутки Лекс. Неожиданно засмеялся молчаливый Эрих, а Андерс лишь покачал головой и полез в сумку за спиртным.

Судя по всему, им придется тут застрять надолго. Главное — не уснуть, потому что сон — первый шаг к тому, чтобы замерзнуть насмерть... Лекс принялся вертеться, напрягая мышцы, шевеля руками и ногами, чтобы кровь не застывала. Стало немного теплее, но тут его упражнения прервала Лиска.

— Ты видел?! — тревожно спросила она.

— Что я должен был видеть?! — Лекс, прикрывая глаза ладонью от летящего крошева, взгляделся в снежную кутерьму.

— Там кто-то был, — сказала Лиска.

Андерс, булькнув содержимым своей бутылки, насторожился:

— Может, медведь?

— Я тоже что-то видел, — сообщил Эрих. — Какая-то фигура, быстро-быстро промелькнула... Я даже не успел рассмотреть. Что-то не слишком большое, может, человек... Но я не уверен.

— В пургу можно многое увидеть, чего нет на самом деле, — сказал Андерс. — Она сводит с ума.

— Но я точно что-то видела! — возмутилась Лиска. — Я же не дура?!

— Тихо! — крикнул Лекс.

Все замолчали, а он прислушался. Только что, мгновение назад, кто-то смеялся.

Даже не смеялся, а противно хихикал, по-старушечьи, мерзко и ехидно. Там, в пурге. Лекс мог поклясться, что это не галлюцинация...

— Вот, снова... — пробормотал он. — Слышали?

— Я слышала, — сказала Лиска. — Кто-то смеется... Мне страшно! Что это?!

— Ветер, — усомнился Андерс. — Ветер воет так, что еще и не то причудится.

Лекс снова прислушался, стиснув ледяное цевье автоматической винтовки. Белый медведь? Медведи не смеются... Конечно, это и в самом деле мог быть ветер, но чтобы сразу двое, он и Лиска... Массовое помешательство? И снова!!!

— Блин, вот теперь и я слышу, — сокрушенно произнес Андерс. — Не нравится мне это.

— Развяжи мне руки, — попросил Эрих.

— А может, тебе еще ирисок полную горсть насыпать?!

— Развяжи мне руки, — повторил пленный. — Если там, в пурге, есть что-то, то лишний ствол вам не помешает. А я не такой придурок, чтобы сейчас куда-то сбегать. Один я там не выживу.

Андерс устался на Эриха, потом махнул рукой и принялся развязывать веревку. Растерев запястья, Эрих снял с плеча запасную «Димако», которую нес, и без предупреждения дал длинную очередь в мельтешащий снег. Лекс даже подскочил.

— На всякий случай, — пояснил немец. — Может, отпугнул.

Теперь прислушивались уже все четверо. Ветер все так же выл, словно взбесившийся соборный орган. Температура заметно упала, Лекс сказал бы, что градусов до десяти ниже нуля...

И тут пурга утихла, словно бог снова добрался до рубильника. Наступила тишина, полная тишина, до звона в ушах, и только запоздалые снежинки, вертясь, плавно опускались вниз.

— По-моему, никого... — пробормотал Андерс.

— Вон он, — сказал Эрих холодно.

И все они увидели сгорбившуюся фигуру, которая сидела на небольшом холмике метрах в пятидесяти от них. На фоне серо-синего неба она была еле заметна, но было стопроцентно ясно, что это не человек.

Эрих выстрелил, быстро вскинув винтовку к плечу, но загадочная тварь оказалась проворнее. Только что сидела, опираясь на длинные руки, и вот ее уже нет.

— Твою же ж мать... — выругался Андерс. — Этого еще не хватало. Что это за скотина?

— Уж точно не медведь, — ехидно влезла Лиска.

— Да заткнитесь вы, — приказал Эрих, который вместе с оружием явно обрел уверенность в себе. — Оно рядом. Я слышу, как оно ходит.

Лекс напрягся. На самом деле у них удобная позиция — противник может напасть только с одной стороны... Или сверху. С такими-то ручищами, словно у павиана.

Взобраться на скалу и прыгнуть сверху, пока они таращатся туда, где враг только что был.

— Сверху! — закричала в ту же секунду Лиска и принялась палить в низкое полярное небо. Над ними промелькнула уже знакомая косматая фигура, перепрыгнув с одной скалы на другую. Похоже, очередь ее не достала.

— Сволочь! — Андерс рвал и метал. — Надо отсюда выбираться. Пурга кончилась, видимость улучшилась, станем спина к спине и прикончим этого гада. Иначе оно в самом деле свалится нам на голову и порвет всех, или мы сами друг друга уложим в перестрелке.

Словно поддразнивая, таинственный обитатель здешних мест снова сиганул у них над головами, издав довольное уханье. Эрих выстрелил, но не попал.

— Выходим, — сказал он. — Татуированный прав.

Андерс даже не стал огрызаться. Вглядываясь в так и не рассеявшийся с окончанием пурги полумрак, они выбрались из своего довольно жалкого укрытия, держась спиной к спине, как велел наемник.

— Надо его завалить или хотя бы ранить, — злобно бормотал Андерс. — Показать, что мы сильнее и можем сделать больно.

Лекс сморгнул, потому что глаза уставали пристально таращиться по сторонам, тем более на холоде. Может, тварь наигралась и удрала по своим делам?

В этот момент обычный снежный сугроб в паре метров от них буквально взорвался изнутри. Лекс даже не успел нажать на спуск винтовки, когда острые когти схватили его за ногу и поволокли прочь с ужасающей скоростью. Он упал, выронил свое оружие, безуспешно пытаясь ухватиться за пролетающие мимо валуны, больно стукнулся об один из них головой. Вокруг застрекотали автоматные очереди, когти неожиданно разжались, и Лекс,

кувыркаясь, постепенно замедлил движение. Через пару секунд его подхватили Лиска и Андерс.

— Цел?! — выдохнул наемник.

— Кажется, да... Ботинок мне порвал, сволочь... — Лекса замутило. «Хорошо, если просто с перепугу, а не симптомы сотрясения мозга, — подумал он. — Вон как башкой о камень приложился-то...»

Подошел Эрих, посветил фонариком. Жесткая кожа ботинка была располосована, словно бритвами. Спасли металлические амортизирующие вставки, иначе Лекс пострадал бы куда серьезнее. Лиска сноровисто залила рану спреем из аптечки, объединяющим в себе и обеззараживающее, и «жидкий бинт». Кровь быстро остановилась.

— Я его достал, по-моему, — сказал Эрих, который вместе с Андерсом контролировал окрестности, пока девушка возилась с ногой Лекса. — Потому он тебя и бросил.

— Может, не ты, — буркнул Андерс. — Может, я. Все стреляли.

— Может, и ты, — равнодушно согласился Эрих. — Вот только куда он делся?

— Главное, что тут его нет.

— Он смотрит откуда-то... — ежась, сказала Лиска, собиравшая лекарства в аптечку. — Я чувствую. Взгляд прямо в спину впивается.

— А что, если мы его не отпугнули, а просто разозлили еще сильнее? — предположил Лекс. — Блин, я ствол потерял...

— Вот он, — Эрих подал облепленную снегом канадскую винтовку. — Я подобрал...

— Останавливаться нельзя, — решил за всех Андерс. — Если он за нами следит, то и пусть себе следит. Подойдет близко — откроем огонь. А то и вообще плюнет и отстанет.

Холод и постоянное чувство опасности придали им дополнительные силы.

Маленький отряд шел довольно быстро и вскоре вскарабкался на очередное плато. Здесь они остановились, чтобы в очередной раз осмотреться и свериться с прихваченной в Форт-Россе картой.

— Вроде бы мы тут, — Андерс водил пальцем по закатанному в пластик листу. — Идем верно... Твою мать, сколько нам еще топать!

— По-моему, вон там свет! — воскликнула Лиска, показывая пальцем на восток.

— Где?! — вскинулся Андерс.

Лекс взгляделся — в самом деле, вдалеке мерцал огонек. Костер?

* * *

— Тут могут быть становища эскимосов-иннуитов, я же говорил, — напомнил Андерс, сворачивая карту. — Вполне возможно, один из них. Они обычно недалеко от берега останавливаются, а там как раз восточное побережье полуострова. Но это далеко...

— Но ближе, чем поселок с аэропортом? — уточнил Лекс.

— Чем Таллойоак? Гораздо ближе. Предлагаете идти туда?

— В сложившейся ситуации это может быть правильным, — вставил немец. — Тем более, наш приятель по-прежнему здесь. Я только что видел его внизу. Прячется за камнями.

— Думаешь, эскимосы нам помогут?

Лекс заметил, что наемник говорит с «черным» уже как со своим, без подколов и «фашистских морд». Видимо, решил оставить все это до возвращения в цивилизацию.

— Они хотя бы могут знать, кто это. Или что это.

— Что ж, давайте пойдем к эскимосам, — сказал Андерс.

— Я всегда хотела посмотреть, как они живут в своих снежных домиках, — добавила Лиска, и все неожиданно засмеялись.

Все, кроме Лекса, который услышал вплетающееся в добрый, обычный человеческий смех отдаленное шамкающее хихиканье.

ГЛАВА 10

ПИНДОС И КАБАЧОК

Москва, 21 сентября 2008 года

Через четыре года в этот день должен был случиться конец света. Даже если и так, во что Ник не верил, оставалось чертовски много времени, чтобы потратить его на свое усмотрение. К примеру, вернуться в Италию, поесть морепродуктов, погреться на средиземноморском солнышке... И встретиться с Серджи Пимонно. Который спросит, что и как сделал Ник после их разговора, состоявшегося... Да, состоявшегося уж год тому назад.

«Я отдал тебе этот предмет, потому что думаю, что ты найдешь ее, — сказал тогда итальянец. — Эту девушку и паука. Найдешь и остановишь. Иначе случится беда. Большая беда».

Ник подбросил на ладони лису, ловко поймал.

Ничего он не нашел.

Никого он не остановил.

А главное, никто его все это время не тормозил вопросами типа: «Ну и где же результат?» Казалось, о нем вообще забыли. Хотя Ник ощущал некую незримую поддержку. Слишком уж все хорошо и спокойно у него обходилось. Даже Паутина ощущалась все реже и реже, все тоньше и тоньше...

Нет, конечно, он и вел себя тише воды, ниже травы, не высовывался, не совался, куда не следует... Собирал информацию. Анализировал. Но вне всякой зависимости от собранной информации и проведенного анализа Ник чувствовал, что ему нужно найти Лекса. И Лекс выведет его к Синке и пауку. Каким образом — он совершенно не представлял. Возможно, это была подмена цели, ложное стремление. После встречи в Сингапуре и фактического объявления войны Ник ждал совсем другого развития событий и даже огорчился, когда ничего не произошло.

Более того — Лекс пропал, исчез, словно растворился в пространстве. Возможно, Бад что-то разузнает сверх того, что уже смог? Словно отвечая мыслям Ника, запищал мобильник. Дешевый, купленный с рук, с невесть чьей сим-картой, который нереально было отследить. Именно его номер Ник и дал инфотрейдеру на случай, если тот узнает что-то новенькое.

СМС-сообщение от Бада, не обремененное знаками препинания, гласило: «Выходи на улицу иди направо до цветочного ларька там будет стоять шахид-такси белая ржавая тачундра номер 388 садись тебя привезут машина ждет полчаса».

Просьба к Баду дала свои плоды? К инфотрейдеру Ник относился настороженно. Он долго работал с Лексом, и поговаривали, что именно он втянул Лекса во что-то опасное. Во что — никто не знал. Спрашивать напрямую Ник не видел смысла — соврет. То же и Синка. Ник помнил, как именно она познакомила его и Лекса с Бадом. И тоже не стал спрашивать. Вернее, спросил как бы мимоходом, что-то типа: «Давно ли видел?!» И получил такой же ответ — типа «Даже и не помню».

И тогда Бад не соврал. Дело было в январе этого года; до января с момента знакомства Ник инфотрейдера даже издали не видел. А Лекс все это время работал с Бадом плотно. После чего исчез и неожиданно появился в Сингапуре.

А потом снова исчез. И об этом его втором исчезновении, судя по лисе, ничего не знал даже Бад.

«Белая ржавая тачундра», а именно «шестерка» с номером 388, стояла, заехав передними колесами на тротуар. Водитель, восточный человек в вязаной шапочке, кушал чебурек и, когда Ник вежливо постучал в стекло, сказал с потрясающим акцентом:

— Пирьриф. Иди другой машин, вон он стоит.

— У меня заказано, — пояснил Ник. Не перепутал же он?! Нет, номер тот, внешне машина соответствует описанию...

Водитель аккуратно заправил в рот оставшуюся часть чебурека, смял жирную бумажку

и сунул в битком набитую окурками пепельницу.

— Тогда садись скорее, — велел он уже без акцента. Ник забрался на неудобное сиденье, жесткое и продавленное. Перед ним свисали какие-то мусульманские символы на веревочках, ими же была украшена торпеда. Водитель включил магнитола. Ник ожидал услышать вопли какой-нибудь группы «Винтаж», но неожиданно заиграла весьма приятная музыка, что-то из старого рока.

— King Crimson, — пояснил водитель, поправляя кепку. — Шестидесят девятый год, их лучший альбом. Кстати, ты в курсе, что название King Crimson придумал их текстовик Пит Синфилд как синоним Вельзевула? А Вельзевул — это английская версия арабской фразы, звучащей как «Бил Сабаб» и означающей «целеустремленный человек».

Ник не нашелся, что на это ответить, и только покачал головой.

— То-то, — наставительно сказал водитель. — Ехать далеко, успеешь весь альбом послушать.

Ехать оказалось и в самом деле далеко, особенно с учетом пробок, которые водитель, впрочем, умело объезжал через дворы и промзоны. В результате они неожиданно выбрались на шоссе Энтузиастов, потом так же неожиданно свернули с него в мрачные руины огромных складов, проехали дачи (Ник прикинул, что это вроде бы Никольское), после чего некоторое время ползли по совершенно разбитой дороге параллельно железнодорожному полотну.

— Уже скоро, — сказал водитель, заметив, как Ник вертит головой, пытаюсь сориентироваться. Аура подсказывала, что это правда. — Собственно, даже не уже скоро, а уже прибыли.

С этими словами он свернул в частный сектор, проехал метров двести по улочке, преследуемый лающей черно-белой собачонкой, и въехал в заранее открытые ворота. Собачонка осталась снаружи.

— Готово.

Ник выбрался из «шестерки», машинально потирая затекшую поясницу и осматриваясь.

Старенький дом, бетонный дворик, на деревянном столе лежат горкой собранные кабачки. Что за пастораль? Ник повернулся к водителю, чтобы спросить, куда его тот привез, но в этот момент на крыльцо вышел Бад и приветливо помахал рукой.

— А мы тебя ждем-ждем... Посмотри, что притащила кошка. Оно здесь, внутри.

Ник поднялся по скрипучим ступенькам и вошел в наполненный деревенскими запахами дом. Гирлянды чеснока и лука на стенах, допотопные часы с кукушкой и гирьками в виде шишек на цепочках, лупоглазый черно-белый телевизор, на экране которого в мельтешащем снегу помех бегали фигурки футболистов... И человек в наручниках, сидящий на стуле посередине комнаты. С разбитым в кровь лицом.

Наверное, в смежной комнате, вход в которую был завешен дурацким цветастым покрывалом, находился кто-то еще. Не Бад же так отметелил беднягу...

— Не знаком ли ты с этим типом? — поинтересовался тем временем Бад.

Ник взгляделся в заплывшие глаза.

— Нет, — уверенно ответил он. — В первый раз вижу.

Избитый человек криво ухмыльнулся.

— Его зовут... Да какая разница, впрочем, как его зовут. В определенных кругах он известен как Индевять. Американец, так что, если ты хочешь его о чем-то спросить, лучше говори по-английски.

— А о чем я его могу спросить?! — удивился Ник.

— О том, кого ты ищешь. Индевять довольно долго тусовался с Лексом. Был с ним в Гренландии, в Сингапуре, а вот на Ямайку его уже не взяли. За что тебя не взяли на Ямайку, а?! — Бад перешел на английский и легонько пнул американца в голень. Тот ничего не ответил.

— Слушай, я не хочу на это смотреть, — сказал Ник, морщась. — И я не просил, чтобы

ты это делал. На нем же живого места нет!

— А это не из-за тебя, — расплылся в улыбке Бад. Ник обратил внимание, что за прошедшее с прошлой встречи время инфотрейдер вставил в левый клык небольшой бриллиантик. — У нас к нему свои счета, с твоими проблемами никак не связанные. Успел наколбасить мистер Индевять, думал, никто и не вспомнит... Была одна интересная история с интеловскими разработками...

— Не думаю, что эта информация мне нужна.

— И то верно. Хорошо, пойдем-ка сядем, поговорим. Я уже все выпросил у него, какая разница, я буду рассказывать или он. Если возникнут дополнительные вопросы — вернемся и зададим. У тебя с английским вообще как?

— У меня с английским вообще сносно, — сказал Ник, следуя за Бадам на кухню. Там пахло сушеными ягодами и цветами. Бад взял с древней газовой плитки чайник и налил себе полную фаянсовую кружку с эмблемой Олимпиады-80. Аромат стал еще сильнее, Бад пояснил:

— Натурпродукт. Липовый цвет, малина, мелисса, богородицына травка... Хочешь? Полезно.

Ник покачал головой.

— Короче, твой Лекс с девчонкой и Андерсом вылетел на Ямайку, а они остались болтаться в отеле, в Сингапуре. Они — это Индевять, Жан и Словен. Двоих последних ты тоже не знаешь?

— Нет.

— Ну и черт с ними. В общем, Лекс им велел отдыхать и ни о чем не беспокоиться, пока он, стало быть, не метнется по делам и не возвратится. А если вдруг не возвратится, то следовать инструкциям человека, который явится от Мусорщика.

— Снова Мусорщик... — задумчиво пробормотал Ник.

В кухню вошел полосатый серый кот, вопросительно посмотрел сначала на Бада, потом на Ника, и принялся деликатно кушать сухой корм, насыпанный в жестяную мисочку.

— Мусорщик-то Мусорщик, но слушай дальше. Никакой человек к ним в итоге не явился, от Лекса тоже ни слуху ни духу. Собственно, особых сроков им никто не назначал, но эти трое коллегиально приняли решение разойтись. Нехорошие предчувствия, видишь ли, у них появились. Не знаю, как у двух других, а у мистера Индевять такое предчувствие оправдалось. Он отправился в Японию, а оттуда — во Владивосток. Собирался там какой-то старый должок получить с местных. Но не успел, потому что старый должок с него решили получить мы. Но это тебе уже неинтересно, тебе будет интересна предыстория попадания в Сингапур. Потому слушай. С Лексом наш мистер Индевять встретился в Румынии...

Когда Бад приговорил еще пару чашек травяного чая и закончил свой рассказ, Ник долго молчал. Инфотрейдер не торопил его, поймав кота и уложив к себе на колени. Кот блаженно жмурился и мурчал.

Было понятно, что историю Бад рассказал не всю. Далеко не всю. Начать ее следовало бы с того, как и зачем Лекс оказался в Румынии, потому что руку к этому прямо или косвенно приложил сам инфотрейдер. Но вряд ли это помогло узнать, где Лекс пребывает сейчас и жив ли он вообще.

— Ясно. Что ничего не ясно, — сказал наконец Ник.

— Ну, извини, — развел руками Бад. — Что имею... Могу добавить, что Мусорщик тоже пропал. Последнее упоминание о нем, только не удивляйся, ради бога, тоже с Ямайки. Он там вертелся за день до твоего приятеля. А потом его пытались найти по своим каналам весьма влиятельные люди, но не нашли. Однако есть еще одна интересная ниточка... Возможно, если за нее дернуть...

Инфотрейдер загадочно замолчал.

— Не тяни. Сколько?

— Нисколько, — удивил Ника Бад. — Потому что я тебе просто даю, так сказать, наводку, которая может и не сработать.

Лиса говорила, что инфотрейдер не врет. Поди ж ты, подивился Ник, бывает же такое!

— Я еще в прошлый раз говорил тебе, что есть у меня определенные подозрения насчет того, что твой приятель в Америке. В Штатах есть секретный советник Армады, да. Мне он известен, как мистер Уайт... — Бад замялся, аура подернулась черными каракатицами. — Точнее, я слышал о нем, как о мистере Уайте, потому что его настоящее имя вообще, по моему, мало кто знает... Сам я, конечно, лично не сталкивался... Так вот, есть слух, что Мусорщик что-то с ним мутит в последнее время. А Лекс мутит с Мусорщиком.ловишь сигнал, а?

— Ловлю, — кивнул Ник.

— Индевять сообщил, что перед отбытием из Нью-Йорка Лекс неоднократно встречался с этим самым Уайтом. Я не стал говорить сразу, хотел, если честно, чуток с тебя срубить, — признался Бад. — Потом подумал — если ты вдруг спросишь сам, а пиндос тебе выложит случайно, получится нехорошо. Так вот, Лекс встречался с Уайтом, и есть мнение, что именно Уайт отправил всю его бригаду сначала на отдых в Грецию. А потом — в Сингапур. Где некоторое время Лекс выделялся в качестве спецпредставителя Армады и встречался с тобой.

— Я должен найти мистера Уайта?

— Это уж сам смотри. Я даю наводку, но не советы. Сам понимаешь, такой человек может быть чрезвычайно опасен. Таинственное исчезновение Мусорщика тоже поводов для оптимизма не дает...

Бад аккуратно стряхнул с колен весьма недовольного этими действиями кота.

— Если ты собираешься в Америку, а ты, наверное, собираешься, знаю я твою упертость, — попробуй не делать этого официальным путем. Ну, виза там, все дела...

— Не понял. Нелегально проникать, что ли?!

— Нет, ты, конечно, можешь попробовать сделать все чин чинком. Но заблокировать тебе получение американской визы для той же Армады — раз плюнуть. И не только для Армады. У тебя достаточно врагов, Ник.

— У меня также много друзей.

— Которые, как показывает жизнь, частенько превращаются во врагов раньше, чем успеваешь такое предположить. Уж не тебя мне учить, ага?

Инфотрейдер ехидно подмигнул, и Ник подумал, что тот стопроцентно прав. Раньше, чем успеваешь такое предположить...

— Я подумаю, — сказал он. — Спасибо за все, что ты для меня сделал. По поводу всех расчетов — информируй, я оплачу.

— Это уж я никогда не забываю, — снова заулыбался Бад. — Ну так что, хочешь поговорить с пиндосом? А то нам его пора отсюда увозить, знаешь ли.

— Что это вообще за место? — спросил Ник, наклоняясь, чтобы почесать кота за ухом. Он не ожидал, что Бад скажет правду, но черные каракатицы снова забегали лишь на миг, а инфотрейдер немного застенчиво сказал:

— Бабки моей дом. Я ее отправил на Кипр кости погреть, сказал, присмотрю за огородом и Мишкой... Мишка — это кот, вот он сидит...

— Кабачки тоже ты собирал?

— Я, — совсем уж виновато сообщил Бад.

— Нормальные кабачки уродились, — одобрил Ник. — Не буду я с твоим пиндосом разговаривать, что он мне нового скажет... Тем более, я его по морде бить не собираюсь.

— Тогда пойдем, провожу.

Когда Ник уже грузился в ожидавшееся его белое «шахид-такси», Бад сунул ему большой желтый кабачок.

— Держи, — сказал он. — Подарок. Жаришь на масле кружочками, а потом майонезом с чесноком его полить. Вот такая закуска!

— Спасибо, — Ник положил кабачок на заднее сиденье. — Слушай... А ты можешь еще что-то узнать про этого мистера Уайта? Слухи, сплетни, даже заведомо нелепые и

фантастические?

— Я попробую, — насупившись, пообещал Бад. — Но у меня устойчивое ощущение, что мы лезем туда, куда лезть не следует.

Когда «шестерка» выехала из частного сектора, преследуемая все той же брехливой собачонкой, водитель наставительно произнес:

— Безопасность — по большей части предрассудок. В длительной перспективе избегать опасности не безопаснее, чем идти ей навстречу. Жизнь — либо дерзкое приключение, либо ничто.

— Кто это сказал? — поинтересовался Ник.

— Хелен Келлер, слепоглухая американская писательница, — сказал водитель и включил свою магнитоу.

ГЛАВА 11 КАК МОТЫЛЬКИ НА СВЕТ

Полуостров Бутия, Канада, 21 августа 2008 года

Объекты, видимые в зеркале, ближе, чем они кажутся.

Эту надпись, часто встречавшуюся на зеркалах заднего вида иномарок, Лекс вспомнил, когда они штурмовали очередное плато. Правда, сейчас все было с точностью до наоборот. Замеченный с высоты огонек отказывался приближаться, хотя горел все так же упорно и равномерно. Наверное, это все же был не костер, а какой-то другой источник света, электрический. И находился он значительно дальше, чем казался.

Их волосатый хихикающий приятель был по-прежнему тут как тут. Мелькал в отдалении, так шустро, чтобы в него не попасть, а однажды даже запустил камнем. Не прицельно, просто так, чтобы напомнить о себе. Он, такое впечатление, развлекался, и это пугало Лекса даже больше, чем первое нападение. Как будто существо знало что-то такое, чего сами они не знали, и чувствовало себя на высоте положения.

Перекусили на ходу, не останавливаясь, всухомятку. Нога у Лекса ощутимо разболелась, но он понимал, что для серьезной обработки раны придется сделать привал.

В присутствии странного преследователя и в дикой местности этого делать не хотелось. Потому Лекс даже не стал жаловаться, хромал себе потихоньку.

Несмотря на полярный день, было довольно темно, значительно темнее, чем вчера на острове Сомерсет. Наверное, виной тому были низкие тучи, из которых опять посыпался колючий снег.

— Какая же все-таки мерзкая дыра! — злобствовал Андерс, цепляясь за неровную поверхность скалы, вдоль которой взбирался вверх. — Совершенно никчемное место... И живут тут всего тысяч тридцать эскимосов, а ведь какое огромное пространство! А где-нибудь в Китае люди друг у друга на головах сидят!

— Когда вернемся, организуем переговоры Китая с Канадой по поводу заселения этих земель, — вяло пошутил Лекс. — Китайцы трудолюбивые, они тут через пару лет уже будут рис выращивать. И свиней, они свинину любят.

— А им разве вера позволяет?! — удивилась Лиска, в очередной раз поразив Лекса своими странными познаниями. Он махнул рукой и ничего объяснять не стал, тем более, трепаться, карабкаясь вверх, было сложновато.

На спуске поскользнулся Эрих. Взмахнул руками и покатился вниз, брэнча о камни амуницией. Под конец его подбросило на валуне, исполнившем роль трамплина; немец пролетел метра четыре и с размаху грохнулся на каменистую поверхность.

— Не спешить! — хрипло выкрикнул Андерс, когда Лиска заторопилась было к упавшему. — Сама хочешь так навернуться?! Никуда он уже не денется!

Пехотинец лежал неподвижно. Когда они наконец были внизу и подошли ближе, Эрих приподнял голову и глухо сказал:

— У меня сломана нога. По-моему, открытый перелом.

— Твою мать! — в сотый, наверное, раз выругался Андерс. Быстро разрезав штанину, он осветил фонариком острые концы берцовых костей, разорвавшие кожу и торчащие наружу. — Капец. Хуже не придумаешь. И что с тобой теперь делать?

— Оставьте, если хотите, — равнодушно произнес Эрих. Он явно испытывал жуткую боль, но не показывал этого ни одним движением. «Все же в Рейхе готовят настоящих бойцов, — подумал Лекс. — Хотя в самолете фашисты расслабились, за что и пострадали».

Впрочем, тут еще неизвестно, кто больше пострадал. «Черные» сейчас уже пьют с Одином в своей Вальхалле, а они болтаются по тундре, имея на руках раненого, а за спиной — нереальную тварь с несомненно дурными намерениями.

— Нужно наложить шину, — сказала Лиска, копаясь в аптечке. Она ловко вколола в ногу обезболивающее, потом приказала Андерсу: — Виски давай.

Андерс пожал плечами и достал из своего рюкзака бутылку. Лиска аккуратно полила рану, причем немец даже не скрипнул зубами, потом велела ему сделать несколько глотков.

— Палку найдите какую-нибудь!

— Ага, — закивал Андерс, — сейчас только схожу в лес и вырублю поровнее. Оглянись — ты вокруг хоть одно дерево видишь?!

— Значит, придется использовать винтовку, — вздохнула девушка.

Андерс возмущенно запыхтел, но промолчал. Отсоединив магазин и прочие навесы от эриховой «Димако», он подал ее Лиске и даже помог держать, пока та пыталась соединить концы сломанных костей и примотать импровизированную шину бинтами.

— Зря вы, — все так же бесстрастно промолвил боец Рейха. — Лучше бы оставили меня тут, а сами дошли до эскимосов.

— А тебя тем временем сожрал бы наш друг. — Андерс довольно грубо схватил Эриха за плечо. — Давай, помогу тебе подняться. Надо идти, пока эта скотина не решила, что пора бы уже с нами заканчивать.

Эрих поднялся. Более высокий Андерс явно в качестве костыля ему не подходил.

— Лучше я помогу, — снова встряла Лиска.

— Это нелепо и бессмысленно, — заявил немец. — По ровной поверхности я еще смогу передвигаться, но здесь же сумасшедший рельеф. Мы только зря теряем время.

— Заткнись, фашистская морда, — велел Андерс, возясь с поклажей, которую Эрих теперь нести не мог. Он с сожалением выбросил большую часть продуктов, преимущественно консервы, оставив то, что полегче — сублимированное мясо, пакеты с супами и хлеб. Боеприпасы распахал к себе, кое-что сунул не ставшему сопротивляться Лексу.

Скорость передвижения и в самом деле значительно снизилась, и это лишь поначалу, пока Эрих еще держался. Метров через сто Лиска пискнула:

— Пойдите...

— Давай я тебя сменю, — предложил Лекс.

— Не годится это все, — Андерс внимательно посмотрел на пехотинца. — Слушай, ты вроде как прав, старина.

— Дошло наконец-то, татуированный... — вытирая с лица крупные капли пота, сказал Эрих. — Тем более обезболивающее все равно не действует. Я не продержусь даже минут десяти. Все, проваливайте, только оставьте мне пистолет.

— Тебе же не хватит патр... — начала было Лиска, но тут же остановилась, сообразив, зачем нужен Эриху пистолет. Вовсе не отстреливаться на случай появления чудовища.

— Удачи, — пожелал Эрих, укладываясь поудобнее в ложбинке.

— Давай... — пробормотал Лекс.

Они пошли, не оглядываясь.

Выстрел щелкнул еле слышно минут через двадцать, когда они уже отошли достаточно далеко.

— Готов, — резюмировал Андерс, и в голосе его явственно проскользнуло сожаление.

Лиска заплакала.

«Вот ведь, — подумал Лекс, — пару дней назад в самолете она, не задумываясь, хладнокровно убила двоих соратников Эриха. А над этим плачет. Вот и пойми этих женщин...»

Как ни странно, их преследователь куда-то исчез. Когда они на пару минут остановились передохнуть на очередном осточертевшем плато, Андерс озвучил то, о чем подумал Лекс:

— Наверное, эта тварь жрет немца. Надеюсь, наестся и отвяжется. Хищники обычно дрыхнут, когда нажрут. Так что парень принес нам пользу.

— А еще хищники могут прятать добычу про запас, — напомнила Лиска. — Я видела на канале «Энимал плэнет».

— Хватит болтать, — буркнул Андерс, — идемте уже дальше. Угостим эскимосов огненной водой.

Поселок открылся перед ними внезапно, когда они вышли из-за беспорядочного нагромождения разнокалиберных камней. Еще недавно он был таким далеким, а сейчас — рукой подать.

Строго говоря, это был не поселок, а именно становище. Никаких домиков из снега, на которые мечтала посмотреть Лиска, там не было. Обычные палатки, несколько штук. Посередине стоял большой гусеничный снегоход Ohara, ослепительно светя укрепленной на капоте фарой. Становище выглядело совершенно безжизненным, и Лексу это сразу не понравилось.

— Эй! — крикнул Андерс, направляясь к ближайшей палатке. — Люди, нам нужна помощь!

— Эскимосы говорят по-английски? — спросила Лиска у Лекса.

— Они же граждане Канады. Думаю, даже по-французски говорят... — машинально отозвался Лекс, наблюдая, как Андерс заглядывает в палатку, откинув полог, и отшатывается.

— Идите сюда, — позвал он, обернувшись. — Только ничего хорошего тут нет.

Действительно, пара дюжин мертвых эскимосов — это и в самом деле сложно назвать «хорошим». Трупы были разбросаны по всему становищу: в палатках и между ними, женщины и мужчины... Некоторые почти целые, другие — чудовищно изуродованные, одного старика так и вовсе разорвали пополам. Снегоход также был раскурочен. Под капотом обнаружилась мешанина из разодранных проводов, приборная панель и аккумуляторы разбиты вдребезги, руль оторван, баки пробиты. Работала лишь аварийная фара, питавшаяся от собственного источника энергии.

— По-моему, здесь порезвился наш приятель, — безнадежным тоном произнес Андерс.

— Или, что еще хуже, его родственники.

— Ты думаешь, он не один?! — спросил Лекс, обнимая за плечи дрожавшую Лиску.

— Если это так, то, боюсь, нам следует позавидовать фашистской морде. Легко отделался потому что...

Но пока все было тихо, лишь ветер гудел и хлопал располосованной тканью палаток.

Они осмотрели становище еще раз, надеясь найти рацию, но ее не было.

Только «уоки-токи» ближнего радиуса действия в снегоходе. На побережье обнаружили три большие лодки, но у всех были пробиты днища так, что починить их не представлялось возможности. Несколько ружей тоже были уничтожены — у одного ствола оказались разве что не завязаны узлом.

Забравшись внутрь кабины и кое-как закрыв перекошенную дверцу, они обсуждали, что делать дальше.

— Эскимосов убили уже достаточно давно, — поведал Андерс, внимательно осмотревший тела. — Думаю, вчера как минимум. А это значит, что тварь никуда не торопилась. Мы летели на свет этой ублюдочной аварийной фары, как тупые мотыльки, а засранцу оставалось только ковылять следом и хихикать. Он уже все подготовил

заблаговременно.

— Ты думаешь... — начал Лекс и остановился. Все очевидно: снегоход был поврежден намеренно, и вряд ли это сделали сами эскимосы перед тем, как умереть. А если неведомое существо знает, как вывести из строя подобную технику, то оно с легкостью провернет менее сложные дела. Например, такие, как заманить их в ловушку.

— Эта сволочь далеко не глупая, — продолжал Андерс, не обративший внимания на неоконченную реплику Лекса. — И она не полезет на стволы, тем более если мы ее хоть немного зацепили. Правда, ей это мало повредило, насколько я могу судить. Итак, она неглупая, сильная — видали ружье? — и убивает не для еды. Или не только для еды. Вопрос — что нам с ней делать?

Ответом Андерсу было молчание.

— Вот и я так думаю, — печально заключил наемник. — Поэтому мы можем с чистой совестью пожрать и выпить. Возможно, это наша последняя трапеза в жизни.

Они жевали концентраты, запивая содержимым последней бутылки из самолетного бара. Можно было поискать в палатках что-то более съедобное, нежели жесткое мясо, и даже приготовить полноценную еду. В конце концов, в одной из палаток была оборудованная кухня с газобаллонной плиткой. Хотя бы вскипятить воду, чтобы сварить суп или растворить гранулы бульона...

Но покидать кабину снегохода никому не хотелось.

Во-первых, надо держаться вместе. Это только в фильмах ужасов герои говорят: «Давайте поделимся и пойдем посмотрим, отчего это вокруг так много мертвецов валяется».

Во-вторых, хрупкая кабина все же создавала иллюзию безопасности. Понятно, что выбить широкое лобовое стекло таинственная тварь могла одним ударом. Кстати, странно — почему она не сделала этого раньше, когда курочила двигатель? В-третьих... В-третьих, вообще не хотелось ничего делать. На них одновременно напала апатия. Силы оставались лишь на то, чтобы передавать по кругу тяжелую фигурную бутылку и отрывать зубами перчено-соленые волокна мяса. Видимо, они полностью выложились еще там, карабкаясь с одного плато на другое, чувствуя спинами тяжелый взгляд чудовища... Бросив Эриха.

— Что там брат твой сказал? — спросил Лекс. — Ну, про редиску.

— А, про блошек? — и Андерс с готовностью пересказал всю историю про двоюродного брата, обретшего покой и самодостаточность на берегах Волги. Лиска с интересом выслушала и сказала печально:

— Я вот тоже... По клубам, по кабакам, хакерство это чертово... А что я видела? Бегаю вот теперь с вами на краю света. Уже несколько раз чуть не убили. Сегодня, наверное, точно съедят... А я, может, детей хочу! Мальчика, девочку... Домик, как Андерс рассказал сейчас, чтобы собака во дворе, котик, цветочки...

И Лиска разревелась.

Не заплакала тихонько, как делала это уже не раз, а именно разревелась, уткнувшись в плечо Лекса. Андерс виновато уставился на нее, явно не зная, как поступить.

Лекс показал ему глазами: сиди, мол, само пройдет. И точно, Лиска довольно скоро прорыдалась и только хлюпала носом, то и дело утираясь рукавом куртки. А потом задремала.

— Убирай выпивку, — сердито велел Лекс. — Еще не хватало напиться. Приходи тогда и бери нас голыми руками.

Андерс послушно все убрал.

— Дальше-то что? — шепотом спросил он, боясь разбудить Лиску.

— Подождем.

— Чего? Пока он придет и решит, что надо нас из этой консервной банки вынуть?

— Лично у меня такое ощущение, что монстр уже и так где-то рядом.

— У меня тоже, — нехотя признался Андерс. — Тогда вот что: ложись спать. А я постерегу. Какая разница, будем мы таращиться вдвоем или двое хоть немного отдохнут? Через час... нет, через два часа я тебя разбужу, сменишь.

— Идет, — согласился Лекс, который и в самом деле чувствовал, что алкоголь и еда расслабляют организм, баюкают и сталкивают в мягкую и теплую пучину сна.

Вокруг все так же подвывал ветер, стучал колючими льдинками в стекла кабины. Последнее, что увидел Лекс, проваливаясь в забытие, был вымпел хоккейной команды «Монреаль Канадиенс», болтавшийся перед лобовым стеклом.

...А проснулся он от того, что в металл дверцы кто-то громко и настойчиво стучал.

ГЛАВА 12

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ГОРОД В МИРЕ

Мехико, Мексика, 15 ноября 2008 года

Ник сидел в маленьком ресторанчике под полосатым зонтиком и пил ледяное пиво «Корона». На столе перед ним стояли блюдо с зеленым рисом и горшочек острейших огненных альбондигас. За невысокой каменной оградкой и буйными зарослями, усеянными розовыми цветами, виднелась Пасео-де-ла-Реформа — центральная улица многомиллионного города. Машин, вопреки тому, что слышал о Мехико Ник, было совсем немного, тем более в сравнении с Москвой. Выделялись, конечно же, разномастные «Фольксвагены-жуки» старой модели, придуманные еще при Гитлере и выпускавшиеся в мексиканском Пуэбло до две тысячи третьего года.

Ник отставил пустую бутылку и принялся за еду, шипя от перца и удовольствия. В Мехико он находился уже второй день.

Бад оказался прав — попытка получить официальную визу в США закончилась ничем. Ему даже ничего не стали объяснять в лучших традициях американского посольства, намекнув, что не верят в его возвращение обратно в Россию. Ну нет у него, на их взгляд, надежных связей с Родиной, и все тут.

Плюнув, Ник не стал париться насчет этого. В принципе можно было как-то забить баки американцам, вплоть до фабрикации поддельных документов. Но на этом же можно было серьезно попасться. Особенно если имеются люди, которые ставят палки в колеса. А их присутствие Ник ощутил в полной мере буквально на следующий день после встречи с Бадом. И не только в виде привычной липкой паутины. Прежде всего — за ним начали следить. Конечно, профессионалом в области определения наружного наблюдения Ник сроду не был, но не заметить серый «матиз», исправно сопровождающий его во всех поездках по городу, не мог.

Разумеется, это могло быть и прикрытие, которое организовал тот же Ватикан. Предупреждать Ника о подобных инициативах они вполне сочли бы лишним. Но почему-то ему не верилось, что в «матизе» — прикрытие. Ник доел альбондигас, показал пробежавшей черноволосой официантке на бутылку — мол, хочу еще, благо во рту нещадно пекло — и включил коммуникатор.

— Привет.

— Привет, — отозвалась Исин. — Ты давно не обращался за помощью.

И в самом деле, давно. С тех пор как понял, что Исин не может найти Лекса. Или кто-то не хочет, чтобы Исин нашла Лекса. На братьев Дуровых Ник не грешил, хотя в наши времена ни в ком нельзя быть уверенным. После странных выходов Исин он старался как можно реже включать коммуникатор, потому что прекрасно помнил ее слова в Ростове: «Я хочу попросить тебя об услуге... Маргарита Сиротенко, тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения... Убей ее, пожалуйста».

К тому же живой, из плоти и крови, инфотрейдер Бад своими хитрыми путями разузнал для него много больше, чем Исин.

Да, конечно, Ник прогнал потом через исиновский поиск и пойманного и побитого Индевать, и Жана со Словеном, которых упоминал Бад и которые были с Лексом во всех его скитаниях. Но не узнал ничего особенного: широко известные в узких кругах персонажи,

никак не раскрывающие сути основного вопроса.

— Мусорщик. Поищи, что про него слышать, — сухо велел Ник, никак не комментируя замечание Исин насчет «давно не обращался».

— Уточнение вводных данных. За какой период?

— С прошлого аналогичного задания, что я тебе давал.

— Хорошо.

Официантка принесла новую запотевшую «Корону», игриво постреляла глазками и как бы нечаянно зацепила Ника бедром, меняя хирургически чистую пепельницу на другую такую же. Ник улыбнулся. Плунуть да и закрутить с ней, что ли? Вечером, когда все дела будут сделаны, а свободное время еще останется...

Прокатать только лисой предварительно, а то заведет куда-нибудь размазню-гринго, а там дадут по башке тупым тяжелым предметом, обчистят карманы...

— О Мусорщике никаких новостей, — доложила Исин.

Такого быть не могло. Чтобы свежих новостей, это еще можно поверить, но чтобы никаких? Не та фигура Мусорщик, чтобы его исчезновение так скоро перестали обсасывать и обмусоливать.

— Не может быть.

— О Мусорщике никаких новостей, — повторила Исин.

— Врешь.

— О Мусорщике никаких новостей, которые могли бы тебе пригодиться.

Опять двадцать пять! Ник разозлился.

— Я дал тебе задание найти, а не фильтровать или анализировать!

— Мусорщик исчез. Обсуждаются версии от похищения его инопланетянами до смены пола и внешности с целью скрыться. Ни одна версия фактической информацией не подтверждена, — скучно принялась оправдываться Исин. — Я сочла нужным...

— Все, стоп, — перебил Ник. — Достаточно.

И выключил коммуникатор.

Поймав себя на мысли, что вообще опасается включать его лишний раз. Настроение было безнадежно испорчено, и на новые поползновения официантки он уже никак не отреагировал. Правда, оставил на чай двести песо — оливкового цвета бумажку с портретом Хуаны Инес де ла Крус. Вышел из ресторанчика, сел в такси — все тот же маленький «жук» со снятым для удобства пассажира одним передним сиденьем — и поехал в парк Сочимилько, где у него была назначена встреча.

Наверное, трудно найти место, где ты менее заметен, чем Сочимилько. Толпы туристов грузились в плывущие по перепутанным меж собою каналам ярко раскрашенные плоскодонки-трахинеры со звучными женскими именами — Розита, Мария, Химена...

Между лодками сновали на более мелких плавсредствах продавцы сувениров, прохладительных напитков и всевозможных перекусов, горланили музыканты-марьячи.

Ник, следуя согласно полученным инструкциям, сел на лавочку возле огромного цереуса и стал ждать. Бад сказал, что проводник надежный, найдет его сам, все объяснит... Каково же было удивление Ника, когда из очередной партии туристов, щелкавших фотоаппаратами, вывинтился сам инфотрейдер и плюхнулся рядом с ним.

— Привет, — сказал Бад. — Все пропало, шеф.

— В смысле?! — холодно уточнил Ник.

— В смысле накрылась эта гулянка. То есть проводника шлепнули вчера вечером где-то на Тенайо, в трущобах.

— Я не понял, ты сам-то как здесь оказался?

— Стреляли...

Видимо, Бад сегодня был настроен разговаривать цитатами из старых советских комедий. В принципе Ник ничего против такой манеры общения не имел, но не здесь и не сейчас.

— Все, все... — поспешно произнес Бад, заметив, что Ник свирепеет. — У меня своим

проблемы, парень. И мне тоже нужно в Штаты.

— Какое интересное совпадение.

— Не видел ты интересных совпадений, — проворчал инфотрейдер, провожая своими красноватыми глазками туристку в особенно смелой мини-юбке. — Вот когда моих двух друзей в один и тот же день замочили с разницей в двадцать минут в Париже и Балтиморе в ресторанах с одинаковым названием из одинаковых «хеклеров» — это интересное совпадение...

Что интересно, Бад не врал. Нет, чернота по-прежнему пульсировала в его традиционно нечистой ауре, но он не врал. И про убиенных друзей, и про то, что у него свои проблемы и ему срочно понадобилось в Эстадос Унидос.

— Надеюсь, наши проблемы не совпадают ни в одной точке кроме той, что обоим нужно в Америку? — уточнил Ник, пристально наблюдая за аурой.

— Нет. Реально свои дела. Ну что я, врать тебе буду?

Инфотрейдер улыбнулся, сверкнув бриллиантиком в зубе.

— Тогда рассказывай, что нужно делать.

— Да ничего. Поехать в Сьюдад-Хуарес, найти там Максимилиана по кличке Локо, он все сделает.

Ник прищурился.

— Я что-то путаю или Локо — это означает «сумасшедший» на испанском?

— Тебе что, детей с ним крестить? К тому же кличка популярная, я даже в Москве знаю человек десять Локо. И только один из них получил ее потому, что болеет за футбольный «Локомотив». Давай, короче, действовать так: завтра я с утра беру тачку в прокате... Ты, кстати, предпочитаешь «Авис» или «Херц»?

— Ни то и ни другое. И машину ты не возьмешь, — сказал Ник, который на всякий случай изучил заранее мексиканские реалии. Прокат автомобилей здесь, конечно, имелся, но так, чтобы взять ее в Мехико и вернуть в Сьюдад-Хуаресе, который где-то на границе, — увы. Местный сервис так далеко еще не зашел.

Когда Ник объяснил Баду этот нюанс, тот не огорчился.

— Тогда я куплю тачку. А в Хуаресе ее сдадим нафиг.

— Тут еще загвоздка. От Мехико до твоего Хуареса ехать и ехать. У тебя так много лишнего времени?

— Да блин... Я думал, оно недалеко... Тогда полетим на самолете. Я за тобой заеду, ты где остановился?

— Неважно, — сказал Ник. В самом деле, лишняя информация ни к чему. Хотя Бад, конечно, может и пробить ее, ведь Ник зарегистрировался под настоящими именем и фамилией... Пусть помается. — Встречаемся в девять утра в аэропорту. Не опаздывай, пожалуйста.

Остаток дня Ник провел, катаясь на трахинере, поедая приторно-сладкие или обжигающе-острые лакомства и слушая напевы марьячи. Он даже не стал нигде ужинать — просто вернулся в номер, включил телевизор и под импульсивные и абсолютно непонятные ему речи дикторов блаженно уснул.

Сьюдад-Хуарес не понравился Нику, хотя он и представлял, чего следует ожидать. Когда они спустились по трапу, Бад развел руки в стороны и воскликнул:

— Добро пожаловать в самый опасный город на планете! Я серьезно, официально признан в прошлом году. Я не помню точные цифры, но умышленных убийств на сто тысяч населения здесь совершается больше, чем где-либо еще.

— Спасибо, обрадовал. Не мог сказать раньше.

— И что? Ты бы не поехал?

Ник не нашелся, что сказать. Разумеется, про город он уже все знал — после данного утром Исин поручения собрать всю информацию, которая может пригодиться. Внутри здания к ним сразу подошли трое полицейских в черной форме, бронежилетах и с нашивками в виде государственного флага на рукавах. Федеральные полицейские. На

редкость странная организация — смесь романтических людей чести, стремящихся очистить родину от швали, и прожженных коррупционеров, за счет этой швали живущих. Причем многие полицейские в зависимости от обстоятельств являлись одновременно и теми, и другими.

— Ваши документы, — сказала толстощекая женщина по-английски. Двое ее напарников занялись Бадом. Просмотрев российский загранпаспорт Ника, она с удивлением подняла на него глаза:

— Русский?

— Да... офицер.

Вначале Ник хотел было сказать «сеньорита», но решил, что «офицер» будет правильнее. Женщина никак не отреагировала на это внешне.

— Что вы собираетесь делать в Сьюдад-Хуаресе?

— Туризм. Приехал посмотреть достопримечательности. Национальный художественный музей, мост Пуэнте Интернасьональ де лас Америкас, археологический музей Чамисаль...

— Я вижу, вы читали буклеты, — в глазах женщины сверкнула веселая искорка, но тут же угасла. — Где собираетесь остановиться?

— Еще не решил, офицер. Но, конечно же, в Дорадо.

Это был богатый район, в котором ходить на улицах практически безопасно.

— Это ваш друг? — полицейская кивнула в сторону Бада, который что-то объяснял, жестикулируя.

— Да, мы оба из Москвы. Работаем в сфере компьютерных технологий. Решили провести отпуск в Мексике... Посмотрели столицу, теперь вот прилетели сюда, потом планируем на океан.

Женщина закрыла паспорт и вернула Нику. Посмотрела на его спортивную сумку.

— Это все ваши вещи? Покажите.

Ник спокойно потянул язычок молнии, продемонстрировал смену белья, ноутбук, русско-испанский разговорник, бутылку минеральной воды.

— Спасибо. Знаете, это была не лучшая ваша идея. Ведите себя осторожно. Мне не хотелось бы, чтобы ваш чудесный отпуск закончился у нас в Хуаресе.

Словно в ужасике. «Не ездите туда. Вы там умрете».

— И вам спасибо, офицер. Мы будем вести себя максимально осторожно.

Бада тоже как раз отпустили. Когда они вышли из здания аэропорта к автостоянке, инфотрейдер начал возмущаться:

— Я не понял, это же не международный рейс! Слава богу, они еще не стали уводить меня в отдельную комнату, чтобы заглянуть в задницу! Вдруг у меня там килограмм кокса! А русского они, такое впечатление, вообще сроду не видели!

— Хватит шуметь, — оборвал его Ник. Он только сейчас понял, что Бад неуловимо изменился. Нет, он и раньше был таким же странным, но... Словно выпал стержень.

Под нарочитым весельем скрывалась какая-то грандиозная проблема. Хотя какая еще проблема может возникнуть у полноправного члена Синдиката, если не грандиозная?

Еще в Москве он вел себя странно, вспомнил Ник. Кабачок этот... Когда их знакомила Синка, Бад был совсем не тот.

Ладно, к чему гадать. Если его проблема и в самом деле не касается Ника. Пока все складывается нормально, пусть и с мелкими огрехами. Нужно найти Максимилиана Локо и перейти границу, вот что главное на текущий момент. А там он расстанется с Бадом, и каждый пойдет своей дорогой.

Они сели в раздолбанное такси и поехали в Дорадо. Встреча с сеньором Локо предстояла лишь поздно вечером, не мотаться же день по городу. Тем более по такому городу. В Сьюдад-Хуаресе, такое впечатление, шла война. Собственно, так оно и было. Наркокартели воевали друг с другом, а с ними воевали полиция и армия. На улицах то и дело попадались полицейские на джипах и солдаты в камуфляжной форме на грузовиках. Все с

автоматическим оружием, в машинах — пулеметы на турелях, пару раз попались тяжелые бронев автомобили. И ведь это еще более-менее добропорядочные районы. Хотя, возможно, именно по этой причине они и есть более-менее добропорядочные. Нет, по тротуарам ходили люди, по проезжей части двигались, кроме военных и полицейских, и самые обычные машины, включая школьные автобусы. Работали рестораны, лавочки, бегали детишки... Но над всем этим нависала мрачная пелена безысходности и смерти. Еще более подчеркнул ее обгорелый и изрешеченный пулями остов внедорожника, который грузили на эвакуатор.

— Тут вчера убили Пако Перро, — сообщил водитель, толстый мексиканец с обширной лысиной. — Пять человек из автоматов.

Он говорил по-английски довольно сносно.

— А кто такой этот Пако? — спросил Ник.

— Плохой человек. Бандит, — отозвался мексиканец с возмущением.

— А кто его убил?

— Плохие люди. Бандиты, — с не меньшим возмущением сказал водитель, обгоняя грузовичок-развалюху, полный проволочных клеток с курами.

В небольшом чистеньком отеле их приняли радушно. Правда, в очередной раз подивились паспортам, а паренек-носильщик робко поинтересовался, видели ли сеньоры легендарного вратаря Яшина. Ник помнил, что Яшин вроде бы умер, о чем и сообщил с сожалением носильщику, одарив его в утешение десятью песо. В номере — они взяли двухместный, и пусть про них думают что хотят — Бад уселся в плетеное кресло, включил телевизор, по которому шел местный сериал, и заявил, что до вечера шагу не сделает из отеля.

— Тут какой-то чертов Сталинград, — сказал он, и, как иллюстрация, не слишком далеко жажнула автоматная очередь. — Я не хочу подохнуть на пыльной улице в этой дыре. Закажем пожрать и выпить в номер, ага?

— Как скажешь.

Ник вышел на балкончик. Солнце жарило изо всех сил. Внизу был переулочек, напротив — парикмахерская. Возле парикмахерской стояла старуха и курила трубку с длиннющим черенком.

— Тебе что заказывать?! — крикнул Бад, набирая номер на внутреннем телефоне.

— Прежде всего пить! Похолоднее! Пиво и колу, и побольше... А еще фасолевый суп, если у них есть.

— Спать будешь на этом самом балконе, — предостерег Бад.

После того как они перекусили, Бад принялся рассылать СМС, наводя контакты в поисках Максимилиана Локо, а Ник снова уединился на балкончике. Выходя, он бросил взгляд на тарелку инфотрейдера. Из нескольких уцелевших после трапезы кусочков жареного картофеля Бад выложил кривенькую свастику. Вот так человек иногда палит свои мысли. Судя по всему, Бад думал о Четвертом Рейхе. Ник задал Исин поиск, которого не задавал давно. Синка. Паук. Лекс. Сделал паузу и добавил: Четвертый Рейх.

— Приступаю, — сказала Исин. — Расчетное время...

И в этот момент в номер кто-то с грохотом вломился, а Ник услышал, как Бад кричит:

— Не стреляйте! Я русский! Не стреляйте!

ГЛАВА 13 ДОБРЫЙ САМАРИТАНИН

Полуостров Бутия, Канада, 21 августа 2008 года

Андерс направил винтовку на дверцу снегохода. Палец мягко лег на спуск.

— Если вы собираетесь стрелять, то напрасно, — сказали снаружи по-английски. — Конечно, в том случае, если не вы убили всех этих несчастных иннуитов.

Лекс с трудом сглотнул. Стекло было залеплено снегом и обледенело, поэтому изнутри

ничего нельзя было разглядеть.

— Эта тварь не может говорить?! — прошипел Андерс.

— Сомневаюсь...

— Отойди подальше! — крикнул Андерс невидимому гостю. — Я открою, но если что, сразу пристрелю тебя, так что не дури!

— Вот что бы мне просто пройти мимо?! — грустно пробормотал гость. Судя по шороху и скрипу снега, отошел, как и просили. Андерс открыл дверцу, и Лекс увидел человека в ярко-оранжевом арктическом комбинезоне, большой меховой шапке и защитных очках. Он, в свою очередь, внимательно смотрел на них. В руках человек держал большой фонарь.

— Вы кто?! — требовательно спросил Андерс, не опуская винтовки.

— А вы кто? — ничуть не выказывая страха, поинтересовался незнакомец.

Лекс понял, что пора ему вступать в игру, пока злой и невыспавшийся Андерс все не испортил.

— Мы потерпели авиакатастрофу. Небольшой частный самолет, далеко к северу отсюда... — сказал он, выбираясь из кабины снегохода. Снаружи оказалось значительно холоднее, хотя печка в салоне и не работала. — Пытались выбраться к людям, пришли сюда, а здесь, сами видите...

— Хорошо, что вы не наткнулись на Королевскую конную полицию. Точнее, они на вас не наткнулись. Иначе вам пришлось бы долго объяснять, откуда взялись эти тела.

— Начнем с того, — Андерс тоже вылез из снегохода, — что мы их не трогали. Достаточно посмотреть на характер повреждений, чтобы понять, что это — не дело рук человека. И, уж тем более, не огнестрельные ранения.

— Начнем с того, — парировал незнакомец, — что у вас в руках автоматическая винтовка канадского производства, хранение и ношение которой незаконно для гражданских лиц. И, кстати, можете уже ее опустить. Я не представляю для вас опасности, разве что тресну по голове вот этим фонарем.

Андерс опешил от невозмутимости незнакомца и опустил винтовку. Лекс облегченно выдохнул — он боялся, что вся эта нервотрепка может закончиться стрельбой.

— Меня зовут... Можете звать меня Игнат.

— Ты что, русский?! — Лекс буквально разинул рот.

— Ну да, — ответил Игнат. — Что в этом такого? Живут на свете всякие люди, в том числе и русские среди них.

— Я тоже русский, — Лекс перешел на родной язык. — Мы все русские! Все трое!

— Трое?! — удивился Игнат, и тут из кабины показалась Лиска. Она моргала спросонья и пыталась понять, что происходит.

— Ага, — понимающе заключил Игнат. — Вот так. Надеюсь, больше сюрпризов не будет?

Он поставил свой фонарь на капот снегохода и снял очки. Прикрыв глаза ладонью от кружащихся снежинок, Лекс попытался рассмотреть лицо невесты откуда взявшегося земляка. Мужик как мужик, непонятного возраста — можно дать тридцать лет, а можно и полтинник... Эколог какой-нибудь? Но уж слишком он по-хозяйски себя ведет... Эмигрант? В Канаде много русских и украинцев, в пору автономную республику в составе организовывать...

— Что же с вами делать... — задумчиво произнес Игнат, почесывая короткую бородку.

— Кто это?! — шепнула Лиска, дернув Лекса за рукав.

— Добрый самаритянин по имени Игнат, — шепнул в ответ Лекс. Лиска сделала круглые глаза.

— Для начала у нас есть одна проблема, которую нужно решить как можно скорее. Я о том, кто все это натворил, — и Андерс обвел рукой разоренное становище и мертвые тела, которые уже изрядно замело снегом.

— Да, он вертится тут неподалеку, — рассеянно произнес Игнат, словно речь шла о

совершенно безобидной зверушке, типа утконоса какого-нибудь. — Идемте за мной, я вас отвезу в... в одно безопасное место. Хотя я не могу гарантировать, что оно безопасное.

— Ты говоришь загадками, — заметил Андерс, и ствол его винтовки снова шевельнулся в направлении странного русского. — Можно яснее?

— Хорошо, я постараюсь объяснить, только коротко. Я здесь совершенно случайно. Заехал, можно сказать, на огонек. Понял, что произошло, счел, что помочь уже ничем не могу, и тут обнаружил вас. Мне нужно двигаться дальше...

— Простите, а что там у вас? В смысле, на чем вы передвигаетесь?

— Итальянский двухсекционный вездеход, такие обычно использовали в Антарктиде... Но в Таллойоак я вас на нем не повезу. Во-первых, мне совершенно не по пути. Во-вторых, мне там абсолютно нечего делать. В-третьих, я вам не доверяю, хотя и в беде вас бросить не могу... Поэтому я доведу вас в место, которое безопаснее этого. Ненамного, но безопаснее. Выбирайте, у вас пять минут. Если не хотите — оставайтесь здесь, вполне возможно, вам удастся выжить. Время пошло.

Игнат демонстративно посмотрел на часы.

— По-моему, он чокнутый! — прошипел Андерс, наклоняясь к Лексу и Лиске. — Проще захватить его вездеход и добраться, куда нам нужно...

— Вездеход вы не захватите, — спокойно сказал Игнат, который, оказывается, все слышал. Хотя Лекс мог на чем угодно поклясться, что на таком расстоянии и при таком шуме ветра нормальный человек услышать шепот Андерса никак не смог бы. — Он запускается введением трех кодов на трех панелях, а также оснащен самоликвидатором. Нет, вы не взорветесь, но двигатель придет в полную негодность.

— Ладно, — Лекс решительно отмахнулся от наемника, собиравшегося ляпнуть что-то еще. — Мы согласны, потому что у нас нет выбора. Может, вы, конечно, и чокнутый, но наш приятель, что вертится вокруг и хочет нас убить, тоже не столп гуманизма. Даже если вы сдадите нас Королевской конной полиции... Наверное, будет лучше, чем остаться.

— Тогда идите за мной и не делайте глупостей, пожалуйста, — мягко произнес Игнат и пошел между ближайших двух палаток, не оглядываясь и аккуратно перешагивая через заснеженные трупы эскимосов.

Вездеход Игната, из двух кубических корпусов на широченных гусеницах, стоял совсем рядом со становищем. В самом деле, Лекс видел такой в одном из фильмов про Антарктиду. Там еще на нем кто-то провалился в трещину и висел...

— Не побоялся оставить, — пробормотал Андерс. — А если бы пришел зверь да раскурочил технику? Ох, не нравится мне все это...

Лекс промолчал. Ему, само собой, тоже не слишком нравилось происходящее. Фактически они теперь полностью зависели от странного земляка с его загадочными речами и предложениями.

Но Лекс устал и боялся. Устал тащиться по этой мертвой земле, трястись от холода. Боялся неведомого убийцы, который хихикал и бесновался, быть может, всего в полусотне метров.

Даже если Игнат и в самом деле сдаст их полицейским — это теплый участок, горячий обед, полная безопасность... А там что-нибудь удастся придумать. Если уж получилось в Гренландии с боевиками-сербями, хотя положение казалось безвыходным, то и в Канаде выгорит. Люди, в конце концов, они и есть люди — с их слабостями, комплексами, желаниями и устремлениями. А совершенно алогичное, ирреальное существо, убивающее безо всякого смысла, — совсем другое. С ним не договоришься, его не подкупишь.

И тем не менее Лекс был почти уверен, что повезут их не в полицию. Вряд ли здесь есть участок ближе этого поселка с непроизносимым названием. А туда Игнат ехать вроде бы желания не испытывает и, похоже, не врет. Вот только какое место «безопаснее этого» можно найти на безлюдном побережье богом забытого полуострова?! Игнат велел им сесть во второй модуль вездехода. Он напоминал салон обычной маршрутки, какими их помнил Лекс. Сиденья из кожзаменителя, откидной столик, в задней части — какие-то шкафчики.

Вовсю работала печка, и сразу стало жарко. Лекс снял капюшон куртки и расстегнулся. Нога, прихваченная злобной бестией, уже не болела, лишь легонько ныла, напоминая о себе.

Андерс плюхнулся на сиденье и заметил:

— А оружие он у нас не забрал. Хозяин положения, мать его...

— Прекрати, — устало произнес Лекс. — Наслаждайся теплом и покоем.

Ровно зарокотал двигатель, вездеход дернулся, потом еще раз и покатыл, плавно покачиваясь на неровностях. За окном кружилась все та же полумгла, не день и не ночь, неприятное холодное марево...

— Тварь-то его не трогает! — не унимался Андерс, тиская винтовку. Поведение наемника Лексу не нравилось. Обычно он выглядел куда более спокойным и рассудительным, вспомнить хотя бы события на острове мистера Уайта. Конечно, все они на нервах, но Андерс еще и много пил спиртного. Хорошо, что ничего не осталось в заנачке. Если он не припрятал, конечно.

Но Андерс неожиданно успокоился и закрыл глаза. Вездеход все так же плавно шел вперед. Видимо, Игнат был хорошим водителем. По такой местности, где сам черт ногу сломит...

— Как ты думаешь, куда он нас привезет? — тихо спросила Лиска. Свой трофейный шлем она сняла и бросила на пол. Вид у нее был совершенно замурзанный и печальный. Лекс обнял ее и погладил по волосам.

— Думаю, все будет хорошо.

— Он странный. Не понимаю, откуда он взялся.

— Я тоже, — признался Лекс. — Главное, что он появился вовремя. Если бы не он, зверь нам не дал бы покоя. А в конце концов и сожрал бы.

— Убил, а не сожрал. Он, по-моему, не ест свои жертвы. Точнее, ест, но не полностью.

— Что ты имеешь в виду?! — насторожился Лекс. Девушка вздохнула.

— Я... Я видела одного эскимоса, у него не было пальцев. Кто-то их отгрыз.

— Может, песец забежал. Тела там лежали довольно долго.

— Нет, это не песец...

— Песец — это то, что с нами происходит с момента встречи с этим убогим уродом Мусорщиком, — не открывая глаз, произнес Андерс. — Надеюсь, ему хорошо плаватьдохлым в том бассейне.

Да, Мусорщик вряд ли хотел такого конца. Впрочем, никто никогда не знает, как ему придется закончить земной путь. И снова, кстати, белая обезьяна, подумал Лекс. Хотя почему? Сидел бы он дома да не лез бы куда не следует... И подавился бы фисташкой в один прекрасный день. Или его сбил бы на переходе пьяный мажор на белом «лексусе».

А так хоть интересно. Тундра, неведомое чудище, винтовка в руках, девушка рядом. Любимая? Вполне может стать, что и любимая.

— А ты знаешь, — сказала Лиска, — мне кажется, что нас кто-то давно уже двигает, словно фигурки на шахматной доске. Мы ничего сами не решаем. Вот и сейчас: появился этот Ипатий...

— Игнат, — поправил Лекс.

— Что?

— Игнат его зовут. Старинное русское имя. Редкое.

— Он появился, как рояль из кустов. Кто нами манипулирует, Лекс?!

«Я пришел, чтобы понять, ты управляешь Фрамом или Фрам — тобой...»

На философский вопрос девушки Лекс ответить не успел, потому что на крышу движущегося модуля кто-то прыгнул. Не трудно было догадаться, кто именно.

Когти проскрежетали по металлу, впиваясь в него — вездеход шел хоть и плавно, но быстро, и удержаться на гладкой поверхности для твари оказалось сложновато. Тем не менее монстр изловчился, и через секунду мощная лапа пробила толстое стекло рядом с головой Андерса. Наемник покатылся в проход между сиденьями, усыпанный стеклянным крошевом. Лекс с ужасом увидел, что положил винтовку слишком далеко. И тут снова отличилась

Лиска. Выхватила пистолет — тоже из трофейных, рейховских — и выстрелила в слепую шарившую по стенке модуля лапу. Не попала, но конечность тут же исчезла.

Очухавшийся Андерс принялся палить из винтовки в потолок, надеясь зацепить нападавшего. Магазин опустел, по полу, брэнча, катились гильзы. С резким толчком вездеход остановился. По крыше снова проскрежетали когти, а потом чудовище спрыгнуло и отбежало в сторону, помогая себе передними лапами, словно обезьяна. Андерс поспешно перезаряжал магазин. У него что-то там зацепилось или не фиксировалось, и наемник страшно ругался сквозь зубы вместо того, чтобы взять винтовку Лиски или Лекса. А сами они не стреляли, завороченно глядя на Игната, выбравшегося из ведущего модуля и шагавшего прямо к твари. Та присела на задницу, сгорбилась. В слабом свете, исходящем от внутренних фонарей в модулях, она казалась глубоким стариком-шаманом — редкие серо-седые волосы развевались по ветру, осыпанные ледяными кристалликами. Неожиданно Лекс осознал, что это существо — очень старое и очень одинокое. Древнее и бесприютное. Ему даже на мгновение стало жаль бедную бестию, но жалость тут же была отсечена воспоминаниями о глухом выстреле Эриха и мертвых эскимосах, чьи безжалостно разодранные трупы коченели под снегом...

Андерс наконец допер, что поступает неверно, схватил другую винтовку, но Лекс тут же дернул ее за ствол и пригнул.

— Смотрите... — пробормотала Лиска. — Они разговаривают!

И действительно, Игнат, бесстрашно стоя метрах в трех от присевшего чудовища, что-то сердито говорил, размахивая руками. Лекс просунулся к выбитому окну, но сильный ветер снаружи рвал и расшвыривал фразы. Долетали лишь отдельные фрагменты:

— ...Скотина... почему они тебе раньше не мешали?! сколько раз говорил — не трогать... испортил... скажи спасибо, что... сволочь волосатая...

Потом Игнат словно бы что-то вспомнил, резко повернулся к вездеходу и замахал руками уже им, крича с удвоенной силой:

— Не стреляйте! Слышите?! Не стреляйте!

— Чокнутые вы все, — возмущенно произнес Андерс. — Надеюсь, эта падла отъест ему задницу... но вы-то?! Вот хороший момент шлепнуть обоих!

— Двигатель, — коротко напомнил Лекс. — И потом, этот человек нас спас.

— А что ж он эскимосов не спас?!

— Тут происходит что-то такое, что нам не понять с тем объемом информации, который мы имеем, — Лекс снова придержал ствол винтовки, которую потянул на себя наемник. — Поэтому пускай они разбираются, а мы посидим тут.

— Может, он ему втюхивает, как нас повкуснее приготовить, — буркнул Андерс, но уже без прежней злобы в голосе.

— Если соберется готовить, тогда стреляй.

— Да ну вас к монахам...

Андерс сложил руки на груди и демонстративно закрыл глаза, словно опять собрался подремать. Но ему не дал этого сделать Игнат, который подошел к модулю и просунул голову в окно. Куда подевался монстр, Лекс за разговорами с Андерсом не заметил.

— Прощу прощения, — и впрямь довольно виновато сказал Игнат. — Я не ожидал, что он... ну, в общем, что нападет.

— Кто это такой? — напрямую спросил Лекс. — И почему вы с ним разговариваете?

— Один местный житель, — ответил Игнат и внимательно посмотрел прямо в глаза Лексу. Посмотрел так, что Лекс сразу же понял — более развернутого ответа он не получит. — Он не нападет больше, не бойтесь, — заверил Игнат и, сокрушенно покачивая головой, осмотрел выбитое окно. Рукой в толстой перчатке вычистил из пазов остатки стекла. — Вот гадина... Придется теперь искать замену, а до тех пор фанерой, что ли, заделать... Впрочем, можно снять с индейской «Охары»... Вы уж потерпите без окна, тут совсем недалеко осталось.

— Потерпим, — сказал Лекс, и их странный спаситель зашагал к ведущему модулю.

— Обрати внимание, пересесть в свой модуль не предложил! — прошипел Андерс.

— Хватит тебе, — сказал устало Лекс.

Игнат не обманул — минут через пять, не больше, вездеход заложил крутой вираж и некоторое время ехал между высоких скал так, что их можно было коснуться рукой. Потом остановился, и у выбитого окна снова появился Игнат.

— Мы на месте, — сообщил он. — Вылезайте.

Они оказались на просторном пятачке, со всех сторон окруженном скалами, кроме узкого проезда, через который и приехал вездеход Игната. Похоже на их укрытие, где они в первый раз встретились с чудовищем, только увеличенное в несколько раз.

Андерс, похоже, снова заволновался.

— Слышь, — сказал он, — я не понял, ты зачем нас сюда привез?!

— А вот, — Игнат спокойно указал на чернеющий в скале проем, которого Лекс сначала даже не заметил. — Вам туда.

— А там что?!

— Я же сказал: место, которое безопаснее этого.

— Но вы, кажется, находите общий язык с той... с тем существом, — осторожно заметил Лекс. — Может быть, оно нас просто больше не станет трогать, если вы... если его попросить?

— Оно не слушает меня, — сказал Игнат. — А постоянно находиться с вами я не могу. Как я уже сказал, у меня масса других занятий. Пожалуйста, идите в пещеру. И не удивляйтесь тому, что увидите... Ах, черт! Чуть не забыл!!!

Игнат в буквальном смысле хлопнул себя по лбу, сбив набок меховую шапку. Он принялся рыться во внутреннем кармане куртки, нашел небольшую оранжевую коробочку из пластика. Открыл ее — внутри, на поролоновой подкладке, в специальных гнездах лежали несколько одноразовых шприцов.

— Вам необходимо сделать прививку, — пояснил Игнат, вынимая один из шприцов.

— Что-о?! — взвился Андерс. — Теперь еще и прививку?! Откуда я знаю, что за дерьмо там у тебя намешано?!

— Ну что ж такое... — расстроился Игнат. — Опять... Я мог вас просто бросить, не находите?! Зачем такие сложности?!

— Не нахожу, — прорычал Андерс. — Сделай сначала себе эту твою прививку!

— Тьфу ты, — Игнат быстро закатал рукав куртки, потом свитера и, щелчком сбив защитный колпачок с иглы, умело сделал себе подкожную инъекцию. — Вот, пожалуйста.

— Хорошо, я следующий, — Лекс шагнул вперед, протягивая руку. Андерс дернул его за полу куртки:

— Стой! А что если у него в этом шприце какая-нибудь безобидная глюкоза?! А в остальных — яд?!

— Заканчивай ты свою паранойю, — неожиданно сказала Лиска. — Лекс, после тебя — я. А он может оставаться здесь, если захочет.

— И что там, в пещере, такое, для чего требуется специальная прививка? — поинтересовался Лекс и поморщился, чувствуя, как острая игла протыкает кожу.

— Там тепло, — неинформативно ответил Игнат.

— Это проход отсюда?

— В какой-то степени проход, да... Девушка, давайте вашу руку, — обратился Игнат к Лиске. — Я же сказал вам — не удивляйтесь тому, что увидите. Увы, у меня просто нет иного способа вам помочь.

Наступила очередь Андерса. Наемник обнажил татуированное запястье и предостерег:

— Если мне в этой дыре что-то не понравится, я вылезу обратно и найду тебя, учти.

— Учел, учел... — Игнат отбросил в сторону последний использованный шприц и взглянул на часы. — О боги... Мне пора. Желаю удачи, господа. Вы, конечно, можете никуда не ходить, но предупреждаю — наш общий знакомый где-то рядом. Впрочем, выбор всегда есть.

— Это хорошо, когда есть выбор, — согласился Лекс и протянул Игнату руку. Тот несколько мгновений внимательно рассматривал ее, словно диковинную зверушку, потом мягко и слабо пожал.

— До свидания, — вежливо сказала Лиска, а Андерс ничего не сказал, просто молча полез в пещеру, держа винтовку наготове.

— Спасибо, — Лекс двинулся следом. В последний раз обернувшись, он увидел лицо русского, освещенное яркими фарами вездехода. И Лекс мог поклясться, что в глазах Игната ясно читалось сожаление о сделанном. Наверное, еще можно было остановиться, но в этот момент впереди громко вскрикнул Андерс, за ним взвизгнула Лиска, а затем и сам Лекс провалился во что-то яркое и горячее, чему явно никак не было места в ледяном аду полуострова Бутия.

ГЛАВА 14 ЖИЛИЩЕ НЕЧИСТИ

Сьюдад-Хуарес, Мексика, 15 ноября 2008 года

Ник сидел на жестком деревянном табурете, а руки его были закованы в наручники. Не модные пластиковые, а обычные металлические, потертые и исцарапанные, с пятнами коррозии. Причем левый был затянут сильнее, чем следовало, и больно давил. Рядом сидел Бад, выглядевший совершенно убитым. Под глазом у инфотрейдера красовался большой фингал, а сам он еле слышно бормотал: «Твоюматьтвоюматьтвоюмать...» — до тех пор, пока проходивший мимо солдат не пнул его в голень носком ботинка и не велел заткнуться. Сказал он это по-испански, но смысл был ясен. Когда без малого час назад Ник бросился с балкончика на шум, его скрутили и швырнули на пол рядом с уже разложенным там Бадом. Сделали это солдаты — пятеро или шестеро, в камуфлированной форме, полном обмундировании и с автоматами.

Уткнувшись носом в паркет, Ник старался лишний раз не двигаться, чтобы не раздражать военных. Его быстро обыскали, освободили от денег и документов, забрали коммуникатор. Лису не нашли — она была в специальном кармашке на джинсах, пришитом изнутри, Ник убрал ее туда еще перед посадкой в самолет... Затем надели наручники — те самые, что были на нем сейчас, — рывком подняли и поволокли из номера по лестнице вниз. Мелькнуло изумленное лицо паренька — поклонника вратаря Яшина, потом их за шиворот втащили в защитного цвета фургон и захлопнули дверь.

— Эй, вы с ума сошли! Я русский! — завопил в очередной раз Бад и замолотил по стенке скованными руками. В ответ что-то глухо бухнуло — скорее всего, двинули прикладом, и инфотрейдер утих.

— Что ты можешь сказать по поводу случившегося? — осведомился Ник, садясь на пол в углу фургона. Это была пустая металлическая коробка, без сидений. Только тусклый плафон под потолком. Воняло мочой, засохшей кровью, потом и страхом. Ник с трудом сдерживал дрожь, старался не клацать зубами.

— Не знаю... — ответил Бад и опустился рядом. — Я даже не успел найти этого чертова Локо... Наверное, какая-то облава, ты же видел, это армия. Они во всем разберутся, отпустят...

Однако, судя по истеричным интонациям, Бад и сам не особенно верил в свои слова. Заревел мотор, фургон поехал.

— Мы же иностранцы, нужно попросить один звонок... в посольство, оттуда приедут и все порешают... Или я позвоню своим людям, они найдут общий язык, — лихорадочно говорил Бад.

— А может, это твои люди нас втравили в неприятности?!

— Ты что! — возмутился инфотрейдер. — Я... Я же не кто-нибудь! Меня будут искать!

— По-моему, уже нашли, — невесело улыбнулся Ник.

В самом деле, операция по их захвату выглядела тщательно спланированной. Только-только заселились, едва успели перекусить — и вот солдаты уже здесь. С другой стороны, почему их не взяли прямо в аэропорту? Или аэропорт — епархия федеральной полиции и военные не хотели с ними ссориться... или делиться?! Как бы там ни было, дела у них плохи, решил Ник. Никто не знает, что они в Сьюдад-Хуаресе, кроме таинственного Максимилиана Локо — при условии, если таковой вообще существует. В посольство Российской Федерации им, естественно, никто позвонить не позволит. Ну, разве что и в самом деле Бад прав и это какое-то недоразумение. Теоретически такая вероятность существует, но практически... Ну, пропали два «руссо туристо», у которых «облико морале» столь ущербный, что их понесло в самый опасный город на планете. Бывает. Извинятся, может, даже тела вернут на родину героев... Бр-р...

Ника передернуло.

— Так, — сказал он, — слушай меня. Ведем себя скромно. Не орем, не бьем себя пяткой в грудь. Российскими ракетами не пугаем. Тем более — клали они на эти ракеты...

— Я и не собирался!

— Вот и хорошо. Культурно просим связать нас с посольством в Мехико, на все предьявы отвечаем вежливо... Что нам могут навесить, подумай?!

— Что угодно, — уныло произнес Бад.

Фургон болтало из стороны в сторону, видимо, они покинули центр города и направлялись куда-то, где дороги были заметно хуже. А ведь это фигово, подумал Ник. Хотя мало ли, это полиция квартирует где-то в центре, а штаб военных может находиться и на окраине.

— Что именно? Наркотики?

— Да хоть бы и наркотики... Блин, ну зачем я сюда решил ехать?! Посуетился бы, может, нашел бы более верный канал...

— Поздно. Влипли, будем стараться выбраться. И не упоминай своего Локо! Вдруг для военных это красная тряпка, только не хватало нам обвинений в связях с местной организованной преступностью!

— О'кей, буду молчать, — согласился Бад. — Мы туристы, приехали посмотреть достопримечательности, так?

— Так. Этой линии и придерживаемся. Даже если станут бить.

— А я думаю, непременно станут, — совсем уж потерянным голосом пробормотал инфотрейдер.

Но бить их пока не стали.

Вытащили из фургона, остановившегося рядом с несколькими такими же в обнесенном сеткой-рабицей загончике, и повели в одноэтажное здание, над входом в которое реял мексиканский флаг с орлом, терзавшим змею. Солдаты у двери даже не обратили внимания на пленников — видимо, такое тут было зрелищем привычным. У одного в руках Ник заметил банку пива, из чего сделал вывод, что с дисциплиной тут не ахти.

В коридоре, где было хотя бы прохладно, их усадили на табуретки и по-английски велели сидеть и ждать. Чего ждать — не объяснили.

Мимо то и дело проходили люди в форме, где-то играла музыка из радиоприемника, что-то латиноамериканское. За пленниками даже никто не присматривал. Встать и уйти? Черта с два, они в наручниках, а те, у входа, хоть и трескают пиво, все же не идиоты... А может, о них попросту забыли?!

Стоило Нику об этом подумать, как прямо напротив распахнулась дверь, и оттуда появился весьма фотогеничный тип с внешностью героя здешних телесериалов. Он с улыбкой поманил их пальцем, и у Ника на мгновение вспыхнула надежда, что все разрешится благополучно. Но тут рядом возник солдат, поддернул его за шиворот и придал ускорение коленом. Все вернулось на свои места. В кабинете фотогеничного типа стоял стол с несколькими телефонами, жидкокристаллическим монитором и расползающейся стопой бумаг. На стене висели портрет президента Фелипе Кальдерона, большая карта штата Чиуауа

и огромный постер мексиканской металлической группы Molotov с автографами музыкантов. В углу урчал небольшой холодильник, а воздух месила пара вентиляторов.

— Меня зовут подполковник Магальон, — отрекомендовался на отличном английском хозяин кабинета, возвращаясь за стол. Ник и Бад так и остались стоять у двери, потому что никаких мест для сидения не предусматривалось. — Не предлагаю сесть по видимым причинам. Вы, наверное, удивлены своим пребыванием здесь?

— Мы хотели бы связаться с российским посольством в Мехико, господин подполковник, — учтиво произнес Ник. — Мы полагаем, это какое-то недоразумение, которое вполне могло произойти с учетом вашей сложной работы по поддержанию правопорядка в городе. Заранее заявляю, что никаких претензий мы к вам не имеем.

— Вот как, — улыбнулся подполковник. — Никаких претензий? Хорошо.

Он открыл ящик стола и извлек их документы. Внимательно просмотрел, швырнул обратно.

— Вы, несомненно, прибыли сюда посмотреть достопримечательности, не так ли?

— Именно так.

— Чем вы занимаетесь у себя дома, в Москве? — осведомился подполковник.

— Я... Я работаю в сфере компьютерных технологий, — сказал, по сути, чистую правду Ник. — А он...

— Я тоже, — поспешно добавил Бад.

— Вот как, — Магальон воззрился на инфотрейдера. — И вы не знаете, что такое Синдикат?

Ника словно ножом по сердцу полоснуло.

— Синдикат?! — Бад косил под дурачка. — Э-э... Нет, конечно же, я знаю множество организаций, которые можно назвать синдикатами...

— Я говорю о конкретном Синдикате. И вы знаете о каком.

— Я вас, простите, не понимаю, — Бад хотел сокрушенно развести руками, но помешали наручники.

— Вы тоже не понимаете? — повернулся подполковник к Нику.

— Боюсь, что нет, — сказал тот, хотя прекрасно все понимал. И Магальон знал, что Ник прекрасно все понимает.

Значит, это все ловушка. И привел их в нее Бад, который неспроста сам появился в Мексике, хотя не должен был здесь появиться... «У меня свои проблемы, парень. И мне тоже нужно в Штаты». Что он намутил там в своем Синдикате?!

Паутина практически на глазах сгущалась, шевелилась и опутывала кабинет. Сквозь колеблющиеся нити на Ника приветливо смотрел президент Кальдерон, словно говоря: «Что, парень, не ожидал?! Увы, помочь ничем не могу. Такая вот штука, Ник, такая вот штука...»

— Я могу заплатить, — хрипло сказал Ник.

— Это уже интереснее, — согласился подполковник. — Сколько?

— Я... Миллион долларов. Американских.

Магальон вздохнул.

— Десять миллионов.

— Двадцать, — сказал Бад.

— Двести, — сказал подполковник и поднялся.

Паутина распалась на отдельные фрагменты, словно пазл, и медленно стала склеиваться обратно. Ник сморгнул, помотал головой.

— Это огромные деньги, и я... — начал инфотрейдер, но Магальон предостерегающе поднял руку:

— Двести. У вас будет время поразмыслить, господа. Да, чтоб вы знали: я свяжусь с посольством в Мехико и сообщу, что сегодня вас похитили неизвестные. Прямо из гостиничного номера. Разумеется, федеральная полиция извещена, армия тоже прилагает все усилия, чтобы найти дорогих русских гостей. Найдет ли она их в конце концов — зависит от вас.

Подполковник не нажимал никаких кнопок и вообще ничего не делал, просто стоял, но стоило ему закончить, как дверь тут же распахнулась, и в кабинет вошли двое солдат. Подслушивали они, что ли... Магальон что-то велел подчиненным, среди прочих испанских слов промелькнуло «Хесус». Они поступают в ведение некоего Хесуса?! Двусмысленно, подумал Ник. Очень двусмысленно. Впрочем, он всегда был атеистом.

Во дворе их бесцеремонно посадили прямо на пыльную землю и снова велели ждать. На этот раз ожидание продлилось недолго. Человек с густой бородой и большим волосатым животом, в разгрузке на голое тело и ярких клетчатых шортах, подошел к пленникам в сопровождении парочки столь же живописных индивидуумов и сказал:

— Меня звать Хесус. Едете со мной.

Задним ходом к ним подкатил здоровенный «патрол». Один из живописных, с длинными черными волосами, заплетенными в косу, похожий на актера Дэнни Трехо, открыл багажную дверь и знаком велел забираться внутрь, на откидные сиденья. Не ожидая, пока ему помогут подзатыльником, Ник исполнил приказание. За ним, пыхтя, забрался Бад, после чего дверь закрыли. Перед ними, на заднем сиденье, поместились Хесус и второй сопровождающий, а «Дэнни Трехо» сел за руль.

— Куда мы едем? — не удержавшись, спросил Ник.

— Ко мне в гости, — ответил, не поворачиваясь, Хесус. — А теперь заткнись и помолчи. Иначе Моно отрежет тебе ухо.

Моно покосился на Ника и добродушно ухмыльнулся, показав отсутствие доброй половины зубов. К его подтяжкам крепились два чехла с узкими блестящими ножами.

Их везли долго. Сквозь запыленные стекла «патрола» Ник вначале пытался что-либо разглядеть, но потом оставил бесполезные попытки. В любом случае местность вокруг ни о чем ему не говорила. Лачуги, выстроенные из разномастных кусков фанеры, жести и картона. Заборы, обтянутые поверху колючей проволокой или усеянные клыками битого стекла. Покосившиеся столбы с обрывками электропроводов... Потом все это сменилось аляповатой зеленью, из чего Ник сделал единственный вывод — они покинули Сьюдад-Хуарес. Что делать, Ник даже приблизительно не представлял. Поиск для Исин не задашь — коммуникатор благополучно осел в кармане одного из солдат или валяется в ящике стола подполковника Магальона. Вот ведь современный человек — отними у него цапку, и он уже не знает, как себя вести... Ник посмотрел на сидящего напротив скрюченного и явно испуганного Бада. Ладно, с инфотрейдером он поговорит после, а то Моно и вправду отхватит ухо за нарушение тишины... Вряд ли их разделят — выкуп-то нужен от обоих, если дело вообще в выкупе. Главное — это не нарываться. И тянуть время. Дураку ясно, что после того, как выкуп будет получен, их тут же прикончат. В лучшем случае отправят трудиться на наркоплантации в непролазном лесу, а это, считай, та же смерть.

Водитель включил шипящее и трещащее радио. Судя по всему, рассказывали о результатах футбольных матчей, и вся троица принялась эмоционально обсуждать услышанное. Неожиданно Хесус обернулся и спросил:

— Русский, ты кого знаешь из мексиканских футболистов?

Ник замялся, потому что и русских-то футболистов знал не так чтобы много. Неожиданная помощь пришла со стороны Бада, который сказал:

— Уго Санчес.

— О, Уго! — обрадовался Хесус. — Уго — да!

Остальные двое тоже одобрительно что-то забормотали. Ник ожидал продолжения беседы, но она прервалась так же внезапно, как и началась. К тому же еще через четверть часа они приехали. Сидеть на задних откидных местах даже в таком просторном салоне, как салон «патрола», — вещь малоприятная. У Ника затекли ноги и поясница, и он, спрыгнув, с полминуты разгибался, прежде чем сумел осмотреться.

Картина открылась печальная. То ли тюрьма, то ли концлагерь... Высокие стены, сторожевые башни с автоматчиками, совершенно бандитского вида личности, увешанные оружием, и тут же — изможденные люди в обносках, видимо, заключенные. Под ногами по

грязи бегали куры, в луже с довольным видом валялась пятнистая свинья.

Сохранить лису!

С них явно снимут «родную» одежду. Надо как-то ухитриться вытащить лису из потайного кармашка и спрятать... Куда?! В фильме «Криминальное чтиво» отец боксера прятал семейную реликвию — часы — в заднице... Но лиса не совсем подходящей формы, да и Ник не мог представить, как такое вообще сделать. Во рту? Заметят, лиса не маленькая...

Однако вопрос разрешился сам собой. Хесус подозвал одного из бандитов, что-то долго ему втолковывал, а потом сказал пленникам:

— Это — Израэль.

Израэль в знак знакомства сплюнул им под ноги. Это был тощий мужчина лет тридцати с цветной татуировкой в виде индейского божества на лбу. На поясе у Израэля висели две кобуры, откуда торчали рукояти здоровенных пистолетов, украшенные стразами. Бад приветливо улыбнулся в ответ, и новый знакомый тут же засек у него во рту бриллиант, вставленный в зуб. Ткнул пальцем, не достав пары сантиметров, но Хесус хлопнул его по руке и прикрикнул. Израэль пожал плечами и снова сплюнул, на сей раз метко попав на кроссовок Нику.

— Я сказал Израэлю, чтобы вас не трогал. Вам оставят вещи, вас не будут отправлять на работу, вас будут кормить, — разъяснил Хесус. За что к ним такое милое отношение, бородач не сказал. Ник вполне допускал, что за Уго Санчеса. Почему бы и нет. — Я приеду завтра. Вы думайте.

С этими словами Хесус пошел к двухэтажной постройке, видимо, здешнему административному зданию. Израэль подошел к Нику вплотную, осмотрел с головы до ног, потом извлек ключи и освободил от наручников. Повторил ту же процедуру с Бадом.

— Спасибо, — сказал Ник.

Израэль жестом велел следовать за ними. Ник пошел, следом заторопился Бад. Местные почти не обращали внимания на вновь прибывших. Кое-кто из вооруженных косился с ленивым интересом, заключенные старались не смотреть.

Остановившись у решетчатого металлического забора, Израэль кивнул находящемуся с другой стороны крепышу в футболке с портретом Че Гевары. Тот отпер замок, открыл узкую калитку, они вошли внутрь. Видимо, это была своего рода «зона в зоне» — если снаружи обитала всякая шушера плюс хозяйственные рабочие, то здесь режим был посерьезнее. Под ногами та же грязь, у стен — сложенные из бетонных плит клетушки, забранные все той же решеткой. Почти в каждой такой клетушке кто-то сидел, хотя дверцы были открыты. В углу двора резались в какую-то игру несколько охранников, среди которых Ник заметил и троих явных заключенных.

— Сюда, — Израэль указал на ближайшую клетушку, видимо, не имевшую жильцов.

Пригнувшись, чтобы не стукнуться о низкий железный косяк, Ник вошел внутрь. Две койки, точнее, деревянные щиты на цепях, на которые брошены грязные тощие матрасы.

Пара одеял, на стене — треснувшее зеркало, оставшееся, видимо, от кого-то из прежних обитателей.

— Здесь жить, — сказал Израэль. — Вода там.

В самом деле, шагах в десяти от их нового дома из стены торчал водопроводный кран.

— Еда два раза, — продолжал объяснять Израэль.

— Работать пока не надо, — сказал Хесус.

— Напрасно. Не драться. Если что-то — говорить ему. — Израэль кивнул на крепыша с Че Геварой, который вертелся поодаль. — Если что-то — наказание. Понятно?

— Да, — сказал Ник.

Бад кивнул. Наверное, боялся лишний раз открыть рот, чтобы не провоцировать сурового мексиканца своей прелестью. И они остались вдвоем.

— А теперь рассказывай, — велел Ник, помрачнев и прислонившись к шершавой стене. — Все по порядку: почему мы здесь и что у тебя произошло с Синдикатом. Иначе я

тебя убью, скотина.

...В миске был суп. Точнее, густое теплое варево, состав которого Ник с ходу не взялся бы определить. Он обмакнул в жижу палец и осторожно лизнул. М-да. Похоже, разваренная фасоль и кукурузная мука. И адское количество перца... Сытно, конечно, но на вкус отвратительно.

— Ты собираешься хавать прямо руками? — спросил Бад, с отвращением наблюдая за манипуляциями Ника.

— У тебя есть ложка?

— Вот, — Бад с хозяйским видом извлек из неприметной щели в стене две пластиковые ложки. Обычно такие кладут в «одноразовую» быстрорастворимую лапшу или картофельное пюре. Ложки были мятые, ими явно неоднократно пользовались. — Я их вымыл под краном, — предвосхитил вопрос сокамерника Бад. Пожав плечами, Ник взял одну, еще раз внимательно осмотрел и принялся есть.

Бад последовал его примеру и тут же скривился, выловив из миски многоножку с полпальца длиной.

— Ч-черт... — с отвращением прошипел инфотрейдер, отбрасывая от себя мерзкое создание.

— Ерунда, — философски заметил Ник. — Ты знаешь, сколько различных жучков человек проглатывает за год незаметно для себя? Около пятисот.

— Знаю, читал. Еще сколько-то литров моющих средств, сколько-то метров волос... Нашел же ты тему для обеда...

Бад, еще раз скорчив брезгливую рожу, тем не менее взялся за еду.

Он выглядел совершенно спокойным после состоявшегося разговора. Наверное, самому хотелось выговориться — ведь Бад при всех своих минусах и закидонах, все же казался Нику человеком довольно приличным. Настолько приличным, насколько можно было таковым являться в той среде, где они оба вращались.

«А теперь рассказывай. Все по порядку: почему мы здесь и что у тебя произошло с Синдикатом. Иначе я тебя убью, скотина», — сказал ему Ник, и инфотрейдер тут же начал рассказывать, поблескивая своими по-кроличьи красноватыми глазками.

Прежде всего Бад поведал о том, почему ему, полноправному члену Синдиката, пришлось удирать. Слава богу, с Ником это и в самом деле связано не было никак. Лиса не обманула, да она и не умела обманывать, в отличие от людей.

Бад попросту кинул Синдикат. Сделал глупость, как порой поступают многие, даже куда более благоразумные люди. И надеялся, что его проделки никто не заметит — ведь он уже имел в Синдикате определенный вес, хотя прекрасно помнил, чего ему стоило попасть в Синдикат.

Но в Синдикате заметили. И Бад пришлось рвать когти, причем наиболее нелогичным способом, чтобы его не успели отследить. Ник не знал, что грозило Бадом в случае поимки, и не стал спрашивать, но прекрасно понимал, что ничего хорошего. Блинами с икрой за такое точно не кормят.

Когда Бад начал углубляться в подробности своего преступления, Ник прервал его.

— Мне такая информация ни к чему. Я не хочу знать то, что ты знаешь. Достаточно, что я уже спалился, оказавшись с тобой в Мексике в такой неподходящий момент... Рассказывай лучше, зачем ты отправил Лекса в Штаты.

— А я не отправлял Лекса в Штаты, — возразил инфотрейдер. — И я в самом деле не знаю, зачем он рванул на Ямайку и что ему наобещал Мусорщик. Я могу рассказать о нашей последней встрече, но...

— Вот и расскажи, — перебил Ник.

И Бад рассказал.

О том, как на Лекса с компанией вышел крупный клиент, который предложил им очень много денег за участие в некоем проекте. Принять решение они должны были в ближайшее время, именно тогда с ними и встретился Бад. Он знал, что должен будет сделать Лекс.

Написать модификации вируса под серверы крупнейших мировых бирж, электронных платежных систем, интернет-банков, крупных инвестиционных компаний — всего, что связано с деньгами и кредитами. Вирус планировалось использовать одновременно и с единственной целью — обрушить экономику всего мира.

Бад считал, что Лекс за эту работу братья не должен, и пришел, чтобы предупредить. Потому что знал: это не просто антиглобалистское хулиганство, как считал тот же Андерс. За заказом стоял штурмбанфюрер Эйзентрегер, а по сути — Четвертый Рейх. Организация, которой была нужна не разовая акция, а длительный хаос. И не в отдельно взятой стране, а по всему миру.

— Им было нужно, чтобы всюду воцарилась анархия, гражданские войны, мародерство, насилие... Тогда на сцену вышли бы они, чтобы навести порядок и забрать власть в свои руки. А Лекс сам написал «Стакс» и знал, что его можно модифицировать подо что угодно.

— И этот шут обрушил бы мировую экономику?! — недоверчиво переспросил Ник.

Инфотрейдер тяжело вздохнул, оглянулся на азартно оравших игроков, сидевших в углу двора, и пояснил:

— Мировая экономика — это вполне себе обозримая штука. Достаточно создать проблемы одному или двум крупнейшим банкам, которые повязаны между собой крепко-накрепко. Какой-нибудь скандал, несколько финансовых ошибок, сбой в работе серверов, акции упали в цене, поползли слухи... Вскроется несколько финансовых пирамид, возникнут проблемы с плохими кредитами, наступит ипотечный кризис...

Несколько месяцев финансовой неразберихи и черного пиара, и деньги прекратят свое существование. А дальше ты и сам можешь представить: массовые беспорядки, децентрализация власти, продовольственные кризисы, отключения электричества, мародерство... И тут на сцену выходит Четвертый Рейх. О котором сейчас ничего не известно. Кто их главный руководитель, сколько их?! Я пытался узнать кое-что через Синдикат — просто так, для себя, как говорится... Не сумел. Я знаю, что у них есть база в Арктике. Ультима Туле. Там, по нашим данным, находится очень мощная армия. С серьезными технологиями. Инопланетными.

— Гонишь, — жестко сказал Ник.

— Ты можешь не верить, — покачал головой Бад. — Твое дело. Ты просил рассказать все, что я знаю, я тебе рассказываю. А дальше смотри сам, как тебе удобнее. Так вот, между Рейхом и прочими посредником выступала Армада. Как ты сам понимаешь, Армада — это в какой-то степени был и Мусорщик, хотя речь пока не о нем. Речь о Лексе. И я предупредил его, что если он примет предложение Эйзентрегера, то Синдикат не только разорвет с ним отношения, но и станет его врагом.

Инфотрейдер замолчал. К решетке их клетушки подошла грязная курица, внимательно посмотрела круглым глазом на Ника и вновь побрела по своим несложным куриным делам.

— Что сказал Лекс? — спросил Ник.

— Лекс повелся, я это видел. Я их предупредил, но они не послушали... А потом, насколько я знаю, в Гренландии у Рейха возникли проблемы. Именно тогда, когда там находился Лекс. Собственно, все это я тебе уже рассказывал за чаем — классный, кстати, был чай... Как ты знаешь, Лекс выкрутился, всплыл в Соединенных Штатах вместе со своей гоп-компанией, потом проскочил по миру как комета, то вспыхивая, то исчезая, встретился с тобой в Сингапуре в ранге непонятно кого, напугал...

— Ну, положим... — сквозь зубы процедил Ник, но инфотрейдер продолжал, не обращая внимания:

— ...напугал тебя, встретился с Мусорщиком, вылетел на Ямайку и пропал без следа. Как ты думаешь, кто за этим стоит?!

— Рейх.

— Бинго. И я не удивлюсь, если за нашим сегодняшним пленением тоже стоит Рейх. Хотя надеюсь, что это не так и все — лишь чьи-то местные досужие инициативы...

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю. Деньги у меня есть, но... двести миллионов... да они притом весьма далеко... — Бад снова вздохнул и безнадежно махнул рукой.

Двести миллионов можно найти, подумал Ник. Но их убьют, как только получат деньги, это к бабке не ходи. Что же делать? Как быть?!

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое, — задумчиво пробормотал он.

— Чего сказал? — встрепенулся Бад.

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое, — повторил Ник, внимательно наблюдая за реакцией инфотрейдера. Точнее, теперь уже бывшего инфотрейдера. — Слыхал такое?

— Н-нет... — Бад потряс головой. — И что это значит?

— Возможно, когда-нибудь мы это узнаем... А сейчас нам, кажется, несут фуа-гра и перепелок. Давай пожрем, а потом уже подумаем, как спастись.

...Ник облизал ложку. В животе пекло от перца, хотелось поскорее напиться. А ведь вода тут небось тоже не подарок. Бациллы, бактерии... Кто ее очищает, кому это надо? Ник уже успел заметить, что один из играющих охранников пьет минеральную воду. Видимо, в курсе. Но ничего не поделаешь, даже вскипятить негде... Остается надеяться на скрытые резервы организма. Он читал, что во время Великой Отечественной на фронте люди крайне редко болели «гражданскими» болезнями — язвой желудка, простудами, катарам, всякими печенками-селезенками-гипертониями... А если болели, то быстро лечились ударными средствами. Правда, измельчал с тех пор народ. Хорошо, что еще с детдома желудок у Ника был крепким. Поэтому он не стал дальше париться и пошел к крану.

Повернув захватанный пластмассовый вентиль, он долго пил горсточкой теплую неприятную воду. Продолжил пить, когда кто-то подошел и встал рядом. Он видел только ноги, обутые в грязные матерчатые тапочки. Потом на его плечо легла тяжелая рука, и густой, глубокий голос произнес:

— Все не пей, оставь мне.

Ник не спеша протер мокрой рукой лицо и только тогда разогнулся.

Перед ним стоял человек лет пятидесяти, а может, шестидесяти. С широким морщинистым лицом, напоминающим печеное яблоко, крупным носом и глазами-щелочками. Явная примесь индейской крови, судя еще и по темной коже.

Человек улыбался.

— Я попью, — сказал он на неплохом английском. Ник с готовностью уступил ему место возле крана.

Человек напился, умылся, поплескал себе под мышки — он был в одних широких полотняных брюках, после чего удовлетворенно фыркнул и протянул Нику руку.

— Куаутеок Сальсидо.

— Ник.

— Откуда тебя привезли в это убогое место, Ник? — осведомился Куаутеок, складывая руки на животе. Чем-то он напомнил Нику мультяшного Карлсона, который угодил в тюрьму за чрезмерные кражи варенья.

— Из города, — ответил Ник.

— А в город откуда?

— Я из России. Турист.

Куаутеок присвистнул.

— Я был в России, — сообщил он и добавил по-русски: — Водка. Випьем. Да страсует партия! — И продолжил уже нормально: — В семьдесят шестом году. Я тогда учился в Мексиканском национальном автономном университете. Естественные науки. Я был членом Партидо Коммуниста Мексикано, компартии. Даже писал статьи в «Сосиалисмо» и «Нуэва эпока».

Сейчас Карлсон-уголовник явно не походил на журналиста и студента университета, но

тридцать лет есть тридцать лет...

— Как ты сюда попал, турист? — продолжал спрашивать Куаутемок. — Туристы сюда не попадают.

— А как это вообще называется?

— Каса-дель-Эскория. Жилище Нечисти. Когда-то — государственная тюрьма, сейчас — то, что ты видишь. Хотя есть и государственные тюрьмы, которые ничем не лучше. И как ты сюда попал, русский?

— Нас похитили. Меня и товарища, — Ник показал на клетушку, из которой с интересом и тревогой наблюдал за ними Бад.

— Знакомое дело. Хесус или кто-то для Хесуса?

— Я так понимаю, не сам Хесус. Военные, — Ник не знал, для чего рассказывает улыбающемуся человеку все детали, но тот располагал к себе. Притом Куаутемок мог дать информацию, которой у Ника не было. Вот уже и название всплыло...

— Военные — это плохо, — помрачнел Куаутемок, ухитрившись притом сохранить улыбку на лице. — Военные не работают сами по себе, их кто-то навел.

— Подполковник Магальон. Вам это о чем-то говорит?

— Нет, я не знаю этого человека, — покачал головой Куаутемок. — Мало ли в мексиканской армии подполковников.

«Мало ли в Бразилии донов Педро», — тут же вспомнилась Нику бессмертная цитата.

— Ваши дела плохи, — сказал Куаутемок. — Отсюда не убегают. Хесус — мерзавец и подонок, но хороший руководитель. Вас не отправили на работы, как я вижу?

— Да, Хесус распорядился. Я не знаю почему.

— Рано или поздно отправят, если вы не заплатите. Хотя лучше вам не платить...

— Это я понял, — мрачно сказал Ник. — То есть выхода нет.

— Выход всегда есть, — еще шире улыбнулся мексиканец. — Его просто нужно поискать. Я вот пока не нашел, но не теряю надежды.

— А вы здесь давно? — спросил Ник.

Куаутемок поковырял толстым пальцем в ухе, внимательно рассмотрел то, что добыл в его недрах, и сказал:

— Шестой год.

ГЛАВА 15 FALLOUT

Неизвестно где, неизвестно когда

Лекс смотрел прямо перед собой и не верил своим глазам.

Впрочем, он мог с тем же успехом посмотреть в любую другую сторону. Потому что слева и справа от них были высокие слоистые холмы, покрытые красно-желтой пылью и песком. Сзади — пустыня того же цвета, а за ней — снова холмы. А прямо перед ними, метрах в ста — шоссе и обгоревший остов трехосного междугороднего автобуса на обочине.

Изо всех сил жарило солнце. Пейзаж казался на редкость безжизненным, даже когда по песку с потрясающей скоростью промчалась небольшая ящерка.

Только после этого Андерс выругался так извращенно и сложно, что Лекс понял — это все происходит на самом деле.

Пару секунд назад они под внимательным взглядом странного человека по имени Игнат лезли в какую-то пещеру. Сзади остались вездеход, полуостров Бутия, мороз, снег, ветер, мертвые эскимосы в своем становище и странное существо, которое убивало.

Из всего этого здесь имелся лишь ветер. Горячий, полный мелких пылинок.

Организм слегка запоздало среагировал на огромную разность температур. Под мышками и по спине заструился пот. Лекс решительно расстегнул вжикнувшую молнию и сбросил куртку.

— Что за черт?! — воскликнул Андерс. — Этот ублюдок нам что-то вколол! Это же глюки, Лекс! Не раздевайся, ты замерзнешь!

— Это не глюки, — сказала Лиска рассудительно. — Если мне жарко, значит, мне жарко. Если я вижу песок, значит, это песок. Тем более я могу его потрогать.

В доказательство своих слов она присела на корточки и набрала полную горсть песка. Пропустила его сквозь пальцы, глядя, как он стекает вниз.

— Не, ну что за ерунда?! — Андерс оглядывался по сторонам с видом затравленной фокстерьерами крысы. — Так не может быть!

— Помнишь, Бад рассказывал нам про инопланетные технологии на службе Четвертого Рейха? — спросил Лекс, подставляя лицо солнцу и наслаждаясь теплом его лучей.

— Помню. И что?

— Ты, если не ошибаюсь, вопил, как это круто. Что, если сейчас мы столкнулись с чем-то подобным?!

— Типа? Портал между мирами?

— Например.

— Погоди. Ты хочешь сказать, мы не в нашем мире?! — опешил наемник. Он упал на колени, как и Лиска, набрал полную горсть песка. Поднес к лицу, понюхал зачем-то. — Не понимаю... И это называется «безопасное место»?

— Здесь тепло, — резонно заметил Лекс. — И нет твари, которая хочет разодрать тебе брюхо и отгрызть пальцы. По-моему, уже достаточно для безопасности.

— Зато этот идиот не сказал нам взять сумки! — Андерс злобно отшвырнул песок в сторону. — Мы же оставили их в поселке! Всю жратву! Запасные магазины!

— Он и не знал про наши сумки, — вставила Лиска. — Мы сами про них забыли. Лохи мы, чего уж...

— Мне все-таки кажется, что это наш мир, — сказал Лекс. — Солнце, воздух... Автобус, вон, взгляни. Обычный автобус, рейсовый.

— Вот только выглядит так, словно сгорел года три назад, — язвительно произнес Андерс. — И шоссе наполовину засыпано, его никто не чистит.

— Есть масса подобных мест, — не сдавался Лекс. — Мало ли на Земле пустынь, заброшенных городов и дорог... Свалок, в конце концов.

Андерс не нашелся, что ответить, и стал обшаривать куртку. Потом схватил одежду Лекса, проверил карманы. Лиска подала ему свою.

— Итак, у нас есть пистолеты, четыре обоймы патронов, пять магазинов к винтовкам, — сказал наемник, проведя быструю ревизию. — Все остальное — там... А если эта падаля вылезет через портал вслед за нами?!

«А вот это уже имело смысл», — подумал Лекс. Торчать здесь в любом случае было глупо, надо двигаться. Искать еду и воду, в конце концов. Лекс подобрал свою куртку, свернул и сунул под мышку. Жарко-то оно жарко, но кто знает, что случится дальше. Совсем недавно было холодно... А незадолго до того — Ямайка и Карибское море...

Конечно, их одежда для теперешнего климата не подходила. Толстые штаны, утепленные ботинки... С ботинками ничего не поделаешь, а вот штаны можно хотя бы обрезать, прикинул Лекс, получатся дурацкие шорты. Хотел было остановиться и внести такое предложение, но не стал, потому что Лиска с Андерсом направились к автобусу.

Корпус обгорел сильно, изнутри тоже все выгорело. Лиска поморщилась и показала на обугленные кости, среди которых виднелось несколько человеческих черепов. В самом деле, здесь было нечисто. На свалку останки не выбрасывают, на месте ДТП не оставляют...

Андерс на черепа концентрироваться не стал, так, мазнул по ним взглядом, а вот табличке на борту уделил куда больше внимания. Она тоже была искорежена и обожжена, но под слоем гари из отдельных букв сложились два слова — «Лас-Вегас» и «Уэллс».

— Лас-Вегас... Это Штаты. Невада, — сказал Андерс, почесывая затылок. — Куда нас занесло-то...

— Скажи спасибо, что это не Гоби и не Австралия, — проворчал Лекс, которому не

давали покоя черепа в салоне.

— Да, здесь тоже не Арбат, но народу погуще, — согласился наемник. — Вот только странная это Невада. Косточки на дурные мысли наводят. В сочетании с инопланетными технологиями...

Параллельный мир?

И что здесь? Ядерная катастрофа?!

В голову сразу полезли фильмы и книги по данной тематике. По спине пробежали зябкие мурашки — а что, если здесь радиация?! Они сидят и не чувствуют, как частицы впиваются в плоть и убивают все на своем пути?! А через день-два — смерть в страшных муках?!

— Про радиацию подумал? — прищурился Андерс.

Лекс кивнул. Лиска с испугом смотрела то на одного, то на другого.

— Какая еще радиация, ребята?! — жалобно спросила она.

— Да нет, нет никакой радиации, — успокаивая девушку и себя, сказал Лекс. — Нам нужно найти людей, и все объяснится. У страха глаза велики.

— Что-то задолбало уже меня пугаться. В последние дней пять только этим и занимаюсь, — сердито произнес Андерс, пнув ногой обуглившуюся крышку с болтающимися кусками корда. — Давайте в самом деле поскорее найдем кого-нибудь и окончательно решим, подышать нам или еще немного подергаться. Я лично голосую за последнее.

Лекс и Лиска промолчали.

Они не представляли, который нынче час. Сориентировались по солнцу и решили двигаться на юг.

Почему?

Потому что они уже двигались на юг, когда шли по канадским островам, а сейчас где-то на юге находился большой город Лас-Вегас.

Лекс подумал, что, если им встретится полиция, придется врать что-то несусветное.

Документов нет, при себе — оружие, это же немедленный арест. Вот только состояние шоссе и в самом деле никак не говорило о том, что здесь ездят патрульные машины полиции штата — да и вообще какие-либо машины. Кое-где полотно было полностью занесено песком и даже перекрыто песчаными барханами, в одном месте частично обрушилось в небольшой овраг.

— Играл в Fallout? — спросил Андерс.

— Как-то недосуг было, — отозвался Лекс, уныло переставляя ноги в пудовых ботинках.

— Сильно напоминает все это, — Андерс пошевелил стволом винтовки. — Так и кажется, что сейчас гули или рад-скорпионы прибегут... А в новой игре, прикинь, вообще тварей до беса. Кротокрысы, пчелы какие-то здоровенные... Она еще не вышла, но я с одним разработчиком в сети трещал, он скрины показывал!

Наемник что-то восторженно продолжал рассказывать про новые возможности игры Fallout 3, но Лекс не слушал.

Он сам ощущал себя в игре. Уже в который раз. Только не игроком, что сидит перед монитором в уютном регулируемом кресле, а персонажем, который по воле игрока бежит вперед, карабкается по горам, стреляет, спасается, выполняет всевозможные задания и...

И погибает.

Правда, у компьютерного персонажа есть важное отличие — он всегда может продолжить игру с сохраненной точки.

В отличие от Лекса.

«Я пришел, чтобы понять, ты управляешь Фрамом или Фрам — тобой».

Однако сейчас Фрам был ни при чем, если он вообще принимал какое-то участие во всей этой нелепой истории. Сейчас в игру вмешались какие-то совершенно посторонние силы. Лекс чувствовал это, хотя объяснить не мог. Чувствовал с того момента — теперь он

понимал это, — как в помятую дверцу японского снегохода постучал загадочный Игнат.

И Лексу в первый раз за много-много дней стало совсем неинтересно знать, где же сейчас Ник.

С этими мыслями он подошел вслед за Андерсом к безусловно заброшенной бензозаправке «Шелл». Желтая раковина — фирменный знак компании — нависала над унылым пейзажем словно символ того, что в незапамятные времена здесь плескалось первобытное море.

Одна из заправочных колонок лежала на боку, шланг тянулся по песку.

Одна из витрин магазинчика была выбита, поперек въезда стоял старый «форд-скорпио», изрешеченный пулями.

— Странно, что тут все не взлетело на воздух, — пробормотал Андерс, ощупывая простреленный кузов. — Война, что ли, была... Ой, не нравится мне здесь... Даром что жара. Кстати, может, воды внутри поищем?

Но внутри давно уже поискали до них. Полки и шкафы были пусты, под ногами валялись шуршащие упаковки от шоколадных батончиков — кто-то жрал прямо на ходу.

— Пробоины на тачке старые, тут тоже резвились давно, — заключил наемник.

Заглянул под прилавок, извлек банку с маринованными огурчиками. Целую, но жидкость за стеклом была мутной и неаппетитной. — По-моему, их есть не стоит. К тому же вряд ли это утолит жажду.

— А вот это уже интереснее, — заметил Лекс, поднимая помятый и пожелтевший газетный лист, оборванный по краям.

Это была «Лас Вегас Ревью Джорнэл», а статья называлась «Профессор археологии протаранил школьный автобус».

«Автомобиль «додж-караван» под управлением Курта Делано-Ломакса, бывшего профессора истории и археологии университета Джона Хопкинса, на полной скорости врезался в школьный автобус. Ранены шестеро подростков, двое пострадавших находятся в крайне тяжелом состоянии. Профессор Ломакс погиб», — прочел Лекс вслух. Недоуменно посмотрел на спутников и продолжил: — «Инцидент произошел около 14.00 по местному времени на Фримонт-стрит. Все раненые — учащиеся средних и старших классов.

Представитель полиции Гордон Валентайн заявил, что Курт Ломакс мог находиться под действием наркотических веществ. В данный момент проводится медицинская экспертиза останков.

Сорокалетний Курт Ломакс работал в университете Джона Хопкинса в течение последних восьми лет, однако в начале 2012 года неожиданно уехал. По словам преподавателей университета, причиной неожиданного отъезда их коллеги могли стать крупные карточные долги.

Источник в управлении полиции Лас-Вегаса сообщил, что белый «додж-караван» был арендован в Сан-Антонио неким Игнатом Нефедовым, гражданином России, студентом медицинского факультета Стэнфордского университета. В настоящее время местонахождение Нефедова неизвестно, полиция Лас-Вегаса ведет поиски».

Статья закончилась. Лекс перевернул лист.

— Тут еще про ограбление, и... — начал было он, но Андерс перебил:

— Да нафиг нам эта байда. Ты посмотри на число. За какое число газетенка?

— За...

Лекс замолчал, уставившись на дату. Тогда Андерс бесцеремонно вырвал «Ревью Джорнэл» из его рук и посмотрел сам.

— Твою ж мать... Двадцать первое декабря две тысячи двенадцатого года.

— Это сколько же мне тогда лет?! — расширив глаза, спросила Лиска.

Андерс смял газету в комок и отшвырнул в сторону.

— Да столько же! Этот придурок перебросил нас не только за тысячи километров, но и на четыре года вперед! Точнее, минимум на четыре — сейчас ведь не обязательно двенадцатый! Но мы остались теми же, мы же не прожили эти четыре года — просто

переместились из одной временной точки в другую!

— Ты доволен? — осведомился Лекс. — Инопланетные технологии в действии.

— Да черт с ними! — вспыхнул Андерс. Он заметался по магазинчику, пиная ногами мусор. — Четыре года — это ерунда, вы мне скажите, что тут произошло?! Обгорелые скелеты в автобусе, разграбленный магазин, разруха, все заброшено, ни одной живой души...

— А ты помнишь, что говорил нам Бад?!

— Да ты достал со своим инопланетным хламом! Стоп... — присмирел Андерс. — Ты, что ли, про «Стакс»?!

— Не совсем про «Стакс», но мыслишь верно. Я про заказ Четвертого Рейха.

«Потеряв все, люди выйдут на улицы. Начнутся массовые беспорядки, а армия и полиция не помогут, потому что они тоже перестанут понимать, что происходит.

Децентрализация власти, продовольственные кризисы, отключения электричества, беспорядки, мародерство... Несколько терактов в нужное время в нужных местах — и правительства стран будут, как падающие костяшки домино, один за другим подавать в отставку. А потом появятся ваши друзья с красивыми лозунгами о спасении, равенстве, братстве, возрождении... Они это умеют. А вот когда они придут к власти, а они придут, тогда роман Оруэлла покажется невинной детской сказкой».

Бутылка с остатками минералки на краю стола.

Согнутый палец инфотрейдера, поднесенный к ней.

Тогда Бад отодвинул бутылку в сторону, встал и ушел.

А если кто-то не отодвинул и не ушел?!

«Для модификаций «Стакса» ты лучшая кандидатура, но не единственная. Если ты откажешься, нацисты найдут других программистов. А если те не справятся, то появятся другие. Рано или поздно они добьются своего... У мира сейчас две проблемы, которые привели его на край пропасти: слишком сильная зависимость от компьютеров и дырявая экономика, помноженная на жадность мировых банкиров. Достаточно чуть-чуть подтолкнуть его, и он полетит вниз вместе со всеми нами».

— Умеешь ты успокоить, — покачал головой Андерс и сел на перевернутый набок шкаф-холодильник. — Но тут ведь вообще капец. Где фашики, идущие стройными рядами? Нигде даже свастика не намалевана.

— Может быть, они просто не здесь. А может, все закончилось, но ничего не началось. По какой-то причине у Рейха не вышло. Цивилизация в том виде, в каком мы ее знали, рухнула. С нашей помощью или без. Уж такого дерьма, как программисты, в самом деле всегда хватало. Даже такого дерьма, как хорошие программисты...

Лекс подошел к стене и провел пальцем по рекламному плакату пива «Будвайзер».

Капельки на стакане с ледяным пивом выглядели так заманчиво, что их хотелось лизнуть — несмотря на то что плакат покоребился и выпцвел.

— Нам нужно поискать воду. Я не знаю, сколько нам еще идти, и без воды мы не сможем, — сказал он. — Давайте обшарим все подсобки, ящики, мастерскую... Где-то что-то может найтись!

Они старательно приступили к поискам и для начала нашли покойника.

Вернее, висельника.

* * *

Он висел в небольшом помещении — там, видимо, раньше отдыхал продавец. Маленький телевизор, диванчик, несколько книг в мягких обложках — романы Дэна Симмонса, Гришэма и Дэна Брауна — и труп, висящий в петле из синтетического буксировочного троса. Молодой парень, насколько мог судить Лекс.

Чернокожий, в комбинезоне с нашивками «Шелл»...

Тело сильно высохло, практически мумифицировалось. Окна и двери были закрыты — видимо, грабители погнушались лезть к мертвецу, — и потому ни животные, ни насекомые

не потрудились над покойником. Лекс тоже не стал его трогать, а вот литровую бутылку с минеральной водой «Поланд Спринг» взял. Крышка была запечатана, и с водой вряд ли что-то могло случиться. Вода — она и есть вода. Источник жизни.

На столике рядом с бутылкой были также сверток с чем-то окаменевшим, такая же каменная пачка печений «Ореос» (полупустая) и баночка из-под «пепси». Последний завтрак. Или обед. Или ужин...

Улов Андерса и Лиски был не лучше. Банка консервированной фасоли с мясом, срок хранения которой истекал в апреле 2014-го, и примерно треть такой же бутылки с водой, как обнаружил Лекс. Эту они выпили сразу, а каменные печенья и фасоль решили оставить на черный день. К тому же они ели концентраты незадолго до появления Игната. Несколько часов назад, по сути. А кажется, целую вечность...

Ну да, улыбнулся Лекс.

Минимум четыре года назад.

И тут улыбка моментально стерлась с его лица. Что-то промелькнуло в голове, что-то неуловимое и в то же время лежащее на поверхности.

— Стойте! — крикнул Лекс уже выходящим из магазинчика спутникам.

Те остановились, Андерс вопросительно уставился на Лекса.

Лекс подобрал смятый газетный комок, расправил.

— «Источник в управлении полиции Лас-Вегаса сообщил, что белый «додж-караван» был арендован в Сан-Антонио неким Игнатом Нефедовым, гражданином России, студентом медицинского факультета Стэнфордского университета», — громко прочел он. — Андерс, ты много в жизни видел людей, которых звали бы Игнат?

— Одного, — с готовностью сказал Андерс. — Совсем недавно.

— Ты думаешь... — Лиска прервалась, но справилась с собой. — Ты думаешь, это он?!

— А ты много в жизни видела людей, которых звали бы Игнат?! — спросил Лекс теперь уже у нее. — К тому же на одном и том же континенте, пусть и с перерывом в четыре года?!

Лиска и Андерс переглянулись.

— С-сука! — с чувством произнес наемник.

— А в чем, собственно, фишка? — недоуменно спросила Лиска. — Ну, арендовал он машину. Со всеми случается, я тоже пару раз арендовала... Ну, совпадение...

— Уж слишком непростое совпадение, — сказал Андерс. — То есть черт с ней, с машиной, но везде, где он вертится, случается беда.

— С нами пока беды не случилось, — возразил Лекс. — Видите, даже воды и то немного нашлось. Двинемся дальше, а там посмотрим.

Дорога получилась безрадостной.

Шоссе вилилось между песчаных барханов и холмов. Изредка попадались автомашины — просто брошенные, давно обобранные и обысканные, с раскрытыми дверцами и багажниками, а также перевернутые, сгоревшие, расстрелянные... Что бы тут ни случилось, уж точно ничего такого, в чем хотелось бы поучаствовать.

Машины не осматривали — хватило одного раза, красивого когда-то синего «доджа», в котором обнаружили скелеты женщины и троих детей. Судя по черепам, детей убили выстрелами в голову. Лиске говорить об этом не стали, она сидела на обочине, отдыхала и следила за дорогой, не появится ли кто.

Никто не появлялся. Нет, живность вокруг водилась. В небе кружили птицы, по виду хищные, шоссе перебегали ящерицы и переползали змеи, в пустыне мелькал кто-то покрупнее размером, стараясь держаться подальше. Андерс напряг свои географические познания, но кто здесь обитает, не вспомнил.

— Кажется, койоты, — сказал он, вытирая пот со лба. — И какие-то ядовитые гады, так что лучше их не трогать без нужды.

— А какая может возникнуть нужда, чтобы их трогать? — уточнила Лиска и услышала в ответ:

— Голод.

Банку консервов они по-братски разделили, остановившись на ночь в таком же разгромленном магазинчике-автозаправке. Этот пострадал еще сильнее, угол обгорел, а внутри царил совершеннейший бедлам. Зато не было трупов, и по поводу места ночлега даже не стали спорить.

После ужина, запитого глотком воды на каждого, было решено выставить часового.

Как и в становище эскимосов, Андерс предложил дежурить, только не по два часа, а по три. Поскольку в прошлый раз начинал он, а Лексу помешал это сделать таинственный Игнат, на сей раз первым караулил Лекс.

— Я, пожалуй, залезу на крышу, — придумал он. — Оттуда лучше и дальше видно. А вы закройтесь в подсобке, я постучу, когда время выйдет.

Алюминиевая лесенка, ведущая на плоскую крышу магазинчика, была целой и невредимой. Лекс взобрался по ней, уселся на кожух вентилятора и снял грязную майку. Свежий ночной ветерок приятно обдувал уставшее тело. Уже почти стемнело, вокруг было тихо, лишь выл вдалеке неведомый зверь. Наверное, тот самый койот, о котором говорил Андерс.

Тихо и темно...

В Москве не найдешь такого места, только если специально запереться в комнате, завесить окна, заткнуть уши. Да и в любом крупном городе не найдешь.

И в маленьком, наверное, тоже. Даже ночью там есть привычные шумы — пьяные пройдут, машина проедет, собака залает...

А здесь — абсолютная тишина, как в центре мироздания. Лишь шорох ветра, да побрякивание какой-то железяки.

Лекс поправил на коленях винтовку и задумался.

Возможно, Бад был прав. После истории со «Стаксом» и сожжения базы Рейх не стал грызть локти и рыдать. Эйзентрегер нашел новых исполнителей, которые могли написать новые программы. «Стакс» уникален. Но неповторимым его назвать нельзя. И уж подавно есть головы, придумывающие вещи и круче. Лексу было неприятно это сознавать, но гениев в мире достаточно, главное — уметь их найти и приспособить к делу. Какой-нибудь жирный прыщавый пожиратель шоколадных хлопьев, сидящий за монитором в подвале захолустного дома, в минуту может стать новым Гейтсом или Джобсом. Если к нему придут правильные люди и поставят правильные задачи.

Что случилось за эти четыре года? Точнее, минимум четыре — сейчас с тем же успехом мог быть две тысячи двадцатый. Или две тысячи тридцатый. Как это определить?

Консервы не испортились? Ну, мало ли... Тоже мне, показатель.

Не по звездам же...

Лекс с тоской посмотрел в переливающееся огоньками небо. Он не знал созвездий и не умел по ним ориентироваться. В крайнем случае влез бы в Гугл. Да вот беда, нет под рукой ни Гугла, ни того, с чего в него влезть.

Вполне вероятно, что Гугла уже вообще не существует.

Лекс почувствовал, как на глаза наворачиваются невольные слезы, и поспешил их смахнуть, словно кто-то мог увидеть. Не хватало еще разреветься... Достаточно Лиски, да и та себе редко позволяет такую роскошь.

Еще раз тщательно протерев глаза уголком майки, Лекс встал. Сидя, можно и задремать, а он все же на часах.

И тут же, стоило ему подняться, увидел на шоссе приближающийся с юга свет.

Спустя полминуты стало ясно, что это автомобильные фары.

Глава 16 ПРОИГРЫШ

Каса-дель-Эскория, Мексика, 1–2 декабря 2008 года

— Бери и проходи!

Ник безропотно взял у тщедушного старичка с корзиной свой ужин и отошел в сторонку.

Сегодня давали по лепешке и кукурузному початку. Что любопытно, пища в тюрьме отличалась не вкусом, но разнообразием. Со времени своего заключения Ник и Бад успели отведать и кашу, и рыбную похлебку, и печеные клубни батата, и даже какие-то кости (вроде бы в честь религиозного праздника). Почти все невозможно было есть, но приходилось делать усилие.

Дня через три они даже привыкли.

Имея свои деньги, они могли бы покупать у охранников продукты куда лучшего качества и даже выпивку, как делали некоторые заключенные из «внутренней зоны». Но деньги, отобранные при аресте, им не вернули. И карточки тоже.

Хесус за это время появлялся дважды и вызывал их на беседу. Бородач был довольно вежлив (их до сих пор ни разу не били, хотя другим доставалось частенько), передавал привет от подполковника (Ник пока не понял, кто из них был выше в преступной иерархии) и интересовался, придумали ли они, как раздобыть искомые деньги.

Ник и Бад выкручивались, предлагали заведомо меньшие суммы. Судя по всему, Магальон не знал, кто такой Ник. Считал его и в самом деле просто богатеньким русским, столь неудачно отправившимся в Сьюдад-Хуарес за приключениями. И нашедший их, на свою пятую точку, целый вагон с маленькой тележкой в придачу.

Основной интерес у подполковника вызывал Бад. Его явно слил кто-то из мексиканских партнеров инфотрейдера. Магальон умело отловил Бада, но сдавать его Синдикату не торопился. Видимо, надеялся, что Бад за свою свободу заплатит значительно больше, чем предлагал Синдикат. А еще скорее, надеялся вначале стясти энную сумму с Бада, а потом запродать его Синдикату.

Не исключено, что такой вариант принес бы ряд неприятностей уже самому подполковнику Магальону, но тот явно считал, что Мексика — это его страна, и какие-то гнринго, секущие в компьютерных прибабасах, ему не страшны.

Черт его знает, может, он в чем-то был и прав.

На работы их по-прежнему не направляли. В основном туда гоняли заключенных из «внешней зоны», и Ник не знал, что они делают, пока не догадался спросить у Куаутемока. Тот поведал, что зеки строят дом. Хороший, большой и красивый дом где-то недалеко от тюрьмы «для одного человека, имени которого тебе, русский, лучше не знать».

Куаутемока на работы тоже не гоняли, и они частенько разговаривали с Ником, расположившись у стены в теньке. Бад мексиканцу отчего-то не доверял и общался с ним редко. Сидел в клетушке на койке и думал о чем-то своем, печальном.

А Ник с помощью лисы сделал уникальное открытие — Куаутемок никогда не врал.

В сравнении со всеми остальными его аура была идеально светлой. Ник даже не знал, что такое может быть, потому что в той или иной степени врали все люди. Вполне возможно, как-то хитрил и мексиканец, ведь Ник попросту не знал, какова идеальная аура. Но черных клякс, каракатиц и пятен Роршаха в ауре улыбчивого собеседника он пока еще ни разу не видел.

— Я старый враг Хесуса, — говорил Куаутемок, попыхивая дешевой сигаретой «Монтана». — Когда он меня заполучил, то очень сильно радовался. «Я тебя не выпущу, старик! — сразу сказал он мне. — Буду приходить сюда и смотреть, как ты сидишь в клетке, словно свинья». Я знал, что ничего плохого он мне не сделает, а то я вдруг помру, и Хесусу не будет на кого смотреть...

— А чем ты ему так навредил? Чем ты вообще занимался после того, как закончил университет?

— Нарушал законы, естественно, — гордо улыбался Куаутемок. — Образованному человеку значительно интереснее нарушать законы, чем необразованному. Интереснее и

легче. Я покинул коммунистов и занимался своими делами. Был весьма уважаемым человеком, весьма! А когда у вас в Советском Союзе Горбачев всех предал и коммунистов прогнали, я понял, что вовремя принял нужное решение.

— И теперь сидишь здесь с сухой маисовой лепешкой в руке, — смеялся Ник.

— И теперь сижу здесь с сухой маисовой лепешкой в руке, — соглашался Куаутемок, тщательно растирая окурки о шершавый бетон стены. — И я доволен, подумать только! Зато у меня был белый «роллс-ройс». У тебя был белый «роллс-ройс»?

— У меня было значительно больше, чем белый «роллс-ройс», — сказал Ник. — Значительно больше... И я все потерял. Оставил там, в России. И не только в России — я все разбросал по свету и теперь не знаю, как собрать. И нужно ли собирать.

— Время разбрасывать камни и время собирать камни... Книга Екклесиаста. Но Библия — весьма противоречивая вещь, парень, — с некоторых пор мексиканец стал называть Ника «парнем». Ник не протестовал. — В ней куча нестыковок, которые за столько веков никто не удосужился привести в порядок. Поэтому я ее прочитал несколько раз и забросил в дальний угол.

— В дальний угол чего?

— Моей головы, — и Куаутемок звучно постучал себя толстым пальцем по лбу. — Не поверишь, но «Властелин Колец» научил меня значительно большему! Но пусть она сгорит в аду, вся эта литература. Скажи лучше, что ты собираешься делать?

На провокатора вечно улыбающийся морщинистый мексиканец не походил, и скрывать свои планы Ник от него не собирался (может, и напрасно), но рассказывать было не о чем.

Нет, разумеется, они с Бадом прикидывали, как отсюда удрать. Нужно было как-то преодолеть две стены — внутреннюю и наружную. Днем — бессмысленно, ночью на вышках дежурят часовые, освещая прожекторами территорию. Поначалу Ник надеялся, что охрана организована безалаберно и часовые, скажем, могут заняться распитием мескала или вовсе уснуть, но нет, у Хесуса действительно царил полный ордуниг.

Да и днем играющие с заключенными в азартные игры или попивающие пиво охранники успевали внимательно следить за происходящим. Моментально подавляли стычки и драки, которые им не нравились. Были и те, что нравились, — тогда охранники могли делать ставки на дерущихся.

Ника и Бада никто не трогал. Наверное, их особый статус не был секретом ни для охраны, ни для заключенных. Но с ними никто и не разговаривал — кроме Куаутемока и жалкого старика, раздающего еду. Порой к клетке подходил Израэль, посматривал испытующе, но молчал.

Почему-то Нику казалось, что это скоро закончится. Особенно после того, как он увидел наказание плетью молодого человека, пытавшегося сбежать.

Убегал он глупо — попытался выскочить из «внешней зоны», когда туда въезжал по хозяйственным нуждам грузовик. Возможно, его бы не заметили и даже бы не стали потом искать, ведь во «внешней зоне» сидела всякая мелкая шушера. Но парень, ощутив свободу, кинулся улепетывать прямо по дороге, чем привлек внимание охраны.

Его изловили, привязали к специальной раме и, собрав всех обитателей тюрьмы, прилюдно избивали кнутами.

Когда беглеца снимали с рамы, он был без сознания, а сквозь жуткие раны на спине белели ребра.

Позже Куаутемок со своей обычной улыбкой сообщил Нику, что «этот придурок Освальдо помер, не выдержал наказания».

— Когда меня так били в первый год, я сам встал и пошел, — с гордостью добавил мексиканец. — И даже выпил с ублюдком Хесусом полбутылки американского виски.

Однако из увиденного Ник сделал вывод, что если и бежать, то со стопроцентным результатом. Подобной экзекуции он не вынесет.

Время тянулось медленно и скучно. Скрашивали его только разговоры с Куаутемоком, но пожилой мексиканец любил поспать, как ночью, так и во время сиесты. Правда, ночью

ходить по двору не разрешалось — если только в отхожее место, оборудованное в углу и представлявшее собой зловонную яму, над которой построено было что-то вроде скамьи. Вместо туалетной бумаги приходилось использовать любые газетные клочки, обертки от сигаретных пачек и обычные листья.

— Не жили хорошо, не стоило и начинать, — ворчал Ник, возвращаясь с «оправки» и вспоминая детдомовские годы. Там была та же проблема.

Ничего, кроме захвата заложников, в голову не приходило. Но опять же — даже если захватить Израэля, который в отсутствие Хесуса был тут главным... Кто знает, представляет ли он ценность для босса? Ну, шлепнут этого Израэля в голову с вышки.

Прямо в центр татуировки. А их дольше мучить потом станут... И сильнее.

А Израэль, как назло, вертелся на виду, и рукоятки пистолетов поблескивали на солнце безвкусными стразами.

Еще Ник отметил для себя, что на территорию «внешней зоны» частенько въезжали автомобили. И грузовики — как тогда, когда пытался удрать незадачливый Освальдо, и внедорожники, на которых ездила охрана. Причем неслабые такие внедорожники — не только переделанные «ниссаны» или «тойоты», но и израильские бронированные «сандкэты». Тупорылые, устойчиво сидящие на разлапистых колесах, с пулеметными установками в крышных люках. Видимо, бандитская армия затаривалась там же, где и федеральная полиция, не говоря уж об армии, в которой служил родине ушлый подполковник Магальон.

— Умрем мы здесь, — с пессимизмом произнес Бад, обгладывая початок.

— Не умрем. Вон Куатемок шестой год тут парится, и ничего.

— Он местный, — возразил Бад. — А мне здесь все чужое. Солнце, воздух, вода... жратва.

Он со злостью швырнул початок на середину двора, где к нему тут же бросились с разных сторон куры и принялись клевать уцелевшие зерна.

— В конце концов, я нормально так пожил, — продолжил он, заложив руки за голову и приваливаясь к решетке. — И, если бы не сделал глупость, жил бы так и дальше. Вот что мне мешало, скажи? Но человек — он же такая скотина, ему все мало, ему все хочется, чтобы лучше и лучше... Не хочу быть царицей, хочу быть владычицей морской, помнишь, Пушкин писал про рыбку-то? Так и я... Что, последний человек был в Синдикате? А мне ведь тридцать пять всего, выбился бы еще в руководство, куда торопиться? Нет, высунулся, называется. Хотел все сразу и много... И приятель твой Лексяра — я ведь предупреждал, не принимай предложение от Рейха, черт с ним, со «Стаксом» и с антивирусом, еще напишешь, была бы голова на плечах. И где он сейчас, хотел бы я знать? И где его умная голова?

Ник и сам хотел бы это знать. А еще ему поднадоело нытье сокамерника, поэтому он пошел побродить по тюрьме и посмотреть, что творится в этом маленьком отвратительном мире.

А мирок жил своей обыденной жизнью. Хромой Мануэль чинил башмак, двое охранников и трое заключенных резались в карты, толстый Хорхе по кличке Стебелек пытался согнать жир, занимаясь с огромными гантелями. Многие просто тупо сидели или лежали в тени, вовсе ничего не делая.

К Нику подошел совсем юный заключенный по имени Эктор, один из местных торговцев и менял, неплохо говоривший по-английски. Сам Ник уже нахватался испанских слов от Куаутемока, который периодически вставлял их в свою речь, и мог с горем пополам общаться даже с теми, кто английского не знал.

Эктор поинтересовался, не хочет ли тот сменить кроссовки на блок «Мальборо» или бутылку «Джонни Уокера». Ник вежливо отказался от сделки, притом что сигареты ему были не нужны, да и виски, по сути, тоже.

— Лучше поменять, — понизив голос, сказал Эктор. — Тебе все равно не надо.

— Почему это?! — удивился Ник.

— Тебя проиграл Фелипе. Я не должен говорить, так что ты меня не слышал.

Ник похолодел. Медленно, стараясь не проявлять интереса, он повернулся к играющим. Слава богу, Фелипе на него не смотрел. Широкоплечий наркоман и убийца с обритой наголо головой как раз сдавал карты. Ник вспомнил, что уже не раз ловил на себе его взгляд, а Куаутемок объяснял, что Фелипе очень не любит русских — имелись у него какие-то личные счеты. Вроде как он был наполовину кубинцем и считал почему-то, что именно русские убили его деда в 1961 году, когда тот высаживался в заливе Свиней с целью свергнуть Фиделя Кастро. Впрочем, никто не может знать, что творится в башке у наркомана.

— Спасибо, — поблагодарил Ник торговца. Тот пожал плечами:

— Я же ничего не говорил. Если передумаешь, добавлю пару банок сардин. Хороших сардин.

Ник по широкой дуге обошел играющих. Он прекрасно знал, что означает «проиграть». Собственно, это ничем не отличалось от тех уголовных правил, о которых он слышал еще в России. Правда, дома это считалось неким анахронизмом, уцелевшим лишь в романах про сталинские лагеря или телесериалах о тюремной жизни, но Мексика потому и была Мексикой, что здесь цивилизация сочеталась с варварскими правилами и традициями.

Ник видел, как утром недосчитываются на поверке одного из заключенных, а потом находят его лежащим с перерезанным горлом на койке или вообще утонувшим в выгребной яме. Конечно, многие были просто жертвами разборок или мести, но кое-кто — и «проигранным».

Куаутемок сидел на своем обычном месте, окутанный клубами дыма. Когда Ник рассказал ему о словах Эктора, мексиканец задумчиво почмокал губами и произнес:

— Это очень плохо.

— А если я обо всем расскажу Хесусу? Или Исраэлю?

— Тебя посадят в одиночку, наверное... Но Фелипе все равно будет стараться тебя убить. Иначе убьют его. Наймет кого-то, и в одно прекрасное утро ты съешь свой завтрак, и он станет последним.

— Э-э... И что мне делать?!

— Убить Фелипе, — пожав плечами, ответил Куаутемок.

— Я не боец. Я не смогу его убить. У меня даже нет оружия.

— Во времена Кецалькоатля было изобилие всего, необходимого для жизни, — неожиданно начал Куаутемок. — Было много кукурузы, тыквы-горлянки росли толщиной в руку, а хлопок был всех цветов, и его не нужно было красить. Множество птиц с богатым оперением наполняли воздух своим пением, а золота, серебра и драгоценных камней было видимо-невидимо. Во время царствования Кецалькоатля был мир для всех людей.

Но это блаженное положение дел было слишком благополучным, слишком счастливым, чтобы длиться долго. Завидуя спокойной и радостной жизни бога и его народа, тольтеков, трое злобных черных магов замыслили их извести. Они наложили злое заклятье на город Толлан, и Тецкатлипока встал во главе этого полного зависти умысла. Переодевшись в седого старца, он явился во дворец Кецалькоатля и сказал слугам: «Прошу вас, проведите меня к своему хозяину, к царю. Я желаю поговорить с ним».

Войдя в покои Кецалькоатля, коварный Тецкатлипока притворился, что очень сочувствует больному богу-царю. «Как ты себя чувствуешь, сын мой? — спросил он. — Я принес тебе лекарство, которое ты должен выпить, и оно положит конец твоему нездоровью».

«Добро пожаловать, старец, — ответил Кецалькоатль. — Я давно знал, что ты придешь. Я очень хвораю. Болезнь охватила весь мой организм, я не могу пошевелить ни ногой, ни рукой».

Тецкатлипока заверил, что если он попробует принесенное лекарство, то немедленно почувствует облегчение. Кецалькоатль выпил снадобье и сразу же ощутил улучшение.

Хитрый Тецкатлипока заставил его выпить еще одну чашу зелья, а так как это было не что иное, как пульке, то он быстро опьянел и стал мягким, как воск, в руках своего противника.

Ник вопросительно посмотрел на мексиканца, который загадочно улыбался.

— Что там предлагал тебе добрый Эктор? — напомнил Куаутемок.

— Блок «Мальборо» или бут... — Ник осекся. — Ты предлагаешь напоить Фелипе и расправиться с ним? Но как это сделать?

— У тебя есть друг. Меня он не любит, но тебе поможет, если ты попросишь.

Бад? Ник сильно сомневался, что бывший инфотрейдер готов рисковать собой ради него. С другой стороны, если Ника убьют, он останется здесь совсем один... Притом он постоянно ноет, что терять ему нечего, пожил хорошо, и так далее...

— Сделайте все по-умному, — продолжал Куаутемок. — И не тяните, потому что Фелипе может вас опередить.

...Бад осторожно подошел к Фелипе. Бритый убийца сидел на корточках возле своей камеры и мрачно смотрел себе под ноги, сощулив глаза. Вчера вечером он сильно перебрал местного самогона, вонючей, но крепкой бурды, которую периодически протаскивали в тюрьму и даже гнали во «внешней зоне». Сейчас, ранним утром, Фелипе было очень плохо, его мутило.

— Какого черта тебе надо?! — окрысился он на Бада. Фелипе долгое время жил в Майами, вертелся среди тамошней кубинской мафии и по-английски изъяснялся не хуже любого гринго.

— Поговорить.

Фелипе несколько опешил от такой наглости со стороны хилого русского.

— Лучше уйди, а то я наблюдаю на тебя, и ты утонешь, — проворчал он, громко икая.

— Я принес тебе лекарство, — сказал Бад и показал бутылку «Джонни Уокера», которую прятал под одеждой. Ночью они с Ником растворили в виски несколько капсул секонала — сильного снотворного, которое в довесок взяли у Эктора взамен на кроссовки.

Здоровяк должен был вырубиться, после чего его следовало убить. Других вариантов просто не существовало.

Охранник на вышке лениво наблюдал, как двое заключенных о чем-то говорят.

И охота им подсакивать в такую рань, тем более оба не ходят на работы и могли бы дрыхнуть до полудня, пока не принесут жратву...

— О! — глаза Фелипе прояснились. — Ты неплохой парень, как я погляжу! Что, тебе понадобился приятель?

— Я знаю, что ты прикончишь второго русского. Это из-за него я здесь. Думаю, это будет справедливо.

— Конечно, — снова икнув, подтвердил бритоголовый. — Я убью его. Но с этим лекарством я убью его еще быстрее. И тебя никто не тронет пальцем в этой дыре. Я даже могу поговорить с Хесусом, чтобы тебя выпустили.

Разумеется, Фелипе врал, думая только о похмелье. Наверное, Ник мог бы сейчас попробовать справиться с ним и без дурманного зелья, но Фелипе не был идиотом и просто не подпустил бы его близко. А Бад выглядел именно тем, кем надо: несчастным бледнокожим туристом, угодившим в неприятности и ищущим покровительства.

— Давай, давай, — поторопил Фелипе, протягивая руку за бутылкой. Бад протянул ему виски, но неожиданно наркоман что-то заподозрил. — А ты не выпьешь со своим новым другом?!

— Я?! В-выпью... — пробормотал Бад, отвернул алюминиевую крышечку и сделал маленький глоток. Фелипе внимательно следил за ним, подобравшись. Баду ничего не оставалось, как сделать еще глоток... И еще...

— Хватит! — рывкнул Фелипе, отобрал бутылку и серьезно к ней приложился. Бад стоял рядом, практически чувствуя, как секонал вместе с алкоголем всасывается в кровь.

Ничего страшного, убеждал он себя, если отрублюсь, то мекс подумает, что я так слаб насчет алкоголя...

— Завтра принесешь мне еще! — утирая губы, велел бритоголовый. — У тебя есть камешек в зубе, вон блестит... Моя дружба чего-то стоит, согласен?

— Согласен! — закивал Бад.

Фелипе посмотрел на бутылку, где оставалось уже меньше половины. Сделал еще один огромный глоток, удовлетворенно крикнул.

— Нужно вздремнуть... — пробормотал он, моргая. — Убирайся...

Казалось, Фелипе уже забыл о том, что говорил минуту назад. Впрочем, Бад и не собирался продолжать беседу. Он попытлся, глядя, как бритоголовый снова пьет, потом повернулся и быстро пошел к своей клетке, едва сдерживаясь, чтобы не побежать.

Внутри Бад упал на колени и сунул в рот два пальца. Ник в тревоге наклонился к нему.

— Пришлось выпить, — отплеываясь, пояснил Бад. — Иначе не поверил бы...

Ник подал ему плошку с водой, потом осторожно выглянул наружу.

— Сидит, — сообщил он. — Нет... Лег. Повалился набок.

— Теперь твой выход, — морщась, сказал бывший инфотрейдер. — Сделай все побыстрее, пока зеки не стали вылезать из нор. Скоро подъем.

Маленький нож дал Нику добрый Куаутемок. Нож скорее напоминал маникюрный инструмент, нежели оружие, но мексиканец объяснил, как и что нужно сделать.

Действительно, для такого тесак не требовался.

Зажав миниатюрное лезвие в кулаке, Ник шел через двор к мирно спящему Фелипе.

Именно мирно спящему — бритоголовый убийца по-детски посапывал, трогательно подложив ладонь под голову. И сейчас его требовалось убить, потому что в противном случае он убьет Ника так, как уже убил многих. Поговаривали, что в Канкуне он вырезал целую семью — мужа с женой и четверых детей от трех до пятнадцати лет за то, что отец семейства сдал кого-то из тамошних авторитетов.

Но сейчас Фелипе спал. А Ник не мог ударить ножом спящего. Хотя знал, что если спящий проснется, то, даже одурманенный секоналом и алкоголем, с большой вероятностью свернет ему шею...

Ник встал на колени рядом с наркоманом, словно готовясь к молитве.

Остренькое тонкое жало выскользнуло из кулака.

— Я этого не хотел. Ты сам меня заставил, — прошептал Ник, и нож вонзился в сонную артерию Фелипе.

ГЛАВА 17 FALLOUT 2

Невада, Соединенные Штаты Америки, когда-то после 2012 года

Растолкав Андерса и Лиску, Лекс быстро объяснил им, что у них гости. Конечно, машина могла просто ехать мимо по своей надобности. С куда меньшей вероятностью — что искать в сто раз ограбленном магазине — могла остановиться.

А еще ее можно было остановить.

— Надо тормознуть, — безапелляционно заявил Андерс. — Иначе мы ничего так и не узнаем. Тычемся, как щенята слепые...

— А если это враги?

— Они-то нас не ждут здесь увидеть. Мы в выгодной позиции, а они — нет. Кстати, звук мотора приближается!

Лекс махнул рукой — пусть будет, как будет. Занять позиции они успели как раз вовремя: Лекс и Андерс — за колонками, Лиска — на крыше. Стрелять собирались по дороге перед машиной, если не остановится — пропустить, пускай себе улепetyвает. Был, конечно, еще один вариант — выйти на шоссе и проголосовать. Вот только никто не знал, как в нынешних местах и в означенное время относятся к голосующим на ночной дороге.

Возможно, их сбивают и переезжают пару раз туда-сюда.

Но стрелять не пришлось, потому что автомобиль остановился сам. Большой пикап с самодельным брезентовым тентом аккуратно затормозил у бензозаправки, погасил фары, и

из кабины вылезли двое. Рассмотреть их в деталях не представлялось возможным, темновато, но оба были вооружены.

— Пойду отолью, Фил, — картаво произнес один. — А ты постереги тачку.

— Кто ее угонит, ящерицы? — насмешливо ответил Фил. — А отлить мог бы хоть посередине дороги, Джонни. Опять же, ящерицам пофиг.

— Столько лет, а не могу привыкнуть делать пи-пи на виду, — сказал Джонни и зашагал по песку к колонкам. Остановился прямо возле той, за которой прятался Андерс, вжикнул молнией на штанах и тут же почувствовал, как в бок ему упирается твердое железо.

— Не облей меня с перепугу, — предупредил наемник и крикнул: — Эй, Джонни! Тут у твоего приятеля проблемы, прищемил своего дружка застёжкой!

Джонни засуетился, но тут же понял, что говорящий его видит, а вот он говорящего — нет. Поэтому выбрал наиболее безопасный путь и сказал:

— Парни, мы не хотели ничего плохого! Вот, я кладу автомат на капот машины и поднимаю руки. Не стреляйте!

— Держите его на прицеле! — приказал Лекс невидимым бойцам (а если честно, то одинокой Лиске на крыше) и вышел из своего укрытия. — А ты, Джонни, включи фары и свет в кабине.

Джонни тут же включил ближний, а насчет света в кабине сообщил, что он сроду не горел. Но и фар хватало, чтобы увидеть, что перед ними двое молодых людей, чем-то похожих друг на друга — с короткими ежиками волос, щекастые, с носами пупочкой — и совершенно безобидных, на первый взгляд.

Андерс поставил разоруженного Фила рядом с Джонни и уточнил:

— В кузове, надеюсь, никого?

— Никого! — в унисон ответили парни. Собственно, тент был натянут не полностью и кое-как, можно было и не спрашивать.

— Вы братья, что ли?

— Двоюродные, сэр, — сказал Фил.

Андерс расплылся в улыбке.

— Слыхали?! Сэр. Вот это мне нравится. И где тебя научили быть таким вежливым, Фил?

— В Республиканской Армии генерала Макриди, сэр!

— Это еще что за зверь? — удивился Андерс. Фил и Джонни, в свою очередь, тоже выпучили глаза. Видимо, не зная о том, кто такой Макриди и что это за Республиканская Армия, в нынешней Америке считалось дурным тоном.

— Погоди, не на шоссе же их допрашивать, — буркнул Андерс и свистнул. — Лис! Кончай комедию, слезай с насеста и посмотри, кто у нас тут. А вы идите к зданию, братцы-акробатцы...

Братцы-акробатцы старательно исполнили приказание, но Андерс тут же их остановил:

— Стоп! Жрать-пить в машине есть?

— В кузове, сэр! — отозвался Джонни.

— Лекс, проверь... — скомандовал наемник и быстро добавил: — Пожалуйста.

Ему явно нравилось командовать. Лекс, не чинясь, осветил фонариком кузов.

Картонные коробки, пластиковые канистры... в них вроде бы вода, скорее всего, питьевая... В коробках — консервы, макароны... Да это просто праздник какой-то!

Лекс залез в кабину, нашарил ключ, завел двигатель и загнал пикап за угол заправки, чтобы не маячил на шоссе. Прихватил одну из канистр с водой и вернулся в магазинчик.

Андерс сидел с несколько ошеломленным видом. Лиска мотала на палец волосы.

— Ты только послушай, что они рассказывают, — проямлил наемник. — Фил, начни с начала.

И Фил послушно начал с начала.

— ...А потом нас послали для связи в другое подразделение, — Фил отхлебнул воды из протянутого Лиской пластикового стаканчика. Он говорил уже почти час, немудрено, что во

рту пересохло. — Мы отъехали миль на пять, и в этот момент рвануло. Мы сразу поняли, что это ядерный взрыв, я давно говорил, что или наш генерал, или Мастер рано или поздно доберутся до ядерной бомбы... Нас заслонил холм, мы чуточку переждали и рванули прочь. Ясно ведь было, что Макриди кранты. Потом мы некоторое время прятались, хорошо, что в пикапе были припасы... Нашивки и всякую ерунду сняли, чтобы в нас не признали солдат. Решили двигать на север.

— А почему именно на север? — спросил Лекс.

— Да не знаю... Не в Солт-Лейк же.

Фил растерянно посмотрел на двоюродного брата, словно ждал, что тот предложит более вразумительное объяснение. Но Джонни промолчал. Он вообще в основном молчал, только иногда коротко поправлял Фила или дополнял его рассказ мелкими деталями.

— То есть вы, ребята, дезертиры, — заключил Андерс.

— Наверное, да, сэр...

Лекс побарабанил пальцами по кожуху винтовки.

Рассказанное братьями не укладывалось в голове, но в то же время выглядело совершенно реальным. Никакого Рейха, никаких хакеров, никакого прогноза, сделанного Бадом во время их встречи. Все куда проще: вирус, возникший неведь откуда, превратил огромную часть США в закрытую зону, выхода из которой не существовало и которая варилась в собственном соку. Кто-то, благодаря иммунитету, выжил, кто-то погиб, кто-то превратился в безумца, кидающегося на людей с одним желанием — убить. Правда, за два года таких осталось совсем мало, потому что безумцы редко могли себя обслужить, найти еду и воду, да к тому же на них охотились все остальные.

Но безумцы уже не требовались, потому что друг друга начали убивать нормальные выжившие. Сначала — мелкие банды, потом — формирования покрупнее, а затем начала разыгрываться двухсторонняя партия между Макриди и неким Мастером, который сидел в Солт-Лейк-Сити. И, судя по всему, последний взял-таки верх незадолго до их перехода через портал. Уничтожил ядерным взрывом основные силы Республиканской Армии накануне решающего сражения.

Лекс запоздало подумал, что им повезло насчет иммунитета, и тут же вспомнил загадочную прививку, которую сделал им у портала Игнат. Неужели у него была вакцина?

Тогда почему ее не использовали сразу после того, как началась эпидемия?! Ведь Игната они встретили в две тысячи восьмом году, а вирус проявил себя только в две тысячи двенадцатом?!

Нет. Лекс потряс головой. Хватит с него ребусов и головоломок.

— Вы встречали людей после того, как сбежали из армии? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил Фил, шмыгая носом. — Несколько раз. Однажды это были такие же дезертиры, как и мы, уносили ноги. Потом — гражданские.

— Что рассказывали?

— Что война кончилась. Прилетели люди из ООН, в Солт-Лейк-Сити наводят порядок, нашли средство против вируса...

— Но почему тогда вы поехали на север, а не в Солт-Лейк?! — вопросительно поднял брови Андерс.

— Мы не поверили. Эти люди, сэр, они сами не верили, потому что такое... Такого просто не может быть. Еще они говорили, что там один из главных русский, у него еще фамилия такая... Галь... Гомлефф? Гумлѐфф? Папаша учил нас, что русским нечего делать на американской земле и помощи от них не жди.

— А мы ведь тоже русские, — не удержавшись, мстительно произнес Лекс.

Фил замер с отвисшей челюстью. Наверное, подумал, что злые комми сейчас выведут их за бензозаправку и расстреляют. Только выпьют немного vodka и сыграют на balalaika.

— Отбой тревоги, не пачкайте штаны! — расхохотался Андерс. — Мы в самом деле русские, но ничего плохого делать вам не станем. Даже если попросите.

— Спасибо, сэр, — пробормотал Джонни. Фил тоже захлопнул пасть.

— Если мы вас отпустим, что вы будете делать дальше?

— Я... Я не знаю, сэр... — Фил вновь оглянулся на брата.

— Мы можем поехать с вами, сэр, — неожиданно сказал тот. — На юге все еще опасно. Вы только что остановили нашу машину, а вас могут точно так же остановить другие. Те же дезертиры или просто бандиты, их еще достаточно. Я так понимаю, что ООН контролирует только Солт-Лейк-Сити и небольшую территорию вокруг. Пока они наведут порядок на всех зараженных территориях, пройдет очень много времени. К тому же этот порядок нужен далеко не всем.

— Разумно рассуждаешь, Джонни, — заметил Лекс.

— Спасибо, сэр! Вы же потом замолвите за нас словечко?

Похоже, этот генерал Макриди был довольно толковый военачальник. Вон как натаскали этих увальней... Хотя они в итоге все равно слиняли.

Доверять им в принципе можно, и два ствола не лишние.

— Замолвим, — сказал Лекс. Андерс кивнул, как бы визируя его слова, и добавил:

— Раз уж вы не дали нам поспать, давайте хотя бы перекусим.

...Пикап ехал по своим же следам, еще заметным в усыпавшем шоссе песке.

За рулем сидел Фил, рядом с ним — Лиска и Лекс.

Андерс и Джонни разместились в кузове. Братцам вернули их автоматы, довольно потасканные «калашниковы». Выехали рано утром, поэтому Лиска дремала, привалившись к Лексову плечу, да и двое под тентом тоже небось дрыхли.

Пикап мягко шел вперед, а Фил рассказывал, как папаша учил его водить комбайн.

Как и думал Лекс, братцы были с фермы. Точнее, с двух ферм, которыми владели родные братья, их отцы. О судьбе папаш Фил умолчал — видимо, ничего хорошего с ними не случилось... Зато много рассказывал о генерале Макриди, который и в самом деле был толковым военачальником, хотя и явно со сдвигом. Жестокий и прямолинейный человек, из разрозненных отрядов он сумел создать настоящую армию с тяжелым вооружением. Захватывал все большую и большую территорию, увеличивал численность личного состава, безжалостно расправлялся с теми, кто не хотел жить под его дланью, одновременно заботясь о тех, кто присягал на верность.

Единственным противником Макриди являлся уже упомянутый Мастер. Бывший сенатор, о котором ходили самые разнообразные слухи, осел в Солт-Лейк-Сити и пытался устроить там патриархальное общество а-ля «американский Юг». С рабами и всеми прочими атрибутами. Мастер таких аппетитов, как Макриди, не имел, но и своего уступать не собирался. Итогом стала затяжная война, которая закончилась вроде бы победой Мастера. Но, если следовать рассказу Фила про ооновцев и некоего русского в Солт-Лейк, Мастер тоже проиграл.

«Приедем — разберемся», — решил Лекс. А русский-то, русский... Фамилия знакомая.

— Как, ты там говорил, фамилия этого русского? — спросил он.

— Гумлэфф, кажется, — ответил Фил, вертя баранку. На ветровом стекле покачивались пушистые игральные кости.

— Может, Гумилев?

— Может, и Гумилев, — согласился Фил. — У русских трудные фамилии. Я помню только писателя Набокофф.

Последняя фраза Лекса удивила, потому что он не особо представлял себе Фила с «Защитой Лужина» или даже «Лолитой» в руках. Но тут же его мысли переметнулись к Гумилеву. Он знал лишь одного Гумилева — кроме покойного поэта и ученого, естественно. Андрея Львовича.

Вернее сказать, как знал? Он начинал у Гумилева, даже не зная, что начинает у Гумилева. В нереально далеком девяносто восьмом, в прошлом веке, когда их с Ником взяли за задницу чекисты. Именно тогда, на Литейном, 4, какой-то эфэбэшный начальник пожалел двух малолетних молодцев и попросил Гумилева пристроить их куда-нибудь к делу, пока не влезли в дерьмо руками и ногами. Гумилев, только что купивший через подставных

лиц у DataART движок почтового сервера, который затем стал крупнейшим почтовым ресурсом России и положил начало основанию крупнейшей российской IT-компании, пристроил.

Естественно, обо всем этом Лекс узнал уже значительно позже. Засвидетельствовать свое почтение Андрею Львовичу Гумилеву по вполне понятным причинам он не мог, да и не хотел. К тому же вряд ли Гумилев помнил каких-то пацанов, которым помог в девяносто восьмом.

И вот он здесь. Очередное совпадение? Снова карты легли в странный узор...

— А ты не слыхал, что говорят про...

Договорить Лекс не успел, потому что в борт пикапа врезалось что-то песочно-желтое, покрытое разводами. Машина вильнула, слетела с шоссе и перевернулась.

Лекс сильно приложился лбом о дверцу, но сознания не потерял. Он шустро выполз из пикапа через выбитое лобовое стекло, потом метнулся назад. Выволок Лиску, словно тряпичную куклу, без признаков жизни. Потащил было Филя, но тут же понял, что дезертир мертв — куском приборной доски ему снесло половину черепа так, что мозг расплескался по подголовнику сиденья. На груди Филя лежали пушистые игральные кости.

За всеми эволюциями Лекса наблюдали трое разномастно одетых мужчин, стоящих возле боевой машины пехоты «Брэдли». Тяжелая гусеничная БМП ринулась на пикап с холма и ударила его тараном. Если бы пикап проскочил, то стрелок достал бы его из своей автоматической пушки «Бушмастер», но он не хотел тратить драгоценные заряды.

— Тут еще двое, — сказал четвертый мужчина, который сдергивал тент с погнутых кузовных дуг. — Один, кажется, дохлый, а второй пялится.

— Подбери их стволы, Рой, — велел здоровяк с длинными «белорусскими» усами.

Впрочем, здесь их скорее сравнили бы с усами Лемми из группы Motorhead.

Лекс слышал, что говорят враги, но был не в силах пошевелиться. Энергия ушла на то, чтобы покинуть кабину и вернуться за Лиской. Жива ли она — Лекс не знал и боялся даже подумать, что потерял девушку. В этот момент он любил ее так сильно, как никогда раньше.

Кто же погиб в кузове?!

Ответом Лексу стал иступленный русский мат вперемешку с кашлем. Андерс.

Стало быть, погиб Джонни. Не повезло братцам-дезертирам. Может, в самом деле, нужно было отпустить их на север... Ехали бы себе спокойно... И БМП не атаковала бы пикап...

И все были бы целы...

«Лемми» подошел к Лексу и толкнул ботинком в бок. Не больно толкнул, просто обозначил свое присутствие и главенствующее положение.

— Цел?

— Пошел ты... — прошипел Лекс.

— Баба твоя? — не обратил внимания на грубость усатый. — Баба нам пригодится, если живая... Откуда ехали?

— Пошел ты, — повторил Лекс.

— Да у нас тут герой! — крикнул своим усатый. Спрыгнув с брони, к нему приблизился плотный негр с обильным пирсингом на лице. В руке негр держал помповое ружье и ткнул им Лекса в грудь. Толчок отозвался тупой болью, и Лекс подумал, что у него сломаны ребра.

— Герой? Я не люблю героев.

— Эй, эй, Монти! — усатый отпихнул негра. — Тебе лишь бы кого-то прикончить. Не дури. Тем более можно убить человека с чувством, с фантазией, а не просто разнести ему башку из твоей пушки.

Лиска чуть слышно застонала. Негр присел на корточки и, не обращая более внимания на Лекса, быстро ее ощупал.

— Рука сломана, — сообщил он. — А она хорошенькая! Сломанная рука нам не мешает, да, чуваки?! Чур, я первый!

— Да на здоровье, — сказал «Лемми».

Тем временем двое других подвели к ним пошатывающегося Андерса. Лицо наемника было в крови, правый глаз заплыл, через всю грудь тянулась широкая кровоточащая борозда. Скривившись, Андерс выплюнул на песок зуб.

— Какого черта вам надо?! — прохрипел он.

— Да никакого, — добродушно ухмыльнулся усатый. — Развлекаемся.

Двое, что привели Андерса, заржали. Слева стоял латинос с острым лицом, похожий на хищного небольшого зверька. Справа — седой старик, видимо, олдвый байкер, в кожаном жилете на голое тело и весь покрытый татуировками на мотоциклетные и сексуальные темы. Жилет был усеян немецкими «Железными крестами» и нашивками в виде черепов. На шее висела большая золотая свастика.

— Грузите их в лимузин, — приказал «Лемми». — В лагере разберемся.

— С бабой аккуратнее, — крикнул негр.

Их обыскали и затолкали в тесный десантный отсек «Брэдли». Андерс продолжал плевать кровью, за что седой байкер пнул его в плечо и сказал:

— Приедем, заставлю тебя тут все вылизать языком, что нахаркал!

Андерс ничего не ответил, но посмотрел на байкера так, что тот заткнулся. А через минуту даже заметил:

— У тебя клевые татухи... Где бил?

— Там, куда тебя не пустят, петух, — ответил Андерс. Странно, но байкер и на этот раз не разозлился, только продолжал рассматривать богатую коллекцию на теле наемника.

Громоздкий «Брэдли», раскачиваясь, словно шкаф, куда-то полз. В десантном отсеке воняло грязными ногами и перегаром, по дну перекачивались стреляные гильзы.

Лекс завертелся, пытаясь устроиться поудобнее. Все тело жутко болело, ныли ребра, но, похоже, он отделался легче других. Лиска снова была без сознания, если вообще в него приходила. Сотрясение мозга? Вполне может быть. Ах, как же все некстати... Ну зачем они остановили пикап братьев Филя и Джонни?! Шли бы сейчас, не спеша, явно засекли бы БМП, обошли бы за тридевять земель.

Не думать о белой обезьяне, да-да.

Судя по всему, это были те самые бандиты, о которых говорили братцы. Слишком пестрая компания для дезертиров, плюс к тому ни одного в форменной одежде. Нынче им самая лафа — и Мастер, и армия Макриди мешали им распоясаться, а теперь бандитам праздник. Ооновцы еще помучаются, отлавливая этих гадов.

Под гусеницами «Брэдли» затарахтела твердая поверхность, потом снова пошел песок. Сколько же еще ехать? Лекс попытался сесть; после нескольких мучительных попыток это ему удалось. Байкер неодобрительно взглянул, но опять промолчал.

Ангел ада, мать его. В крематорий пора, а туда же. Небось еще концерт «Роллингов» в Альтамонте помнит.

Неожиданно Лиска открыла глаза.

— Где я?! — простонала она. — Как рука болит...

— Не шевелись. Рука сломана, — предостерег Лекс.

— Мы попали в аварию, да?

— Нет. На нас напали.

Лекс не стал подслащивать горькую пилюлю. Пришла в себя — пусть знает все. Зачем скрывать. Информация поможет подготовиться. Все же Лиска — не просто девушка, она боец и не раз это доказала.

— Напали? А где Андерс?

— Здесь я, здесь... — сварливо сказал наемник. — С-сука, три зуба как не было... А мне дантист обошелся капец во сколько... На Академической, там есть такой кабинет...

Но рассказать о стоматологической клинике на Академической Андерс не успел.

БМП остановилась, и байкер с видимым сожалением в голосе сказал:

— Приехали. Ох, не завидую я вам...

ГЛАВА 18 ЗАГОВОР

Каса-дель-Эскория, Мексика, декабрь 2008 года

Про убийство Фелипе знали все.

Точно так же все знали, кто убил бритоголового наркомана.

Знал, само собой, и Хесус, который сразу же по приезде велел привести Ника.

— Садись, — сказал бородач и ногой пнул к Нику плетеный стул.

Ник сел, в ногах правды нет. Как там Черчилль говорил, если не врут? Никогда не стой, если можно сидеть, никогда не сиди, если можно лежать.

— Пей, — Хесус подтолкнул к Нику хрустальный стакан. Типа тех, что у российских бабушек хранятся в сервантах с советских времен, когда они были символом благополучия. С гравировкой. Вполне возможно, советский и есть, Дятковского завода.

Они много хрусталя экспортировали и даже сейчас продолжают. Нику как-то попадались в работе довольно крупные их сделки.

Пить подразумевалось кентуккийский вискарь. Ник тут же припомнил горделивый рассказ Куаутемока о неудавшемся побеге: «Когда меня так били в первый год, я сам встал и пошел. И даже выпил с ублюдком Хесусом полбутылки американского виски».

Ник налил себе на два пальца и поднял стакан, виртуально чокаясь с Хесусом.

— Ваше здоровье, — сказал он.

Напиток обжег рот. Больше пить не нужно, подумал Ник. Ударит в голову, отвык ведь уже, да и жратва отвратная...

Хесус щелкнул пальцами, и перед Ником поставили тарелку с одуряюще благоухавшими такос. Коричневый фарш, ярко-красные помидоры, кремового цвета лепешка... Зелень...

— Кушай, — велел Хесус. Он смотрел на Ника с нескрываемым интересом. Ник пожал плечами и принялся есть. Смолотил два такос, потом сообразил, что ест чересчур жадно, и остановился. Вытер пальцы салфеткой, которые стопочкой лежали рядом.

— Ты убил Фелипе, — утвердительно произнес Хесус.

Они сидели в кабинете бородача, который разительно отличался от кабинета подполковника Магальона. Хесус любил, что называется, народные промыслы, и стены были украшены масками, плетеными циновками, вышивками, резными божками...

Среди всего этого висели копыя, кинжалы и мечи. Некоторым Ник, даже не будучи специалистом, легко дал бы несколько веков.

Отдельное место занимала большая фотография в ажурной рамке. Хесус в окружении десятка детишек разного возраста, рядом — миловидная дама с алой розой в волосах. Семейный портрет?

— Мне пришлось это сделать, — сказал Ник. — Иначе Фелипе убил бы меня.

— Фелипе такой, — подтвердил Хесус. Поскреб бороду. — Ты поступил хитро, — сказал он. — В честном бою Фелипе ты бы не одолел.

— Я умный, — хмуро улыбнулся Ник.

— Ты умный, — согласился Хесус. — Я думаю, что ты стоишь дороже, чем тот, с зубом. Кто ты?

— А подполковник Магальон ничего тебе не сказал?!

— У подполковника свои дела, у меня — свои, — уклончиво произнес бородач. — Кто ты?

— Обычный программист. Из Москвы.

— Ты не обычный программист. Я наводил справки. Тебя знают.

Ник почувствовал, как по спине бегут мурашки. Хотя это могло означать и неожиданное спасение. Вырваться отсюда, а потом...

— Ты не из последних. Ты хочешь работать на меня?

Уже лучше.

— Что я должен делать?

— Я еще не придумал. Но хороший хакер — а ты ведь хакер? — может принести пользу. Я буду честен, сам я в компьютерах ничего не понимаю. Играл несколько раз на машинке сына, могу набирать текст. Одним пальцем. Но люди получают огромные деньги. Я не стану скрывать, я торгую наркотиками. Поставляю их в Лос Эстадос Унидос. Если гринго хотят травить себя, своих женщин и детей, я готов им продавать наркотики. Это их проблема, а не моя. Но это тебя не должно волновать. Ты будешь заниматься другим.

— Не наркотиками? — уточнил Ник.

— Не наркотиками. Пей, — Хесус наплескал себе виски, быстро проглотил. Ник пригубил свой стакан. — В тебе есть стержень, русский. Я знаю, Куауतेмок говорил с тобой...

Ник напрягся. Наверное, он сделал это слишком заметно, потому что Хесус расхохотался и успокоил:

— Нет, старик не стучит мне. Старик слишком гордый, я его люблю, как только можно любить своего врага, который сидит у тебя на поводке. Он меня многому научил. Он рассказал, что учил меня?

Ник покачал головой.

— Да, старый пердун когда-то был крутым, очень крутым... Так вот, о чем я? В тебе есть стержень. В Фелипе тоже был стержень, но неправильный. У тебя — правильный.

Поэтому Фелипе сейчас гниет в болоте, а ты пьешь со мной. Кто-то скажет: этот русский убил Фелипе подло. Для меня нет таких понятий. Нужно было убить, и ты убил. Ты живой, а он мертвый. Это правильно, мужчина должен поступать именно так. Разговоры о чести — не для подобных случаев, русский. У тебя есть честь, у меня есть честь... а у Фелипе не было и не будет, потому что у мертвецов не может быть чести. У них только черви.

И бородач снова расхохотался, хлопая ладонями по столу.

Ник подумал, что все эти бандидос, убийцы и торговцы наркотиками, порой напоминают ему детей. Злых, извращенных, но все равно детей.

Детей, которых следует опасаться и не играть с ними в одной песочнице. Но предложение Хесуса стоило рассмотреть.

— Ты говорил о том, что я могу работать, — напомнил Ник, вежливо дождавшись, пока Хесус перестанет хохотать.

— Да. Взломай счет одного человека. Его зовут Луис. Я дам все номера, данные, дам хороший компьютер. Сумеешь?

— Как два пальца, — сказал Ник, хотя совершенно не был в этом уверен. Счет «одного человека Луиса» вполне мог находиться в швейцарских UBS AG, Wegelin или Credit Suisse. Туда не влезть. Как минимум — не влезть отсюда и одному.

Но ситуация оказалась значительно проще. Хесус отвел его в соседнее помещение, где на раскладном столике стоял маковский ноут. Рядом лежала распечатка — счет в одном из банков колумбийского Медельина.

Ерунда.

Семечки.

— Сколько времени тебе нужно? — поинтересовался Хесус. — Я скажу, тебе принесут еду.

— Часа три для начала, — сказал Ник.

Справился он значительно быстрее. Доступ к сети был отличный, никто не стоял над душой, и Ника подмывало написать что-то типа «Спасите! Помогите! Я там-то и там-то!».

Он едва удержался от соблазна, потому что понимал — надеяться можно только на себя.

Хотя... Написать Дуровым?! Он их не видел пару лет, но...

Нет.

Ник едва не шлепнул себя левой рукой по правой, тянущейся к клавиатуре.

Только на себя.

...Хесус был на седьмом небе от счастья. Ник выдал ему весь график операций по счету за последние два года. Цифры как цифры, но для Хесуса они значили что-то значительно более важное. Он хлопнул Ника по плечу и отослал обратно во «внутреннюю зону», а вместе с ним отправил специального человека с полной сумкой еды.

Бад изумился, когда Ник выставил бутылку хорошей текилы, свежие овощи, жареное мясо, еще теплые и мягкие лепешки, холодное баночное пиво... Похоже, он заподозрил нечто нехорошее, но Ник тут же объяснил ему — все нажито честным и непосильным трудом.

Ну, положим, не таким уж честным и не столь уж непосильным...

Опомнившись, Ник сбегал и пригласил Куаутемока. Однако мексиканец вопреки ожиданиям отказался.

— Я отвык от такого, — сказал он, покуривая свою «Монтану». — Если будешь так добр, то оставь мне немного текилы и баночку пива. Излишества вредят здоровью.

Вернувшись, Ник плюнул на все и предался чревоугодию, после чего страдал всю ночь. Видимо, Куаутемок был прав — желудок довольно быстро отвыкал от хорошего...

За следующую неделю Ник еще несколько раз приходил в комнатку с раскладным столиком. Некоторые задания Хесуса были простыми донельзя — переслать фотографию голого пузатого латиноса в объятиях двух голых же трансвеститов на несколько адресов с фальшивого ящика. Написать какую-то гадость на испанском языке на рекламном экране в Мехико. Иные — сложнее, типа взлома счетов или сайтов. Но ничего экстраординарного. Ничего, чем Ник мог бы гордиться или о чем сожалеть. Они с Бадом начали хорошо питаться, являя предмет для зависти со стороны других заключенных. Ник не мог понять одного — почему бородач попросту не переселит их из «внутренней зоны» в административное здание. Так было бы удобнее во всех отношениях. Но у Хесуса была своя философия, весьма извращенная и сложная, которую Нику постичь не светило.

Походы туда и обратно тем не менее приносили свою пользу.

Ник фиксировал расположение вышек, автомобилей, повадки часовых, то, как открываются и закрываются ворота, где под забор подкапываются свиньи, регулярно удирающие за территорию... Завел знакомства с парой охранников, более-менее болтавших по-английски и понимавших, что у босса с «этим русским» отношения не такие уж простые. Один из них, Джонатан, пацаном снимался в эпизоде фильма Сергея Бондарчука «Красные колокола» о мексиканской революции 1910–1917 годов. Роль была несложная, пробежать туда-сюда, но Джонатан вертелся на съемочной площадке и даже выучил несколько русских слов, преимущественно матерных.

Все складывалось здорово, и на землю с небес Ника регулярно возвращал лишь Бад.

Он напоминал, что вообще-то Хесус работает на подполковника, и если Магальон в один прекрасный день решит их провести и ускорить события, все рухнет.

Ник и сам это понимал. Но вкусная еда и благосклонное отношение бородатого Хесуса усыпляли инстинкт самосохранения.

Первый звонок прозвенел, когда Хесус приехал разъяренным. Он вел себя не так, как обычно, и даже пихнул Ника кулаком в спину. Что за проблемы у бородача, Ник не смог узнать, но убедился, что все добродушие хозяина Каса-дель-Эскория — показное.

— Нужно отсюда валить, — решительно сказал он Бад, в очередной раз, вернувшись в свою клетушку.

— А я давно говорил, — согласился бывший инфотрейдер. Период «непробиваемого» пессимизма у него прошел вместе со смертью злополучного Фелипе. А потом Бад еще немного отъелся на дарах Хесуса и теперь смотрел на жизнь вполне сносно.

— Из «внешней зоны» сбежать значительно проще. Вопрос в том, как нам попасть туда втроем.

— Втроем?! — Бад вытаращил глаза. — Не понял... Я вижу тут только меня и тебя. Кто третий?

— Куаутемок, — коротко ответил Ник.

— Что за фигня?! — Бад вскочил с койки. — На черта нам этот старый хрен?! Он сидит тут за дело, у него небось на руках крови больше, чем в Яузе нефтепродуктов! С какой стати я должен ему помогать?

— Потому что он помог мне. Нам, — поправился Ник.

— Мне он не помогал. Тебе — да, наверное. Но это не повод... К тому же ты еще не спрашивал у старика, хочет ли он вообще отсюда убраться. По-моему, ему здесь нравится. Сядет задницей на травку и курит. Чем не дом престарелых? Только старух не хватает, да ему вроде и не надо.

— Ладно, я спрошу, — сказал Ник и ушел, оставив Бада чрезвычайно сердитым.

Куаутемок поначалу и в самом деле отказался.

— Я для вас обуза, — заявил он, как всегда, улыбаясь. — К тому же даже вдвоем выбраться отсюда вам будет очень трудно. Не хватало еще таскать за собой мою дряхлую тушу.

— А как насчет того, чтобы обусть Хесуса?! — хитро прищурившись, поинтересовался Ник.

Куаутемок даже выронил окурок сигареты.

— Ты хитрая бестия, — заметил он. — Знаешь, чем меня уесть. Да, обусть Хесуса — это красиво. Дорого я дал бы, чтобы увидеть его отвратительную рожу, когда он узнает, что меня здесь больше нет. Если получится сбежать живым, я буду слать ему телеграммы каждый день!

— С радостью отправлю за тебя парочку из Москвы, — пообещал Ник. — Пусть поломают голову.

Но все упиралось в невозможность попасть во «внешнюю зону» втроем. Даже Бада протащить туда было сложно. Раньше Хесус вызывал их вместе, но потом стал таскать лишь Ника по своим делам, а про Бада словно забыл.

Требовалось срочно сочинить правдоподобную историю.

И ее придумал хитроумный Куаутемок.

— Хесус жаден, — сказал он. — Жаден, но умен. Иначе не я сидел бы в его личной тюрьме, а он в моей. Видит Иисус, я обращался бы с ним куда более учтиво...

— К делу, — перебил Бад, которому мексиканец по-прежнему не нравился.

— Хесуса можно обмануть деньгами. Моими деньгами, — значительно произнес Куаутемок. — Я скажу ему, что есть старые счета. Куда я клал деньги, еще когда находился на свободе и ездил на своем белом «роллс-ройсе» с девочками. Я скажу, что на старости лет хочу уехать куда-нибудь в деревню и там на свежем воздухе провести последние годы жизни. За это я готов отдать ему все деньги.

— В чем фишка? — спросил Бад.

— Я совру, что не помню пароли, чтобы перевести деньги со своих счетов на счета Хесуса. Я стар, меня часто били по голове...

И Куаутемок подмигнул.

— Допустим, это поможет нам с тобой пройти во «внешнюю зону» и в административное здание, — задумчиво сказал Ник. Лиса показывала, что Куаутемок, как и раньше, не врал. Он в самом деле не помнил паролей. Или...

Или у него есть предмет, нейтрализующий лису?!

Ник взгляделся в прищуренные веселые глаза мексиканца. Нет, никакого разноцветья, являющегося непременным спутником предмета. И все же... Все же что-то с Куаутемоком было не так. Линзы? Да какие линзы здесь... Ладно, решил Ник, это все потом.

— Что делать с Бадом?

— Бада придется оставить, — со вздохом развел руками Куаутемок.

И громко рассмеялся, когда бывший инфотрейдер выставил в его сторону палец, не

находя слов.

— Успокойся, успокойся... Никто тебя не бросит. Чем примитивнее план, тем проще, вот чему учит меня долгая жизнь. Ник, ты просто возьмешь его с собой.

— В смысле?! — не понял Ник.

— Скажешь, что приятель заболел. И, раз уж тебя вызвали в административное здание, ты его заведешь к врачу, потому что сам он идти не может. Эй, ты подыграешь? — обратился мексиканец к Бадю. — Сможешь в нужный момент блевать, дристать или делать что-то еще?

— Смогу, — кисло ответил Бад.

— Молодец. Итак, мы с Ником идем к Хесусу переводить мои денежки. Меня он вообще не побоится, считает старым и дряхлым... А ты — больной. Никто ничего не заподозрит. Дело должно выгореть.

— Я одного не понимаю, — сказал Бад, глядя то на Ника, то на Куаутемока. — Мы попадем во «внешнюю зону», допустим. Мы войдем в административное здание. Дальше-то что?! Кругом уроды с автоматами, да и у Хесуса руки не из говна.

— О, это мелочи, мой русский друг, — загадочно произнес Куаутемок, с треском распечатывая свежую пачку сигарет. — Это предоставь мне. И все будет хорошо.

Первая часть плана и в самом деле удалась.

Через два дня после совещания заговорщиков за Ником пришел Израэль. Человек с татуировкой на лбу теперь относился к нему дружелюбнее, если вообще этот термин был применим к Израэлю. Бад среагировал сразу — свесился с койки и принялся издавать отвратительные звуки, словно его тошнило.

— Мой друг чем-то отравился, — сказал Ник. — Ему нужно к доктору.

Израэль нахмурился.

— Я не хочу его тащить.

— Я помогу, — раздался добродушный голос. — Хесус сказал тебе, что я должен прийти вместе с русским?

— Сказал, — Израэль с подозрением посмотрел на Куаутемока.

— Ну, так идемте, зачем заставлять ждать моего старого друга?!

Опираясь на Куаутемока и Ника, бывший инфотрейдер ковылял к выходу, корча страдальческие рожи. На взгляд Ника, он слегка переигрывал, но Израэль не разглядывал больного.

Как обычно, отперли и заперли вслед за ними дверь в решетке между «внутренней» и «внешней» зоной. Израэль шел впереди.

— Я волнуюсь за транспорт, — шепнул Ник, убедившись, что Израэль не слышит. — В это время там иногда стоят две машины, редко — три, но бывает, что и ни одной.

— Уповай на Христа, — прошептал в ответ Куаутемок.

— Аллилуйя, — издевательским тоном добавил Бад.

Христос сегодня был на их стороне. На стоянке торчали два джипа и «сандкэт».

Впрочем, пока это ничего не значило. Как не значило и то, что у входа дежурил кинозвезда Джонатан, приветливо кивнувший Нику.

Хесус сидел у себя в кабинете. Когда вся троица в сопровождении Израэля вошла туда, бородач нахмурился.

— Зачем вы притащили сюда эту дохлятину?! — возмутился он.

— Мой друг болен. Он чем-то отравился, — пояснил Ник.

— Так покажите его Леонардо! Леонардо сидит в другой комнате. Израэль, ты сошел с ума?!

Человек с татуировкой на лбу повернулся к ним, и Куаутемок сделал неуловимый шаг ему навстречу.

— Все в порядке, — сказал он, сделав мимолетное, плавное движение рукой.

— Э... — выдохнул Израэль.

Он взглянул вниз, и в следующее мгновение его живот распахнулся. На выскобленный

дощатый пол обрушился водопад крови и сизых петель кишечника. Хесус вскочил, но Куаутемок с невероятной для его возраста скоростью перемахнул через стол и ударил бородача кулаком в лоб.

Ник тоже не терял времени. Он увидел, как Израэль падает на колени, пытаясь подхватить руками вываливающиеся кишки, и пнул его ногой. Подавляя брезгливость, вытащил из мокрой от крови кобуры пистолет со стразами на рукояти, сунул, не глядя, Баду. Вытащил второй. Запасные обоймы искать было некогда.

— Секунду, — сказал Куаутемок, стоя рядом с обмякшим в своем кресле Хесусом. — Нельзя останавливаться на середине. Я должен сделать все так, как нужно. Выйдите в коридор, друзья, и проследите, чтобы мне никто не помешал.

В коридоре никого не было.

— Старикан чокнутый, хоть и сделал все красиво, — буркнул Бад. — Но мы еще попадем с ним в передрагу, попомни мои слова...

В этот момент Куаутемок вышел вслед за ними, вытирая окровавленные руки.

— Я давно не был так счастлив, — сказал он.

Ник успел заглянуть в приоткрытую дверь.

Хесус лежал на полу рядом с еще живым и подергивающимся помощником. Вокруг шеи его были обмотаны кишки Израэля, а изо рта торчал багровый язык.

Джонатана Ник просто ударил по затылку рукоятью пистолета. Может быть, охранник не только снялся в эпизодической роли в советско-мексиканском фильме, но убил десятка два человек, но чем-то он Нику нравился. К тому же после зрелища удушенного чужими кишками Хесуса ему не хотелось убивать попусту.

Никто не обращал на них внимания, даже на Куаутемока, шествовавшего впереди с руками в крови по локоть.

Засекли их уже возле машины, и то потому, что Куаутемок резким ударом сбросил с капота «сандкэта» сидевшего там с сигарой водителя. Водитель вскрикнул, упав на землю, Куаутемок добавил ему ногой.

— Быстро в машину! — крикнул он.

Ник не заставил себя долго ждать. Он запрыгнул на удобное сиденье, поискал ключ.

Вот он. Рядом уже втискивался мексиканец, а Бад проскользнул в люк, развернул турель и дал короткую очередь по двум ближайшим вышкам. С одной тут же свалился охранник, всплеснув в воздухе руками. Заключенные «внешней зоны» завопили, заверещали и бросились кто куда, спасая свои шкуры и пытаясь не угодить под шальную пулю.

Ник рванул «сандкэта» назад, ударив кормой в ворота. С ними справилась бы даже более легкая машина — деревянный каркас, забранный колючей проволокой, бронированный «сандкэт» выбил с легкостью. Со двора хлестнули несколько автоматных очередей, это опомнившиеся охранники залегли и принялись обстреливать беглецов. «Сандкэту» это ничуть не вредило, но Ник на всякий случай прибавил скорость, хоть и двигался задним ходом.

— Разворачивайся! — рявкнул Куаутемок.

Ник вдавил в пол педаль тормоза, резко развернулся. Из-под колес взлетел вихрь грязи и выдранный протекторами травы. «Сандкет» буквально прыгнул с места и понесся по ухабистой дороге. Вслед по-прежнему хлестали автоматные очереди, а сверху огрызался пулемет Бада.

Впереди мелькали широкие листья, яркие цветы... «Сандкет» скакал, словно горный козел, Ник едва удерживал массивный руль. И вдруг стало тихо. Внезапно, словно кто-то повернул ручку громкости.

— Ушли, — деловито сказал мексиканец. — Эй, смотри, не гонятся ли за нами!

— Я не могу... — послышался тихий голос Бада.

И Ник почувствовал, как ему на шею падают тяжелые горячие капли.

...Погони не было. Или они оторвались так далеко, или свернули не туда, или охране Каса-дель-Эскория, в одночасье потерявшей все руководство, сейчас было не до беглецов.

Ник остановил «сандкет», съехав с дороги на небольшую солнечную полянку. Куаутемок выволок из машины Бада, который тяжело дышал. Из двух пулевых ранений в груди текла кровь. Из одного — темная, почти черная, из другого — ярко-алая...

— Вот так и кончилась эта гулянка, — пробормотал Бад и закашлялся.

Теперь кровь хлынула еще и изо рта.

— Ты держись... — Ник не знал, что делать. Наверное, где-то в машине была штатная аптечка, но он понимал, что Бада не спасти. Современная больница, возможно... Но где она была, та больница?!

— Да что теперь держаться... Ты прости, Ник. Это все из-за меня...

— Брось!

— Не брошу... А главное, я так и не сказал тебе... Лекс... Лекс, он... Ты не знаешь...

Глаза Бада закатились, и Ник легонько потряс умирающего друга.

— Что?! Что ты хотел мне сказать?

— Лекс... Я же искал информацию... Я узнал... Ты хотел знать, кто вы друг другу... Ты не в курсе, чувачок, но Лекс — он... он...

Бад захрипел, и голова его бессильно свесилась набок.

— Бад! — закричал Ник, теперь уже тряся его изо всех сил. — Бад, очнись! Бад!

На его плечо легла тяжелая рука.

— Он умер, — спокойно сказал Куаутемок. — Не тревожь его...

Хоронить Бада они не стали, потому что не имели для этого времени. Их могли преследовать. Мексиканец объяснил, что душа убитого и так найдет свое место, а для тела нет ничего лучше, чем уйти в землю и возродиться из нее.

Ник не возражал. Ему было все равно. И не только потому, что Бад не успел сказать что-то важное, что-то такое, что он хотел знать всю свою жизнь.

Никто за ними не гнался, и, когда Куаутемок попросил остановиться, Ник послушно нажал на тормоза.

У него внутри было пусто. Пусто и гулко, словно в кувшине.

— Выйди, — велел мексиканец.

Ник вышел.

— Помнишь, я рассказывал тебе про хитрость Тецкатлипоки? — спросил Куаутемок.

— Помню...

— Так вот что случилось дальше, — неожиданно привычная улыбка сошла с приветливого лица мексиканца. — Тольтеков так измучило колдовство Тецкатлипоки, что вскоре им стало ясно, что счастье их на исходе и близится конец их империи.

Кецалькоатль, испытывая глубокую печаль от того, какой оборот приняло дело, решил покинуть Толлан и отправиться в страну Тлапаллан, откуда он и прибыл когда-то со своей миссией принести людям цивилизацию. Он сжег все дома, которые построил, и схоронил свои сокровища, состоявшие из золота и драгоценных камней, в глубоких долинах между гор. Он превратил деревья какао в акации и приказал всем птицам с красивым оперением и голосом покинуть долину Анауака и следовать за ним в его странствии, которое должно было охватить более ста лиг. По пути из Толлана он обнаружил огромное дерево в местечке под названием Куатитлан. Там он отдохнул и попросил своих слуг дать ему зеркало. Разглядывая себя в отшлифованной поверхности, он воскликнул: «Я стар!» В Коаапане его встретили боги народа науа, враждебно относившиеся к нему и к тольтекам.

«Куда ты идешь? — спросили они его. — Почему ты покидаешь свою столицу?»

«Я иду в Тлапаллан, — ответил Кецалькоатль, — откуда я и пришел».

«По какой причине?» — продолжали настаивать колдуны.

«Мой отец Солнце позвал меня оттуда», — ответил Кецалькоатль.

«Тогда иди спокойно, — сказали они, — но оставь нам секрет твоего искусства, секрет выплавки серебра, обработки драгоценных камней и дерева, живописи и составления мозаик из перьев и другие».

Но Кецалькоатль им отказал и выбросил все свои сокровища в источник Коскаапа.

В Кочтане ему повстречался другой колдун, который спросил его, куда он идет, и, получив ответ на свой вопрос, предложил ему глоток вина. Попробовав его, Кецалькоатль почувствовал неодолимую сонливость. Продолжив свое путешествие утром, бог прошел между вулканом и Сьерра-Невадой, где все сопровождавшие его слуги умерли от холода.

Он очень сожалел об этом, тосковал, оплакивая их судьбу самыми горькими слезами и печальными песнями. Достигнув вершины горы Пояутекатль, он съехал по льду к ее подножию. Когда он добрался до морского побережья, он встал на плот из змей, который и унес его в страну Тлапаллан.

Куаутемок откашлялся, закончив свой рассказ, и снова заулыбался.

— Поезжай по этой дороге, — сказал он. — Там будет деревня. В деревне найди старика, его зовут Мешитли. Скажешь ему, что тебя послал я. Он поможет попасть в Лос Эстадос Унидос, если тебе по-прежнему это нужно...

— А ты?

— А я?! — Куаутемок помолчал. — А я отправлюсь в страну Тлапаллан. Прощай.

И мексиканец, повернувшись, неторопливо зашагал по лесной дороге прочь от автомобиля. А когда он свернул за поворот, на мгновение Ник увидел вместо него огромного змея с длинными зелеными перьями.

ГЛАВА 19 ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Детройт, Соединенные Штаты Америки, апрель 2009 года

Крупнейший автопромышленный центр США, сейчас Детройт являл собой жалкое зрелище. Отток населения в пригороды начался еще в пятидесятые, в связи с началом правительственной программы по заселению чернокожими гражданами центра города. Среди них из-за бедности и безработицы процветала преступность, так что Детройт быстро приобрел дурную славу как один из самых «черных» и опасных городов Америки. А в семьдесят третьем разразился нефтяной кризис, который привел к банкротству многих американских автомобилестроителей, автомобили которых, прожорливые и дорогие, не могли больше конкурировать с экономичными японскими марками. Заводы один за другим начали закрываться, люди теряли работу и уезжали из Детройта. Население Детройта сократилось в два с половиной раза. Целые районы города оказались оставлены жителями. Небоскребы, заводы, жилые кварталы стояли заброшенными и разрушались от времени и вандализма.

Город попытался выкрутиться и продавать свои развалины Голливуду в качестве фона для различного рода антиутопий и мрачных сцен преступлений. По обилию руин с Детройтом трудно конкурировать — в нем примерно восемьдесят тысяч полуразрушенных и заброшенных зданий. Их не снесли главным образом потому, что у города на это нет денег. Кроме того, некоторые владельцы зданий предпочли сохранять ветхие постройки в надежде, что земля в центре рано или поздно подорожает. Что касается преступности, то когда одного кандидата в мэры попросили объяснить, почему в Детройте в последние годы сокращается число убийств, тот мрачно ответил: «Просто больше некого убивать».

Именно здесь сейчас и находился Ник.

— Паук работал триста лет и сетью мир оплел... — бормотал он, словно походную песенку без начала и конца, запущенную по кругу. — Паук работал триста лет и сетью мир оплел...

«...Существует только две возможности встретиться с владельцем паука. Первая — если он захочет, чтобы эта встреча состоялась. И тогда она состоится в нужное время в нужном месте. Вторая возможность — это лиса».

Слова Мусорщика оказались верными. И сейчас Ник шел по Джефферсон-авеню, чтобы встретиться с Синкой. Весь город вокруг был в буквальном смысле затянут паутиной.

Сплетенные Синкой тенета переплетались с обычными ажурными паучьими трудами, опутавшими заброшенные небоскребы. Это было самое подходящее место для паука, и Ник не понимал, как он не мог догадаться об этом раньше.

После своего бегства на «сандкэте» он все сделал, как велел ему Куаутеок. Нашел старика Мешитли. Немногословный старик перевел Ника через границу так, что Ник этого даже не заметил. «Вот и все, — сказал Мешитли, стукнув клюкой о землю. — Ты уже в Штатах».

Некоторое время пришлось затратить на обустройство в чужой стране. В конце концов, у Ника не было ни денег, ни документов, ни возможности раздобыть их легально. Можно было сдаться, и его просто депортировали бы в Россию. Но Ник не для того сидел в мексиканской тюрьме и даже убивал, чтобы сесть в «Боинг» и улететь в Шереметьево.

Поэтому он прибил к коммуне хиппи, людей веселых, а главное, не спрашивающих, кто ты и откуда. Раздобыл ноутбук, вошел в сеть. Перевел кое-какие деньги с кое-каких счетов, к которым у него имелся доступ. Купил поддельное водительское удостоверение на имя некоего Дэниела Гаррисона. Приобрел автомобиль — неприметную, выдающую виды серенькую «хонду». Хотел было даже вновь завести шашни с Исин, но вовремя передумал, когда вспомнил их последние взаимоотношения.

У Ника было и без того достаточно проблем, чтобы добавлять к ним споры с виртуальными личностями.

Он жил в небольших дешевых мотелях и плел свою паутину. То, что не могла сделать лиса, Ник делал сам. Закидывая крючки на форумах, представляясь кем угодно, от неофашиста до последователя Махатмы Ганди, разглагольствовал о том, что нужно уничтожить всех евреев и черных, параллельно пропагандируя мир во всем мире и отказ от насилия. За пару месяцев Ник едва не забыл, кто же он такой на самом деле.

И усилия не были тщетными. Он вышел на Синку.

Ну, или Синка вышла на него.

На один из электронных адресов gmail, которые завел себе Ник, пришло письмо. Коротенькое, с явно одноразового адреса, представлявшего собой сочетание цифр.

«Ты меня ищешь? Я знаю, ты в Америке. Можем встретиться. Синка».

Ха.

Конечно же, так сразу Ник на письмо не повелся. Он попросил предъявить доказательства. Что-то такое, о чем знают только Синка и он.

В ответ на него высыпалась целая тонна фактов, имен, дат, событий, что стопроцентно подтверждало — на той стороне провода и в самом деле она. Девушка, которая наняла киллера, чтобы его убить. Мировое зло с разноцветными глазами.

Казалось, что монитор ноутбука медленно затягивается сеточкой паутины...

Они договорились встретиться в Детройте. В умирающем городе, в еще живой его части — на набережной возле Ривард Плаза. Около карусели с бело-синим тентом.

Карусель в данный момент не работала. Двое угрюмых негров в спецовках возились с двигателем, чертыхаясь и брэнча железяками. Лошадки уныло повесили головы, потому что в их седлах не было детишек с попкорном и леденцами в руках.

Шел мелкий дождик, и Ник открыл зонтик, купленный на улице за два бакса. Он пришел вовремя, а вот Синка опаздывала.

А может, она и не собиралась приходить.

А может, сейчас подкатит фургон с заляпанными грязью номерами, откроется боковая дверца, и его зашвырнут внутрь на глазах изумленных негров.

А может, это была вовсе не Синка.

— Привет.

Она подошла совсем неслышно и стояла, облокотившись на парапет.

— Привет...

Синка ничуть не изменилась. То же лицо, те же глаза, тот же взгляд. Легкомысленная коротенькая юбочка-волан, совсем не сочетающаяся с кожаной курткой, проклепанной в

сотне мест.

— Ты меня нашел.

— Или ты меня нашла?

— Какая разница. Главное, что мы стоим тут и разговариваем. Может, зайдём в какое-нибудь кафе? Дождик...

— У меня есть зонтик. Иди сюда.

И Синка встала под зонт рядом с Ником. От нее пахло хорошими духами, тонкий, чуть сладковатый аромат.

— Да, это даже странно, что мы стоим тут под одним зонтом и разговариваем, — тихо сказал Ник. — Особенно после того, как ты наняла киллера, Хохла, чтобы меня убить.

— Контракт не был выполнен.

— Твоей заслуги в этом нет.

— И поэтому ты искал меня? Или потому, что тебе приказал сеньор Пимонно? Представитель папы?

Ник замялся.

— Мне никто не приказывает, — произнес он.

Один из чернокожих ремонтников прищепил палец и принялся отчаянно ругаться. Проходящий мимо степенный старичок с возмущением посмотрел на него, потом на парочку под зонтом, покачал головой и удалился.

— Мы, наверное, похожи на влюбленных, — заметила Синка. — А насчет контракта... Я рада, что он не был выполнен. Все это было ошибкой, Ник.

— На кого и зачем ты работаешь?! — прямо спросил Ник.

Синка поводила пальцем по ручке зонтика.

— Часть вечной силы я, / Всегда желавший зла, творившей лишь благое. / Я отрицаю все — и в этом суть моя. / Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться, / Годна вся эта дрянь, что на земле живет. / Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться! / Короче, все, что злом ваш брат зовет, — / Стремленье разрушать, дела и мысли злые, / Вот это все — моя стихия, — с чувством продекламировала она. — «Фауст» Гете. Слова Мефистофеля.

— Ты опять не ответила на вопрос. Так и будешь увиливать?

Аура Синки была почти черной. Ничего удивительного; Ник старался ее даже не замечать, смотрел сквозь нее.

— Я не очень хотела с тобой встречаться, Ник. Ты понимаешь, как много изменилось с тех пор, когда наши отношения были другими. Но потом я поразмыслила и именно ради этих наших отношений, ради всего, что когда-то произошло, я пришла на эту набережную. Я знаю про твою одиссею, про то, как ты разыскивал меня и Лекса...

— Лекса?! — перебил Ник. — Ты что-то знаешь о Лексе?

— О Лексе я ничего не знаю, — покачала головой Синка. — Он исчез. Вылетел с одного из островов Карибского бассейна, самолет упал в Канаде, на острове Сомерсет, если только тебе что-то говорит это название. Это была операция Четвертого Рейха. Место авиакатастрофы нашли, но среди погибших Лекса не обнаружили. Возможно, он попытался выбраться с острова и погиб. Это север, без специальной подготовки там трудно выжить...

— А ты, стало быть, никакого отношения к Рейху не имеешь?

«Это Лотар Эйзентрегер. Ключевая фигура в международной организации, которая называет себя Четвертым Рейхом. Организация очень могущественная, она контролирует деятельность многих крупных корпораций, в том числе военных... Макс Шмитке, доверенное лицо Лотара Эйзентрегера, его ближайший помощник».

А рядом с автомобилем на фото стоит Синка и смотрит в сторону объектива.

«Западный Берлин, июль две тысячи первого года. Офис компании «Магнетик индастриз». На следующий день после этой встречи Синка вылетела в Россию. Там мы не смогли ее отследить».

Аура стала еще чернее, если только это было вообще возможно, потом прояснилась.

— А то ты не знаешь, — улыбнулась Синка.

«Мы узнали, что у нее есть паук. И что она охотится вот за этим», — и Пимонно поднял руку с цепочкой, на которой болталась фигурка лисицы.

Какой же я идиот, подумал Ник. Жизнь бьет и по голове, и по ребрам, и по заднице, а я все такой же идиот, как и раньше. Ничему не научился, ничего не понял... И поделом же мне, идиоту. Поделом.

Ник ничуть не удивился, когда к парапету подкатил фургон без окон, с заляпанными грязью номерами, и взвизгнул тормозами, резко остановившись. Что уж, в который раз на те же грабли. Негры разинули рты, один даже выронил гаечный ключ. Со скрежетом отъехала в сторону боковая дверь фургона.

А вот дальше все пошло совсем не так, как нарисовал себе Ник.

Синка выскользнула из-под зонта и ловко вспрыгнула на парапет. Еще одно движение — и девушка рыбой ушла в темную воду. Ник едва не кинулся вслед, но его крепко схватили за плечи и поволокли внутрь фургона.

— Не сопротивляйтесь! — крикнул кто-то по-русски. — Мы — друзья!

Одновременно с этим Нику совсем не по-дружески завернули куртку на голову и толкнули на жесткий пол. Снаружи раздались несколько выстрелов и сокрушенный голос:

— Ушла, сволочь...

— Все, поехали, пока не прибыли менты! — рявкнул еще кто-то, взревел мотор, и фургон понесся прочь.

Ник почему-то ожидал, что его сейчас начнут бить, но все снова пошло не так. Его аккуратно подняли с пола, усадили на сиденье и сняли с головы куртку.

— Ну и дурак же ты, земля, — укоризненно сказал Нику человек, сидящий напротив.

Это был Паша, брат Коли.

Фургон долго трясся по каким-то закоулкам, огромным заброшенным промзонам, после чего въехал в ангар, и вся компания пересела во вполне приличный лимузин «линкольн». В России на таких любят возить свадьбы.

«Вся компания» означало Пашу и еще двоих, тоже русских. Раньше Ник никогда их не видел. Толстяк, который сидел за рулем, отрекомендовался Володи, а второго все звали Иваныч. Судя по атлетической фигуре и шрамам на лице, спортсмен или военный. Или то и другое вместе. В подмышечной кобуре Иваныча висел автоматический пистолет Стечкина. Видимо, это он стрелял в Синку.

Пока они мотались по Детройту, Паша ничего объяснять не стал. А вот когда они разместились в лимузине — Володя снова отправился за баранку, а Иваныч сел с ними в хвост, — Паша достал из ведра со льдом бутылку калифорнийского шампанского и хлопнул пробкой в потолок, сказавши:

— Ну, с возвращением, блудный сын. Андрей Львович будет счастлив.

— Я уже отписал ему, — сообщил Иваныч.

— Ничего не понимаю... — сказал Ник, принимая ледяной фужер. Иваныч ломал шоколадку «Аленка», содрал с нее серебристую фольгу. В вазе лежали бананы и сочные даже с виду груши. Из скрытых динамиков еле слышно заиграла музыка. «Ранетки», чтоб они сгорели. Но сейчас Ник был готов расцеловать во все места даже этих бездарных кикимор.

— А что тут понимать? — Паша строго посмотрел на Ника. — Ты дурак, я же говорил. Кстати, где мой коммуникатор, что я тебе подарил?

— В Мексике, в Сьюдад-Хуаресе, — слабо улыбнувшись, сказал Ник. — У меня его отобрали при аресте.

— Как они у тебя башку не отобрали... — проворчал Паша. — Ладно, чокнемся...

Фужеры отозвались тоненьким звоном.

Ник отпил шампанского и выглянул в окошко, чуть отодвинув шторку. Лимузин ехал по пригородам Детройта и, кажется, уже почти выбрался из умирающего города.

— Мы едем в Вашингтон, в посольство Российской Федерации на Висконсин-авеню, — пояснил Паша, взяв квадратик «Аленки». — Иваныч, там икра черная в холодильнике,

сделай пару бутербродиков, будь ласка...

— Сейчас, — сказал Иваныч.

— Спасибо... Так вот, дружище Ник, скажи спасибо, что есть такой человек, как Андрей Львович Гумилев. Именно его ты должен благодарить за то, что хлебаешь сейчас неплохое игристое вино и даже закусишь его икоркой, а не плаваешь брюхом вверх в озере Мичиган. Хотя нет, плавал бы ты еще нескоро. С тобой до того долго-долго и больно-больно разговаривали бы нехорошие люди.

— Эйзентрегер?

— И Эйзентрегер в том числе. Я просто хреню с господина Пимонно, — покачал головой Паша. — Из всех вариантов выбрать самый нелепый! Все же бога действительно не существует, иначе он давно бы поразил Ватикан своими супермолниями и файерболами. Зачем ты поперся в Мексику, скажи мне?!

— Я искал Лекса, — честно признался Ник.

— Лекса он искал... Лекса мы тоже искали. Нет твоего Лекса. Пропал. И что было первостепенным объектом твоих дурацких поисков? Лекс или Синка?

— Лекс... Или Синка. Нет, пожалуй, все же Лекс.

— Хорошо хоть так. В противном случае мы бы тебя вряд ли сейчас выслушивали. Дурацкие поступки не поддаются никакой логике, потому ты и добрался аж до Детройта без особых потерь... Кстати, а где Бад?

— Бад погиб. В Мексике, когда мы бежали из тюрьмы.

— Ишь ты. Выкрутился, получается... Он такого тут наворотил. Хотя ну его, о покойниках или ничего, или хорошо, аут бене аут нихиль... Да и вообще, довольно о делах минувших дней. Лису-то не потерял?

Вместо ответа Ник сунул руку в кармашек и достал фигурку зверя. Паша потянулся было к ней, чтобы взять и рассмотреть поближе, но в последний момент отдернул пальцы. Словно испугался удара электрическим током.

— Хорошо хоть так, — повторил он.

Ник спрятал лису.

— Бутеры, — сообщил Иваныч, выставляя тарелку с щедро намазанными икрой и маслом ломтями белого хлеба. — Ешьте, нам ехать еще долго, а останавливаться по всяким закусочным не стоило бы.

Ник взял бутерброд, но так и держал его в руке, не откусывая. Перед глазами почему-то прокрутились кадры последних событий: Синка, прыгающая в воду...

— А зачем я понадобился Гумилеву? — спросил он.

С аппетитом жующий Паша поднял палец, дожевывая, проглотил и сказал, словно о чем-то совершенно незначительном:

— Видишь ли, Андрей Львович, похоже, решил объявить войну Четвертому Рейху.

ГЛАВА 20 FALLOUT 3

Невада, Соединенные Штаты Америки, 2014 год

— Брат! Ты случайно не был на байк-фесте в Малоярославце в две тысячи шестом?

Лекс прислушался. Судя по всему, говорил все тот же седой байкер со свастикой на шее, и обращаться он мог только к Андерсу.

— А если бы и был, — послышался брюзгливый голос наемника. — Какая тебе, на фиг, разница? Молочного брата встретил?!

— Я тоже был... Я тебя запомнил, у тебя на правой бицухе татуировка змеи... Классно выполнена. Ты помнишь, мы пили самогон? Меня зовут Кен, Кен-Бомбер, помнишь?!

Андерс грязно выругался.

— Зря ты так, — укоризненно сказал Кен. — Я бы мог посодействовать. Я же понимаю,

что скоро все кончится.

— Да пошел ты... Надеюсь, вас всех линчуют в местных традициях. И красиво развешат на деревьях.

«А ведь это он напрасно, — подумал Лекс. — Самое время подыграть байкеру. Может, что-то полезное из этого и получилось бы. Конфронтация уж точно не поможет...»

И Андерс сообразил.

— Погоди... — нерешительно сказал он. — Это у тебя был переделанный полицейский «харлей» с языками пламени на бензобаке? «Полис спешиал» пятьдесят первого года?

— Ну! Точно! — обрадовался Кен.

— И тебя еще дразнили: «Кен, Кен, где твоя Барби?!»

— Ну да! Да!

— Собака дикая... И что ты здесь делаешь?! Почему таранишь меня своим сраным танком?

Похоже, Андерс просек фишку и начал разрабатывать случайное знакомство.

«Мир тесен, — подумал Лекс, — мир тесен».

— Я тебя не таранил! И это не танк, а боевая машина пехоты. Ну и если бы я знал... Каким ветром тебя сюда вообще занесло, брат?!

— Да вот как-то так сложилось, брат, — в унисон отвечал Андерс. Ума ему не занимать, свою роль он сыграет. — Болтался там-сям, ты же понимаешь, все эти армии для беспечного ездока не годятся...

— Не то слово, брат! Я тоже, как видишь, сам по себе. Пока колеса подо мной...

— А у тебя есть колеса?!

— А то! Мой старый «полис спешиал», я его берегу, как свои яйца! А поскольку яйца мне уже скоро не пригодятся по старости, то байк я берегу куда тщательнее!

Приятели заржали, послышался шлепок ладони о ладонь. Андерс исправно играл свою роль.

— И куда ты меня привез, Кен? Здесь есть Барби?

— Слушай, все изменилось. По ходу, нас скоро начнут серьезно прессовать. Раньше у нас был свой сектор, мы более-менее тусовались с Макриди, но теперь Макриди нет. Поэтому наши парни не знают, что делать. Пока все идет, как и раньше шло, но черт его знает... Ты откуда, брат, скажи честно?

— С севера, — сказал Андерс. — Мы прорвались через границу. Когда рвануло в Солт-Лейк-Сити, началась большая буча, а тут еще эти русские со своей вакциной. Похоже, тут скоро наведут порядок голубые каски. Они же теперь не боятся вируса, слышал?

— Слышал, — уныло произнес байкер. — Если придет реальная армия, мы не справимся. Придется разбегаться. Но я знаю федов, они начнут выяснять про каждого, кто что делал в смутные времена... Я не хочу на электрический стул. А туда присядет много, очень много парней. Те же Монти и Рой, это который с усами.

— Ну так давай рванем отсюда, брат! Пока еще не поздно. Солдаты небось и федов ждать не станут, просто перебьют вас с вертолетов. Им вполне могли дать приказ не брать пленных.

Наступила долгая пауза. Байкер Кен думал. Лекс с надеждой ждал, что вот сейчас он скажет: «Ладно, брат, давайте я помогу вам выбраться отсюда, тебе и твоим друзьям».

— Нет, — со вздохом сказал седой. — От армии и федов я, может, еще и убегу, а вот Рой может прикончить меня прямо сейчас... Нет. Извини, брат. Я еще хочу пожить.

— Сдохни, тварь, — холодно пожелал Андерс.

— Рука болит, — пожаловалась Лиска.

Они сидели с другой стороны БМП, в тени, прямо на песке, прислонившись к колесам. По прибытии их разделили, но Андерс был совсем рядом.

— Может, это еще и не перелом... — утешил Лекс. — Погоди, наложим шину...

— Кто ее наложит?! — перебила Лиска. — Этот негр с помповым ружьем? Нет. Помоему, наше везение все же закончилось. Не выйдет ниоткуда Игнат и не проведет нас через

портал. А ведь он назвал это место относительно безопасным...

— Так оно и было.

— Я думала, мы выберемся, вернемся в Москву... Поженимся... — не слушая Лекса, продолжала девушка. — И на тебе — такой глупый финал...

— Лис, я... — Лекс хотел сказать что-нибудь доброе, хорошее, но остановился и прислушался. Звук работы вертолетных роторов ни с чем не спутаешь, это размеренное «чах-чах-чах»... И он все ближе и ближе!

— Лезь под машину! — крикнул Лекс, видя, как обитатели лагеря заметались вокруг. Байкер и какой-то хмырь с ирокезом на голове волокли пулемет на треноге, едва не сбив их, промчался размазанный во все цвета радуги багги. Начинался переполох.

Лиска послушно поползла под днище «брэдли», Лекс сунулся за ней, чтобы лицом к лицу столкнуться с Андерсом. Глаза наемника горели торжеством.

— Андерс, ты, часом, не колдун?! — спросил Лекс.

— Не-а, — пыхтя, ответил наемник. — Я даже в бога не верю, а то сказал бы, что он услышал мои молитвы. Но это круто, да?! Главное, чтобы эта таратайка не вздумала повертеться на месте.

Но бандитам было не до БМП, потому что вертолеты рокотали уже совсем рядом. Неподалеку бухнуло, сверкнула сухая вспышка, потом бухнуло еще раз. Начался обстрел.

— Хреново придумали, — заорал Андерс, перекрывая шум. — Сейчас нас накроют, и броневик рванет! Вылезаем и бежим!

Он полез из ненадежного укрытия первым. Лекс помог выбраться Лиске.

Вокруг метались люди, вопя, сталкиваясь и падая, неподалеку горел грузовик. Никто не обращал внимания на пленников.

— Туда, — Андерс махнул рукой в сторону небольшой лощинки, противоположную той, откуда заходили вертолеты. Лекс прекрасно видел их, красивые боевые машины, рассекающие воздух винтами. Заработали миниганы, Андерс схватил Лекса за шкуру и сильно пихнул:

— Ты сдурел тарашиться? Они же не знают, что ты пленный, перемелют вместе со всеми!

Пригибаясь и спотыкаясь о камни и разбросанный скарб, троица побежала в лощину.

— Не останавливаться! — кричал Андерс. — Не останавливаться!

Вокруг творился сущий ад. Неуправляемые ракеты взрывались огненными шарами, расшвыривая фрагменты тел и обломки техники. Небольшой колесный бронетранспортер пронесся прямо по палаткам, давя и калеча тех, кто не успел из них выбраться. Воздух наполнился дымом и песком, взвихренным вертолетными винтами. Зрелище было поистине эпическое, вот только разглядывать его было некогда.

Пробежав по лощинке, они буквально ссыпались с каменистого откоса. Лекс едва успел придержать Лиску. Судя по перекошенному от боли лицу, девушка сильно страдала, но помочь ей было нечем.

Сзади что-то рвануло совсем уж оглушающе. Наверное, сдетонировали боеприпасы на складе; имелся же у них какой-то склад... А может, это бандиты сбили вертолет.

— Дураки мы, — ругался Андерс. — Никто не догадался даже ствол подобрать в суматохе.

— Ты ж орал: «Бежим! Не останавливаться!» — напомнил Лекс.

— Я и сейчас ору. Только снова мы без жратвы, воды и оружия.

— Зато мы знаем, куда нужно пробираться, — сказала Лиска. — В Солт-Лейк-Сити.

Они долго уходили от лагеря, где продолжало что-то взрываться и тарахтели очереди. Однако звуки боя становились все тише. Наконец Андерс решил, что они свалили достаточно далеко, а погоню по их следам вряд ли посылали, и распорядился отдыхать. Повалившись под чахлыми кустами, несколько минут они просто лежали, не шевелясь и тяжело дыша. Потом Лекс сел и занялся Лискиной рукой.

Кость и в самом деле не была сломана. Вывих, довольно сложный, но не перелом.

Вправлять вывихи Лекс не умел и обратился за помощью к Андерсу.

— Та-ак... — наемник взялся за руку, ощупал ее. — Терпи, коза...

— А-а-ай! — завопила Лиска.

— Все, все... — Андерс отпустил вправленную руку. Девушка прижала ее к груди и принялась баюкать, словно младенца.

— Ловко, — оценил Лекс.

— Да фигня. Если есть ведро, стул и вода, руку можно самому себе вправить.

— Это как?!

— Берешь стул, садишься. В вывихнутую руку берешь ведро и льешь туда воду... ну, под кран подставляешь, например, или из другого ведра черпаешь здоровой пакшей. Ведро постепенно наполняется, растягивает мышцы и связки, рука вправляется сама по себе.

— И что, в самом деле получается?! — недоверчиво спросила Лиска. Боль, судя по всему, уже спала, остался лишь отек.

— Я себе пару раз так вправлял. Но это ерунда в сравнении с тем, когда сам себе пассатижами зуб удаляешь.

— А один русский хирург в Антарктиде сам себе аппендикс удалял, — припомнил Лекс прочитанную в детстве книжку из детдомовской хилой библиотеки. — Под местной анестезией и с помощи зеркала.

— Мужик, — с уважением произнес Андерс. — Однако пора нам чапать. Иначе я не удивлюсь, если случится очередная неприятность. Они нас, такое впечатление, просто преследуют...

Но неприятностей не случилось. Они выбрались на второстепенную дорогу, на которой был указатель. Сидар-Сити. В той стороне — Юта, а значит, и Солт-Лейк. И войска ООН.

Отчаянно хотелось пить, вот что было главной бедой. Маленькие радости обычно не замечаешь, а ведь одна из таких радостей — возможность открыть кран и пить, пить холодную воду... Пусть даже очищенную, отдающую хлоркой, с привкусом ржавчины из труб, которые не менялись со времен Хрущева или даже Сталина. Это уж не говоря о прозрачных пластиковых бутылках из холодильника... покрытых капельками, изморозью...

Сухой язык ворочался во рту, словно булыжник.

Короткий ночной сон не принес отдыха — в первую очередь из-за жажды. В довершение ко всему у Андерса воспалилась рана на груди. Наемник не подавал виду, но у него явно поднялась температура, он то и дело спотыкался, пошатывался... Даже перестал сквернословить и шутить. Заплывший глаз так и не открылся, что еще более затрудняло передвижение.

Выйдя на трассу, они плюнули на безопасность и пошли прямо посередине. Если появятся бандиты — хуже уже не будет. Если военные — будет подарком судьбы...

А к концу второго дня Андерс просто упал.

Шел, тяжело передвигая ноги, и упал ничком. Лекс бросился к товарищу — тот был жив, но без сознания. Из разбитой губы текла кровь, впитываясь в песок. Рана на груди выглядела отвратительно и жутко пахла. Смертью и разложением.

— Что будем делать?!

Лиска с трудом опустилась рядом с лежащим Андерсом.

— Не помирать же... Попробую привести его в чувство. Воды бы, хоть пару глотков...

Андерс отказывался приходить в чувство. Что-то бормотал неразборчиво, дергал руками, но оставался без сознания. Притом он буквально пылал — градусов сорок, не меньше...

— Дружище, так не годится! — говорил ему Лекс. — Мы с острова выбрались, помнишь?! В самолете так славно всех покрошили, не погибли при его падении, не замерзли на Сомерсете и Бутии... Нас не сожрало чудовище, не убили бандиты... Осталось совсем немножко, надо идти дальше! Вставай!

Но Андерс не вставал. Лекс оставил бесплодные попытки, сел возле наемника по-турецки и уставился вперед.

Над трассой поднималась зыбкая дымка. Казалось, рукотворная полоса среди песков исчезает в целом озере воды, но это был лишь мираж. И когда на трассе показалось желтое пятно, постепенно приближавшееся к ним, Лекс подумал, что это тоже мираж. До тех пор, пока он не оказался совсем близко и Лекс не понял, что это школьный автобус.

Желтый длинный школьный автобус, которых так много в Америке.

Автобус остановился, не доехав метров десяти. С шипением открылась передняя дверца, и со ступеньки спрыгнул пожилой негр в потрепанном джинсовом комбинезоне и бейсболке «Я люблю Нью-Йорк».

— Мать честная, — сказал он, всплеснув руками. — Да вы еле живые, ребята! Вы откуда?!

— А вы куда, сэр?! — с трудом расклеив ссохшиеся губы, спросил Лекс.

— Сэр?! Господи Иисусе, сроду не называли меня сэром...

Чернокожий хлопотливо принялся осматривать Андерса. Из автобуса тем временем высыпали несколько детишек — и черненьких, и беленьких, потом вылезли еще двое мужчин и женщина, толстенная матрона с прической «афро», более уместной в восьмидесятых годах. В руках она держала аптечку и бутылку с водой.

— Отойди от несчастного, Феликс, пока он не помер! — зычным голосом скомандовала женщина. — Всем им прежде всего нужно выпить воды, а не выслушивать твои причитания!

— Да, Мелисса, конечно! — негр тут же оставил в покое Андерса. Матрона степенно подошла к Лексу и протянула ему воду, которую Лекс тут же передал Лиске.

— Куда вы едете, мэм?! — спросил он.

— Куда же нам ехать, как не в Солт-Лейк-Сити?! — прогудела Мелисса. — Там, говорят, начинают жить по-человечески. Вот мы и собрались. Можем вас подвезти, если угодно.

— У меня нет мелочи на проезд, — попытался пошутить Лекс.

— Возьмем даром, — махнула рукой негритянка. — Эй, эй, девица! Лопнешь!

С этими словами она отняла у Лиски бутылку и занялась Андерсом. А Лекс так и сидел, неудобно сложив ноги, и улыбался.

Кажется, им снова повезло.

...Андрей Львович Гумилев наблюдал, как жители Солт-Лейк-Сити разгружают контейнер, только что опущенный вертолетом на площадку. Рядом с ним Индро Юльевич Вессенберг деловито протирал клетчатым платочком очки.

В Солт-Лейк-Сити все помаленьку налаживалось. После того как Макриди погиб, а силы атакующих захлебнулись на окраинах города, вялотекущая война длилась всего пару дней, после чего стороны задумались: а что, собственно, они делают? И пришли к перемирию. Город на переговорах представлял полковник Донован, оказавшийся вполне толковым политиком и гражданским руководителем, а помогал ему Андрей Гумилев.

Потом было много важных событий: выход на связь с Твин-Фоллз, где их давно считали погибшими, прямая линия с генеральным секретарем ООН, переброска в Солт-Лейк-Сити мобильных лабораторий со штатом сотрудников во главе с Синцовым, разработка опытных образцов вакцины... Работали без перерывов и выходных, тем более что с юга, из Мексики, поступали тревожные вести о новых очагах эпидемии. Вирус «Армагеддона» каким-то невероятным образом проник сквозь заградительные барьеры ООН и теперь свирепствовал в труднодоступных районах Центральной Америки.

И Синцов, и Тарасов практически не спали, проводя все свое время в лабораториях. Мастер не подвел, обеспечил все необходимое для работы. Что же касается Нестора, то для Гумилева он по-прежнему оставался загадкой. С одной стороны, он до сих пор не доверял ему до конца, с другой — не мог не оценить его таланты и ту самоотверженность, с которой Тарасов лечил людей. У него получалось — Гумилев, правда, подозревал, что обязан своими успехами Нестор главным образом предмету, — но это была штучная работа, требующая к тому же постоянного напряжения всех сил.

Тела погибших в тоннеле переправили в Россию, за исключением доктора Штреллера, которого похоронили здесь, на городском кладбище.

Кстати, выяснилось, что сумасшедший ученый, перед тем как покинуть базу Неллис, все-таки запустил механизм самоуничтожения. По крайней мере, специальная поисковая группа на вертолетах обнаружила на месте базы сплошные руины и просевшие вглубь воронки. Одна из них стала могилой для отважного Санича — станция подземной железной дороги была уничтожена вместе с другими объектами.

Тоннели, в которых обитали монстры, зачищать пока не стали, благо наружу они выбраться не пытались. Но в будущем с ними следовало разобраться, и Гумилев не хотел бы, чтобы образцы боевых тварей попали в плохие руки.

Мастера собирались судить, но чем закончится суд и когда он вообще состоится, было неясно — огромное количество адвокатов трудилось, пытаясь доказать, что бывший сенатор руководствовался исключительно благими намерениями, а преступления совершали его подчиненные, о чем он чаще всего не ведал. К тому же сейчас Мастер выступал в качестве одного из главных спонсоров разработки долгожданной вакцины, что серьезно усиливало его позиции.

Мидори улетела в Токио, как только прошла все разрешительные процедуры и обследования. Насколько знал Гумилев, она решила заняться созданием компьютерной игры по мотивам их приключений на Закрытой Территории. Андрей искренне надеялся, что он как персонаж в игре присутствовать не будет.

— Андрей Львович!

Это был Ник. Толковый парень, которого удалось вытащить буквально из капкана, расставленного людьми покойного Эйзентрегера. Гумилев с тех пор сталкивался с ним редко — в российском посольстве в США, когда Ника только-только привезли, чтобы переправить домой, а потом несколько раз в офисе. Ник работал с Пашей и Колей, и те не могли на него нарадоваться. Правда, у него было несколько пунктиков.

Во-первых, Ник наотрез отказывался работать с Исин. Почему — он не объяснял, утверждая лишь, что это проистекает из его предыдущего опыта.

Во-вторых, он соглашался работать только в России. Опять же не объясняя почему и не выезжая ни в какие командировки. Все это было поправимо, и никто к парню придирается не стал. Ну не хочет человек, и не надо. Кто-то не ест селедку или помидоры, кто-то не хочет работать с Исин или покидать пределы родины.

Тем сильнее было удивление Гумилева, когда Ник потребовал, чтобы его отправили в Солт-Лейк-Сити. Из Москвы связались с Гумилевым по скайпу и уточнили, нужен ли здесь Ник. По сути, каких-то заданий его профиля Андрей Львович пока не видел, но и отказывать не стал. Не достопримечательности же посмотреть человек собрался. Просится — значит, есть такая нужда.

Ник и сам не знал, почему прилетел в Америку.

Сидел в своем кабинете, просматривал кое-какие сайты, и вдруг словно лед за шиворот сунули. Защемило сердце, стало беспокойно, неуютно...

Он вышел на улицу, прогулялся по холодку, попил газировки, съел мороженое. Не помогло. Где-то в мозгу сверлил и сверлил маленький жучок: «Подумай... Сопоставь... Сделай выводы...»

А потом Ник сообразил — он снова «почувствовал» Лекса. Лекс пропал — и вновь появился. Бросившись к монитору, Ник лихорадочно стал рыться в просмотренных материалах. Так... Да, сводка по текущим событиям в Соединенных Штатах, вернее, на Запретных Территориях. Вроде все как обычно... Ага, внутренние рассылки — операция «Илиада», тоже ничего нового, слава богу, все у них обошлось, а то уже думали, пропала экспедиция... Стоп.

Вакцина.

Гуманитарная помощь... организация временных лагерей... волонтеры...

А что, если Лекс — там?!

Самолет упал в Канаде, да. Вернувшись в Москву, Ник собрал всю информацию, которую только мог (принципиально без помощи Исин), о найденном на острове Сомерсет разбитом «бичкрафте». Связывался с канадцами, с конной полицией, с полярниками, экологами и этнографами. Узнал о странном происшествии в эскимосском становище, где какой-то зверь уничтожил все население. Ничего.

Конечно, следы Лекса вполне мог подчистить Рейх. Им это по зубам, хоть фашиков и разгромили. И потому Ник отправился к заместителю Гумилева и попросил направить его в Солт-Лейк-Сити.

Он был искренне благодарен Андрею Львовичу за то, что тот дал разрешение и выдал, так сказать, полный карт-бланш. Ник вылетал с ооновцами в рейды, посетил Лас-Вегас и еще несколько крупных городов, показывал фотографии, опрашивал выживших, участвовал в допросах задержанных военных преступников.

Безрезультатно. Если Лекс и был в пораженных вирусом штатах, то не оставил никакого следа. Но Ник чувствовал, что все не так просто.

Паутина продолжала сплетаться. Несколько писем, отправленных на адрес Синки, остались без ответа. Пимонно на связь не выходил — то ли разуверился в способностях выбранного им кандидата («Нет слов! Из всех вариантов выбрать самый нелепый!»), то ли по какой-то причине взял паузу. Папа улаживал внутрицерковные скандалы с педофилами и, такое впечатление, тоже был чрезвычайно занят.

Сегодня Ник вернулся из очередного вылета. Вертолетчики разгромили один из немногих уцелевших бандитских лагерей, и он высадился на его руины вместе с ооновскими военными.

Ник бродил среди людей, которые лежали там и сям, заложив руки за голову. Их обыскивали, надевали наручники и загоняли в грузовые «Сикорские». Солдаты не церемонились: раздавали пинки и тычки, пускали в ход приклады, а какого-то верзилу с ожерельем из человеческих ушей на шее попросту пристрелили на месте. Ник никак не мог их за это порицать.

Но Лекса не оказалось и там. Ник посмотрел, как в вертолет заталкивают последнего бандита, седого татуированного старика в кожаном жилете на голое тело, усеянном немецкими «Железными крестами» и нашивками, и тоже полез в кабину. А когда прилетели обратно, сразу же пошел искать Гумилева.

— Привет, Ник, — Гумилев протянул руку.

— Я, пожалуй, полечу обратно. Когда у нас борт?

Гумилев взглянул на часы.

— Сегодняшний уже ушел. Хочешь, отправляйся на обычном коммерческом рейсе.

— Да, наверное... Зачем ждать до завтра.

Парень выглядел опечаленным.

— Что случилось? — спросил Андрей. — Не сделал то, что хотел?

— Я искал... брата, — сказал Ник.

— У тебя есть брат?

— Не совсем брат... Долго рассказывать, Андрей Львович, — Ник помолчал и решительно продолжил: — Андрей Львович, вот скажите, пожалуйста, у вас бывает ощущение, что вы все делаете не так? Наперекосяк, неправильно...

— Постоянно, — улыбнулся Гумилев. — Наверное, если бы я постоянно думал, что делаю все правильно, мне было бы скучно жить.

— Правда?

— Зуб даю, — Гумилев по-пацански щелкнул ногтем большого пальца по резцу. Ник засмеялся, хоть и не слишком весело.

— Верю... Ладно, я поехал в аэропорт. Спасибо, что разрешили мне здесь поваландаться, хоть и без особого толка...

— Никогда не знаешь, есть ли толк в том, что ты сделал, или нет. Порой все это проявляется только в будущем. А то и в очень далеком будущем.

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое... — произнес Ник.

— Что?!

— Да так, присказка... Я и сам толком не знаю, что она означает, — сказал Ник и пошел к микроавтобусу, который скоро должен был поехать в аэропорт.

На выезде с площадки микроавтобус пропустил желтый школьный автобус. Как только автобус остановился, из него выбралась толстая чернокожая женщина и принялась кричать:

— Парамедики! Нам нужны парамедики! У нас трое в тяжелом состоянии, мы подобрали их на дороге! Шевелите быстрее своими булками, эй, вы!

К автобусу кинулись медики с носилками. Но ничего этого Ник уже не видел, как не видел и Гумилев, который направился к маленькой кофейне, чтобы выпить кофе с булочками. В конце концов, раненых привозили регулярно, и ничего экстраординарного в этом событии не было.

Первым на носилки положили Лекса.

ГЛАВА 21 ЭНДШПИЛЬ

Атлантический океан. 22 декабря 2014 года

Хрупкая девушка с длинными волосами, развевающимися по ветру, стояла на носу огромной океанской яхты. Если бы сзади к ней пристроился Леонардо Ди Каприо и оба развели бы руки в стороны, вышла бы известная сцена из «Титаника». Но вместо Ди Каприо (который, кстати, сейчас снимался в новом фильме Федора Бондарчука в России) поодаль у леера внимательно наблюдал за девушкой коротко стриженный светловолосый молодчик. На плече у него висел на ремне кургузый пистолет-пулемет с укороченным стволом.

Яхта выделялась своими размерами, являясь одной из крупнейших в мире — более двухсот метров длиной.

Она сошла со стапелей Blohm&Voss в Гамбурге два года назад. Официально хозяином яхты считался один из аравийских шейхов, но на самом деле это было не так. Да и яхта была совсем не яхтой. В случае необходимости из надстроек выдвигались зенитные шестиствольные системы «фаланкс», тактические ударные пусковые установки «иджис» и противокорабельные ракеты «спэрроу». Под ватерлинией скрывались 324-миллиметровые торпедные аппараты Mark 32, а на кормовой посадочной площадке открыто стоял вертолет SH-60 «Си Хок». Несмотря на то что его выкрасили в «гражданский» белый цвет, все навесное вооружение было сохранено и в случае нужды монтировалось в кратчайшие сроки.

Поэтому яхта была скорее ракетным эсминцем, а на носу ее красовалось гордое название «Гинденбург».

— Вам пора вниз, — сказал коротко стриженный молодчик.

Алина не слышала. Она смотрела на бегущие навстречу яхте волны, на еле видимый вдалеке танкер... Охраннику показалось, что девушка вот-вот бросится за борт, и после этого он в лучшем случае последует за ней. Поэтому он довольно грубо взял ее за локоть и почти оттащил назад.

— Я сказал, вам пора вниз, — угрожающе повторил он.

— Ты должен быть мягче, Михель.

Старческий властный голос заставил обернуться обоих.

Мария фон Белов укоризненно покачала головой, и Михель поспешно поклонился:

— Прошу прощения! Больше этого не повторится.

— Ты можешь идти, — приказала старуха, и Михель почти бегом бросился с носа.

— Как ты, моя девочка? — осведомилась Мария.

Алина слабо улыбнулась:

— Хорошо, фрау.

— Идем в салон. Сейчас к нам прилетят гости.

— Гости?! — удивилась Алина.

— Да, если их можно так назвать... Я не понимаю, зачем Лотар все это устраивает, но он же не хочет меня слушать... Что для него мундир рейхсфюрера?!

Ворчание старухи вряд ли предназначалось для Алины, скорее, она просто размышляла вслух.

— Идем, идем...

Алина послушно направилась к трапу. Мария фон Белов медленно двинулась за ней, поджав бесцветные губы. Рукой, напоминающей птичью лапу, она крепко вцепилась в поручни.

В салоне все было готово к приему гостей. Официанты расставляли приборы, в ведерках охлаждалось шампанское. Шмитке, который сменил погибшего Эйзенрегера на высоком посту, пока не было — вероятно, он предпочитал встретить прибывающих у вертолета. Или же выйти к столу, когда все уже рассядутся для переговоров.

Алина села в углу, на маленький пуфик. Она не понимала своей роли в грядущем мероприятии. Гости... Она помнила, что гости — это торт, подарки, веселье... Хотя что это такое — веселье?! Она давно забыла значение этого слова.

— Кажется, летят, — сказал матрос, прислушиваясь.

Действительно, модернизированный российский «Ми-38» уже готовился зайти на посадку на носовую площадку. Винты еще не успели остановиться, как дверь открылась, и на полимерное покрытие прыгнул Андрей Гумилев. Следом за ним показались Ник и Нестор.

Ник посмотрел на встречающих. Так, вот он, Макс Шмитке, штандартенфюрер СС, поднявший упавшее из рук Эйзенрегера знамя. До сих пор приходилось видеть его лишь на фотографиях в досье, да и Гумилев, похоже, не так много знал об этом человеке... А где же фон Белов, выжившая в катаклизме вопреки всему? Хотя ей уже под сотню лет, наверное, не может самостоятельно передвигаться.

А это...

Синка стояла у надстройки и насмешливо смотрела на Ника.

Пока Шмитке и Гумилев, не пожимая рук, церемонно приветствовали друг друга, Ник, нарушая церемонию, проскользнул мимо и подошел к Синке. Один из матросов сделал было пару шагов, чтобы остановить Ника, но девушка подала едва заметный знак, и матрос остановился.

— Как водичка? — поинтересовался Ник. — Не холодная?

— Если ты про Детройт, то очень холодная. Я ее еще и нахлебалась досыта, когда эта горилла принялась палить в меня из пистолета. Зачем вы все это устроили?

От Синки пахло тем же парфюмом, как и тогда, на набережной, возле сломанной карусели. А вот одета она была иначе — в форму с непонятными Нику витыми погончиками, с черепом и костями. На ремне — маленькая изящная кобура.

— Мы ничего не устраивали, — сказал он. — Для меня это было неожиданностью. А вот зачем ты это устроила? Не удалось убить меня в Ростове — решила сделать это в Детройте? Но зачем так изощренно? Не стоило приходить самой, могла бы прислать пару дуболомов с автоматами.

— Ты ничего не понимаешь. Тебя никто не хотел убивать. Я хотела тебе кое-что предложить, но тут появились ваши и все испортили.

— Предложить что? Поработать на вас? На захват мирового господства, как в свое время вы предложили Лексу?

— Кстати, — Синка загадочно улыбнулась, — у меня для тебя есть сюрприз. О-очень большой сюрприз!

— Я с некоторых пор перестал любить сюрпризы, — сухо произнес Ник.

— Пройдемте в салон, господа! — объявил Шмитке. — Столы накрыты, предлагаю перекусить с дороги и приступить к переговорам.

Ник еще раз взглянул на Синку и вслед за Гумилевым и Нестором направился в салон,

где его ждал еще один удар.

Точнее, сюрприз.

За длинным закрытым столом со стороны хозяев сидел Лекс.

Сильно изменившийся, похудевший, с глубоко запавшими глазами, он походил на человека, страдающего от тяжелой и продолжительной болезни. На вошедших он посмотрел безучастно, по Нику мазнул взглядом столь же бесстрастно, словно не узнавал. Или в самом деле не узнавал...

Вот и встретились. Кто бы мог подумать...

А вот и Мария фон Белов. Ник заметил, что Гумилев с нескрываемым интересом покосился на нее. Еще бы — ведь Андрей Львович был уверен, что старуха погибла. Притом, по его словам, рейхсфюрерша тогда как раз перестала быть старухой — при помощи редчайшего предмета, Гусеницы, которая раз в пятьдесят лет могла омолодить своего хозяина на полвека. Счастливцев, к которому Гусеница попадала накануне «разрядки», срывал банк, вот только узнать заветное время загодя людям удавалось далеко не всегда. Рейхсфюреру, пусть и ценой немалых усилий — удалось... Но ненадолго. После безжалостного уничтожения базы «Туле» Мария фон Белов выжила. Но энергии, которую незадолго до этого дала ей Гусеница, хватило лишь на то, чтобы вернуть изможденный организм к жизни в его прежнем состоянии. Молодость ее длилась лишь несколько часов.

Однако, пусть дряхлая, сморщенная, но сейчас Мария фон Белов тут как тут. Сидит рядом с девушкой, неуловимо похожей на Синку. Хрупкой, почти прозрачной, словно, как и Лекс, страдающей от неведомой хвори. Зачем-то держала ее за руку своей корявой лапой.

— Ник...

Нестор легонько толкнул Ника и показал на кресло — садись, мол. До Ника дошло, что он встал посередине салона и пялится, как баран. Он сел и поймал взгляд Синки, которая уже заняла свое место. Она сияла — видимо, была крайне довольна обещанным сюрпризом.

Ник, разумеется, не знал, что паутина сплелась и Рейх сделал то, чего не удалось сделать ему. Он вычислил Лекса в госпитале Красного Креста в штате Юта. Остальное уже было делом техники. Андерс и Лиска остались где-то там, они Рейх не интересовали, а Лекс был срочно доставлен на одну из баз.

Где его ждали Синка и Алина.

— Хорошо, — произнес тем временем Шмитке. — Если господин Гумилев и вы, господа, не желаете прохладительных напитков или кофе, можно сразу перейти к предмету нашего разговора. Вы, как я понимаю, хотите перемирия.

— Нет, господин Шмитке, — сказал Гумилев спокойно. — Вы понимаете не совсем правильно. Мы хотим перемирия на наших условиях.

— И каковы эти условия, позвольте узнать?

— Мы перестаем вмешиваться в ваши дела, вы отказываетесь от вашей основной цели. Четвертого Рейха не будет, вы же неглупый человек и прекрасно это понимаете. Все ваши договоренности, в том числе по Арктике, которые были достигнуты ранее, сегодня не имеют веса. Вы заключали их с другими людьми и, что еще более важно, в другом мире. С тех пор он изменился, расклад сил в нем — тоже. Поэтому я предлагаю вам выйти из игры. Нет, вы можете заниматься тем же, чем и прежде, включая все ваши коммерческие проекты, развитие технологий, даже политические игры. Никто не вправе запретить это. Но от главного вам придется отказаться. Иначе мы вас уничтожим.

В салоне повисла тишина, лишь слышно было, как тикают старинные эбеновые часы.

— Бред, — внезапно каркнула из своего угла Мария фон Белов.

— Да, — словно ожидавший сигнала, Шмитке встрепенулся. — Мы не пойдем на такое, господин Гумилев. Мне даже странно, что вы осмелились явиться сюда с такими нелепыми предложениями. Я ожидал более конструктивного диалога, а не ультиматумов.

Шмитке продолжал говорить дальше, но Ник уже не слушал. Он наблюдал за Лексом, который, в свою очередь, пристально смотрел на Нестора. Откуда он может его знать?!

— Нестор, — шепнул Ник. — Парень, который на тебя тарашится, тебе знаком?

— Нет, — покачал головой Нестор. — В первый раз вижу.

Лекс перевел взгляд на Ника. Слегка наклонил голову набок, словно собака, с которой разговаривает хозяин. Синка по-прежнему улыбалась.

Шмитке тем временем закончил свою возмущенную речь.

— Что ж, именно такого я и ожидал, — ответил Гумилев. — И тем не менее я еще раз повторю наше предложение. Видите ли, вы нас попросту недооцениваете. То, что удалось сделать в Соединенных Штатах, — мелочь...

— Вот как?! — осклабился Шмитке. — А вы знаете, что, по сути, плясали все это время под нашу дудку? Или думаете, что вирус возник сам по себе?

Гумилев нахмурился.

— Продукт ваших лабораторий? Но зачем вы...

— Нет, не наших, — перебил Шмитке. — Зачем создавать, если можно использовать уже существующее? От нас требовалось лишь разыграть все по нотам.

— Сплести паутину, — неожиданно для себя громко сказал Ник.

Все сидящие за столом тут же повернулись к нему. Шмитке медленно и картинно заплодировал:

— Bravo, молодой человек. В корень. Встаньте, пожалуйста, фрау.

Синка поднялась, словно кинозвезда, выходящая на сцену получить свой заслуженный «Оскар». На запястье болтался паук.

— Вот оно что, — пробормотал Гумилев, глядя на фигурку.

— Это оказалось значительно проще, чем мы думали, — сказала Синка, наслаждаясь общим вниманием. — Собрать научные данные, подбросить их в нужные руки, заинтриговать, заинтересовать... Мы даже не потратили ни цента из своих средств — все устроил голливудский миллиардер Либеропулос, который спонсировал экспедицию в Мексику.

— Глупый грек! — каркнула Мария фон Белов.

— То есть ради эксперимента вы уничтожили сотни тысяч? Миллионы? Как это знакомо, — с горечью сказал Гумилев.

— Не только ради эксперимента, — Шмитке выглядел не менее цветущим, чем Синка. — Ради демонстрации нашей силы. Джинна, с которым вы так исступленно боролись, мы выпустили из бутылки, всего лишь щелкнув пальцами. Надеюсь, вы понимаете, на что способен Рейх? — он повернулся к Синке. — Садитесь, фрау. Благодарю вас.

— Значит, мы ни о чем не договорились, — Гумилев поднялся и отшвырнул в сторону салфетку. — Что ж, жаль. Я полагал, вы благоразумнее.

— Что ж, мне тоже жаль, господин Гумилев. Если вы не принимаете наши условия игры, не говоря уж о том, чтобы принять нашу сторону, — это вы будете виноваты в том, что умрут еще многие. Уже не миллионы — десятки, сотни миллионов. Хотя, знаете, для шестимиллиардного населения Земли даже сотни миллионов — пустяк. Как вы думаете?!

Гумилев молчал. Ник тоже поднялся, понимая, что переговоры зашли в тупик. Еще в вертолете Гумилев говорил, что этим, скорее всего, и кончится. Но он хотел посмотреть в глаза Шмитке и рейхсфюреру фон Белов. Показать им, что не боится. Ступить на их территорию, в конце концов.

— Они умрут, да, да! — снова подала голос старуха из своего угла. Хрупкая девушка подняла голову и недоуменно посмотрела на нее. — Миллионы, десятки миллионов! Сотни сгорят в пламени, которое разожжете в том числе и вы!

Мария фон Белов встала, придерживаясь за плечо Алины.

— Этот ваш гуманизм, ваше человеколюбие, — с презрением говорила она. — Вместо того чтобы отсечь больной орган, вы лечите его. Вы не умеете видеть очевидное, Гумилев, вы и вам подобные! Тогда мы переступим через ваши трупы и пойдем дальше. Вы ставите нам условия?! Да я смеюсь вам в лицо! Ха! Ха! Ха! Гиена не может ставить условий льву! Она должна быть благодарна, когда лев позволяет ей подбедать протухшие остатки его добычи, а не ломает ей хребет одним ударом лапы! Убирайтесь с моего корабля и вспомните

эту встречу, когда мир запылает, а мертвецы поплывут по рекам крови!

Нику сделалось не по себе. Резкий голос старухи наполнял салон, ввинчивался в барабанные перепонки, подчиняя себе и заставляя поверить. В самом деле, что может сделать Гумилев против всесильной организации, опутавшей весь мир своей паутиной?! Может быть, он, Ник, действительно выбрал не ту сторону?! И еще не поздно?

Синка смотрела на него сверкающими глазами. Ее губы неслышно шептали:

— Ты понял?! Ты должен понять. Ты с нами. Иди к нам. Ты должен быть с нами...

Ник сунул руку в карман и сжал Лису так, что острые грани фигурки впились в ладонь. Гипнотизирующий голос старухи тут же превратился в жалкое карканье, а взгляд Синки погас. Теперь она смотрела, скорее, разочарованно.

Старуха умолкла, переводя дыхание, и тут заговорила Алина:

— Убивать плохо. Нельзя. Убивать нельзя...

— Замолчи! — велела старуха и даже замахнулась на нее, но Алина увернулась от руки старой карги.

— Что вы делаете?! — воскликнула она. — Убивать нельзя!

— Уберите ее, — недовольно велел Шмитке, но Алина внезапно начала кричать. Высоким голосом, от которого зазвенели бокалы на столе. Она сжала виски ладонями, и огромная яхта содрогнулась. Посуда полетела на пол.

— Мы на что-то наткнулись! — крикнул один из матросов. Но Шмитке не обратил на него внимания, он испуганно смотрел на Алину и кричал:

— Прекратить! Прекратить!

Старуха потянулась, чтобы схватить девушку, но яхта вновь содрогнулась, и Мария фон Белов покатилась по полу, не удержавшись на артритных ногах. Затем корабль резко накренился влево. Ник успел ухватиться за стол, прикрепленный к полу салона, за него, в свою очередь, уцепился Нестор. Гумилев каким-то образом ухитрился удержать равновесие и скомандовал:

— В вертолет, быстро!

Алина продолжала кричать, не останавливаясь. Ник бросился было к выходу, благо никто не обращал на него внимания, но тут же остановился.

Лекс... Его нужно забрать! С ним что-то не так, это не тот Лекс! Может быть, того, прежнего, еще можно вернуть?!

Ник перепрыгнул через стол и по ходившему ходуном полу подскочил к Лексу. Тот безучастно сидел в кресле, вцепившись в подлокотники.

— Идем! Быстрее!

Лекс не реагировал, и Ник отвесил ему хлесткую пощечину, ощутив несказанное удовольствие от этого действия. Лекс обиженно заморгал, и Ник, не тратя времени, поволок его из кресла. Краем глаза он увидел, как за ними кинулась Синка.

Яхта содрогалась, послышался глухой взрыв. Члены экипажа метались по салону, кто-то помогал подняться Марии фон Белов, чтобы потом вместе с ней опять упасть. Шмитке выхватил люггер и размахивал им, не понимая, в кого стрелять.

— Она взорвала торпеды в аппаратах! — завопил кто-то. — Чертова ведьма взорвала торпеды!

Ник выволок Лекса наружу и упал, больно ударившись коленом о какую-то железку. Лекс грохнулся рядом и сказал:

— Черт... Это правда ты или мне кажется?!

«Ми-38» висел в паре метров над пляшущей под ним посадочной площадкой. Гумилев протянул руку Нику:

— Вставай!

Из дверей салона появился Шмитке, выставил перед собой пистолет:

— Все останутся здесь!

— Подите к черту, — бросил Гумилев, поднимая Ника.

— Извольте, — сказал штандартенфюрер и выстрелил.

Ник опередил его на долю секунды. Тяжелая пуля ударила его в ключицу и отбросила на Гумилева, который тоже не удержался на ногах.

Второй раз выстрелить Шмитке не успел, потому что на него прыгнула Синка. Случившееся было столь неожиданным для немца, что он даже выронил люггер. Пистолет заскользил по все сильнее кренящейся палубе и исчез из виду.

— Бегите! — крикнула Синка.

Паук болтался на цепочке. Шмитке уже пришел в себя и пытался оторвать от себя намертво вцепившуюся девушку.

— Бегите!

Ник не мог пошевелить правой рукой — ключица была перебита, кровь заливала костюм... Снова бухнул взрыв, яхта подпрыгнула, на мгновение словно ушла из-под ног.

И тут Лекс напал на Шмитке. Он неуклюже ударил его в подбородок. Опешивший штандартенфюрер обмяк, а Лекс схватил Синку и толкнул к Нику с криком:

— Забери ее!

— А ты?!

— Я следом!

На размышления времени не было, тем более, из салона начали выбегать матросы. То ли спасались, то ли хотели напасть, проверять желания не было. Гумилев, Ник и Синка побежали к вертолету, который по-прежнему висел над мечущейся вверх и вниз площадкой, свистя винтами. Нестор, который каким-то образом уже оказался внутри, сбрасывал вниз лесенку — опускаться ниже для «Ми-38» было уже опасно.

Ник ощущал, как с кровью из него уходят силы и сознание. Артерия задета?!

— Все будет хорошо... — бормотала Синка, пытаясь содрать с себя витой погончик. «Самое время», — подумал Ник вяло.

— Сам сможешь влезть?! — Гумилев подтолкнул его к лесенке. — Хотя что я, куда тебе с одной рукой... Я первый, подниму тебя.

И он принялся карабкаться вверх, цепляясь за петли.

Кое-как, с помощью Синки, они затащили Ника в вертолет.

— Уходим! — кричал пилот. — Я зацеплю мачты!

— Нельзя! — выдохнул Ник. — Без Лехи нельзя!

Он рванулся к проему вертолетной двери и увидел, как буквально в десятке метров, прямо напротив, штандартенфюрер Шмитке разворачивает поднимающуюся из раскрывшегося люка шестиствольную зенитную установку.

Одно нажатие гашетки электроспуска — и вертолет разнесет на части.

— Вот и все... — почему-то совершенно спокойно сказал Ник.

И в этот момент на сцене снова оказался Лекс. В руке у него был люггер Шмитке. Как он его нашел в этом аду, как подобрал — оставалось только гадать. Лекс несколько раз выстрелил в штандартенфюрера. Тот грузно обвис на сиденье стрелка, установку развернуло, развернуло стволами прямо на Лекса, практически в упор. Палец Шмитке, уже лежавший на кнопке спуска, замкнул контакт...

— Нет! — изо всех сил закричал Ник и потерял сознание.

Последнее, что он видел, была уходящая далеко вниз яхта, исчезающая в кипящем океане.

ЭПИЛОГ

Подмосковье. 31 декабря 2014 года

Шел пушистый снег, какой бывает только под Новый год.

В телевизоре шутили очередные петросяны, на блюде лежали свежее испеченные пирожки с капустой и яблоками. Пахло уютом, праздником и радостью.

Ник поудобнее устроился в кресле. Загипсованная рука изрядно мешала, но он уже

привык. В конце концов, все могло закончиться значительно хуже, столько крови потерял...

— Ты будешь чай? — спросила Синка, входя.

На ней был теплый домашний халат в черно-желтую полосочку, отчего она напоминала осу.

— Да, покрепче. И сахара пять ложек.

— Не слипнется? — улыбнулась Синка. Ник покачал головой. Смеяться ему не хотелось. Синка поникла и ушла на кухню.

Коттедж, который им предоставила контора Гумилева, находился в двадцати километрах от МКАД, но тишина и благодать тут царили такие, словно он был по крайней мере посреди сибирской тайги. По подоконнику запрыгала белка, намекая, что пора бы положить в кормушку что-нибудь погрызть.

— Син! — крикнул Ник. — Белку покорми, кланчит!

— Сейчас, только чай принесу! — отозвалась Синка.

А ведь всего неделю назад на ней вместо смешного халатика была эсэсовская форма. И тонула в океане огромная яхта, и плясал над ней вертолет, и палец Шмитке нажимал на спуск «фаланкса»...

Ник зажмурился так сильно, что перед глазами пошли разноцветные круги. Встряхнул головой, услышал шаги.

— Белку покорми, — напомнил он, думая, что это Синка несет чай, но в комнату вошел Серджи Пимонно. Ник попытался встать, но итальянец замахал руками:

— Сидите, сидите! Вы ранены... А белку непременно покормлю, когда пойду обратно.

— Да это я не вам, — сказал Ник.

— Я даже знаю кому.

Пимонно уселся в большое кресло с львиными лапами вместо ножек.

— Я рад, что ваша эпопея, похоже, закончилась. И приношу свои глубочайшие соболезнования по поводу гибели вашего друга.

— Он был мне больше, чем друг... — глухо сказал Ник. — И больше, чем враг...

— Мы в полной мере оценили вашу потерю и ваши заслуги. Ватикан окажет вам любую поддержку. Лично папа...

— Оставьте, — довольно невежливо перебил итальянца Ник. Пимонно не обиделся.

— Хорошо, просто имейте это в виду. Мало ли... Собственно, я явился не только за этим. Когда вы позавчера связались с нами, то изъявили желание...

Не договорив, Пимонно вопросительно взглянул на Ника.

— Там, возле подсвечника, бархатная коробочка, видите?

— То есть вы не передумали? — уточнил Пимонно, взяв упомянутую коробочку.

— Ни в коем случае. Упаси бог.

Пимонно щелкнул кнопкой-замочком. Внутри, на красной подушечке, словно ордена, лежали лиса и паук. Рядом, соприкасаясь друг с другом.

— Хорошо, — сказал итальянец, закрыл коробочку и убрал в карман.

В комнату вошла Синка с подносом.

— Ой! — удивленно сказала она. — А я не знала, что у нас гости... нужно было лишнюю чашку захватить.

И белка снова постучала в окно, напоминая о своей кормушке.

ЮРИЙ БУРНОСОВ

Родился в 1970 году в маленьком древнем городке Севске, что в Брянской области. Закончил Брянский государственный университет, по диплому — преподаватель русского языка и литературы, но ни дня в этом качестве не работал. Зато был санитаром (в том числе в морге), журналистом, редактором, пиарщиком, кинокритиком, чиновником и даже банкиром.

Автор сценариев нескольких популярных телесериалов и пятнадцати книг, в том числе написанных под псевдонимом Виктор Бурцев. Лауреат целого ряда литературных премий —

от экзотических, типа Почетной грамоты университета МВД Украины, до номинации на «Национальный бестселлер». Роман «Чудовищ нет» был признан Книгой года-2007 по версии журнала «Мир фантастики» и сейчас перерабатывается в киносценарий.

Живет и работает в Москве, куда перебрался из Брянска пару лет назад. Хобби — военная история (особенно бронетехника и авиация), огнестрельное оружие, кино, музыка.

АВТОР О «ХАКЕРАХ 3»

Юрий, когда вам предложили взяться за «Хакеров 3», вы сразу согласились?»¹

Я даже помню этот момент во всех подробностях. Я сидел на брифинге со сценарной группой, разрабатывали концепцию нового мистического сериала. И тут мне звонят из издательства с вопросом, не хочу ли я дописать трилогию. А меня как раз так достали какие-то глупости, которые говорила девушка-режиссер, что я ответил: «Конечно, давайте его сюда скорее!» Не могу сказать, что пожалел об этом решении, хотя временами и такое было?

Наверное, сложно продолжать чужие идеи, разгадывать заданные другими загадки, подстраиваться под чей-то стиль?

С «Хакерами 3» вообще было много сложностей.

Во-первых, естественно, продолжать и тем более заканчивать начатое не тобой очень трудно. Тем более «Хакеров», вещь весьма запутанную и многоплановую.

Во-вторых, писать нужно было в довольно сжатые сроки, и времени раскачиваться у меня не было. Собственно, я едва ли не половину отведенного времени потратил на сочинение синопсиса. Причем старался использовать то, что уже предложил Чубарьян — он ведь публиковал в своем ЖЖ примерные наметки, плюс внести что-то свое, потому что не хотел просто закончить за другого автора.

В-третьих, я сначала многое не заметил. В итоге синопсис «поплыл», и целый ряд сюжетных коллизий пришлось вносить уже в процессе написания. Получилось то, что получилось; наверное, я все-таки дал ответы далеко не на все вопросы, которые возникли у читателей в ходе чтения первой и второй частей. А какие-то вопросы задал уже сам и ответа на них тоже не дал... Или дал, но слишком расплывчато, хотя это, наверное, как раз хорошо. Читателю будет, что додумать самому.

Первая и вторая книги во многом построены на компьютерных технологиях, хакерстве и т. п. Вы сами хорошо разбираетесь в теме?

Скажем так — я продвинутый юзер. До какой степени продвинутый, сказать сложно. Наверное, не слишком... Поэтому мне пришлось консультироваться с понимающими людьми, много копаться в Интернете. Но я с самого начала решил, что «компьютерная» составляющая в третьей части будет менее важной, чем у Чубарьяна. Если я в чем-то разбираюсь недостаточно, лучше от этого уходить в пользу того, что я умею. А умею я писать о приключениях, что, собственно, и видно из текста. Герои потеряли возможность влиять на окружающее посредством своих прежних умений и знаний. Им пришлось выживать в таких условиях, когда нож или автомат важнее коммуникатора или умения быстро написать программу.

В «Хакерах 3» минимальное количество новых героев вроде добродушного преступника Куаутемока Сальсадо. Зато множество героев уже знакомых — Игнат (Нестор) Нефедов, Ченнинг, большинство персонажей «Хакеров 1» и «Хакеров 2»... Тот же Бад, казалось, выпал из повествования еще на середине второй части, а в третьей он один из ведущих персонажей, конфидендент Ника. С чем все это связано?

Я решил, что и в самом деле достаточно уже существующих героев. Зачем придумывать новых? Я и ввел их по возможности лишь там, где без них было не обойтись. Причем, полагаю, того же старину Куаутемока мы явно еще увидим в одной из других серий.

То же и Нестор, к примеру. Нужно связывать разные серии как можно плотнее, так получается значительно интереснее. Вон любимый всеми нами хихикающий демон — как выскочил из «Революции», так и скачет по всему «Этногенезу», на страх персонажам и на

радость читателям!

Ну, а Бад как-то сам собой выбрался в первостепенные герои. Мне было очень жаль его убивать, но нужно было жертвовать какими-то фигурами. Притом он и в самом деле уж слишком стал выбираться на первый план. Вообще, как видите, я много народу поубивал в этой книге. Но не забывайте, что герои «Этногенеза» иногда имеют свойство восставать из мертвых, и не обязательно в виде зомби.

Вопрос вдогонку — жив или мертв Мусорщик?

Я даже задавал этот вопрос на своей страничке ВКонтакте. Читатели предлагали разные варианты, в том числе как побольнее, посмешнее или поизобретательнее его прикончить. В итоге я плюнул и оставил все, как есть — босой труп в белом костюме, плавающий в бассейне на острове мистера Уайта. А Мусорщик это был, не Мусорщик, живой он там плавал или мертвый — думаю, рано или поздно выяснится?

Что подтолкнуло вас к переброске Лекса, Лиски и Андерса в мир «Армагеддона»?

То, что я этот мир очень люблю и явно к нему не раз еще вернусь. К тому же он пришелся тут весьма кстати. Мне стоило больших трудов не углубляться в него, иначе приключения этой троицы на Запретных Территориях могли бы разрастись в полкниги. Подмывало как-то вставить Джея-Ти, Шибанова... Удержался, слава богу.

Но зато я намеренно вставил фрагмент из третьего «Армагеддона» — Гумилев в Солт-Лейк-Сити. Но этот фрагмент в данном случае перетекает во встречу его с Лексом. Это еще один взаимообразный кусочек. Так, кстати, делает Стивен Кинг. Он был моим любимым писателем еще лет десять назад. Потом Кинг написал много ерунды (на мой взгляд, разумеется), но что у него здорово, так это то, что он красиво объединяет свои миры, свои истории. Они как бы перетекают из одного в другой. «Темная башня» и «Бессонница», «Оно» и «11/22/63», «Мертвая зона» и «Необходимые вещи» с «Темной половиной»... Я же пока еще только учусь, так что не судите строго.

Кто из героев нравится вам больше, Лекс или Ник?

Ник. Он мне представляется более положительным, что ли... Была мысль вообще писать третью часть только от лица Ника, но я быстро от нее отказался. В итоге получилось куда интереснее, надеюсь.

Вы так любите эпиграфы к главам, вкладываете в них много скрытого смысла. Почему в этой книге эпиграфов почти нет, только в самом начале?

Потому что так было у Чубарьяна. Я не стал менять его построение текста, счел некорректным.

Что вам помогало в работе? Раньше вы говорили, что слушаете различную музыку, создающую соответствующее настроение.

А в этот раз не слушал. Уж не знаю почему — может, потому что, как уже говорилось выше, заканчивал во многом чужой труд. Соответственно, и вдохновлялся иначе. Тем, что устраивал перерывы и играл в World of Tanks. Пишу-пишу, застряну. Поеду, подстрелю две-три вражеские машины (я не сказать, чтобы супертанковый ас, но иногда очень хорошо воюю), что-то в голове сложится, пишу дальше. Честно, весьма помогло!

И главный вопрос: кем же все-таки были друг другу Ник и Лекс?

Признаюсь, мы изначально хотели ответить на этот вопрос без обиняков. То есть взять и в конце третьей части открыть секрет. Но потом решили этого не делать, причем в основном ратовал за это я (принимаю огонь на себя).

Если даже «Хакеров 4» не будет (хотя чем черт не шутит), мы обязательно расскажем об этом в одной из других серий «Этногенеза». Как говорится, следите за рекламой!

ⁱ (автор отвечает в том числе на вопросы, заданные читателями социальной сети **ВКонтакте**)